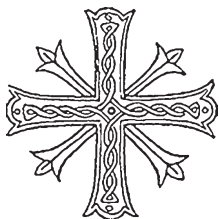

Чудесные и достопамятные события на Святой Горе Афонской

Чудесные и достопамятные события на Святой Горе Афонской

*Рассказы братии Русского на Афоне
Свято-Пантелеимонова
монастыря*

Составитель
Монах Арсений
со Святой Горы

Сибирская Благовонница
Москва
2022

УДК 281.9
ББК 86.372
А 94

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 21-110-0236*

А 94 Чудесные и достопамятные события на Святой Горе Афонской: Рассказы братии Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря / Сост. Монах Арсений со Святой Горы. — М.: Сибирская Благовонница, 2022. — 396, [4] с.

ISBN 978-5-00127-278-6

Предлагаемая читателю книга продолжает серию издательства о Русском Афоне. Ее составляют рассказы насельников Свято-Пантелеимонова монастыря о явлении им Богородицы и святых, о Божием заступлении и помощи в минуту опасности, о прозрачности мира сего и реальности мира иного. Это не «литературные», а реальные истории, пережитые монахами обители.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 281.9
ББК 86.372

© Сибирская Благовонница, макет,
оформление, 2022

К читателю

Старцы Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонах Иероним (Соломенцов)* и схиархимандрит Макарий (Сушкин)** при жизни своей вдали от Отечества проделали громадную работу. Их старанием почти полностью

* О иеросхимонахе Иерониме (в миру Иван Павлович Соломенцов; 1805–1885) см.: Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012; Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012.

** О схиархимандрите Макарии (в миру Михаил Иванович Сушкин; 1820–1889) см.: *Монах Арсений (Святогорский)*. Афонский старец Макарий: Жизнеописание, наставления, письма схиархимандрита Макария (Сушкина). М.: Сибирская Благовонница, 2017.

сформировался настоящий внешний вид монастыря, к последней трети XIX века число братства возросло до восьмисот человек, в обители был установлен образцовый общежительный порядок, из России нескончаемым потоком прибывали паломники. Русские богомольцы видели здесь высокое духовное устройство, пример жизни подвижнической, мира и любви.

Зная, сколь важно просвещение народа, какую великую нравственную пользу приносит чтение духовных книг, старцы много внимания уделяли просветительско-издательской деятельности*. Книги издавались в большом количестве, они пользовались спросом и, по свидетельству очевидцев того времени, имелись почти в каждом духовном учреждении, учебном заведении, в каждом монастыре России. С 1878 года

* См. подробно: Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. С. 422–436.

стал выходить ежемесячный журнал «Душеполезные размышления» (в 1888 году переименованный в «Душеполезный собеседник»), который благодаря своей дешевизне был доступен всем. В количестве 15–20 тыс. экземпляров ежемесячно журнал бесплатно раздавался и рассылался по всей России. Помимо книг и журнала обитель выпускала так называемые листки и брошюры религиозно-нравственного содержания (например, такие: «Бог в природе», «О молитве», «Кончина мира, Страшный Суд и вечность мук», «О необходимости и пользе частого причащения Пречистых Таин Христовых» и т.п.). Ежегодно распространялось бесплатно 300 тыс. экземпляров брошюр и около 2 млн листов.

В письме игумену Андрею (Веревкину) от 6 ноября 1900 года митрополит Антоний (Храповицкий), в то время епископ, писал: «Получив огромное количество духовных книг, изданных обителью Вашей для раздачи народу, приношу преподобным

отцам и братьям усерднейшую благодарность. Знал я, что св. Руссик издает книги, но не думал, что их издано такое множество»*.

Обер-прокурор Священного Синода В. К. Саблер при встрече с афонскими монахами выразился так: «Ни одна обитель не издает столько книг, как ваша, за что мы и уважаем ее»**.

С благословения старцев в обители собирались и записывались самые разные сведения из жизни святогорцев, рассказы о чудесных происшествиях, участниками или свидетелями которых были братья Пантелеимонова монастыря, — все то, что могло послужить для назидания и укрепления веры православного христианина. Сам отец Иероним является автором многих

* Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2015. С. 547.

** Дневник о. Владимира (Колесникова) от 3 ноября 1903 года // АРПМА. Оп. 11. Д. 17. Док. 310.

замечательных рассказов, которые публиковались в «Душеполезном собеседнике» под рубрикой «Из келейных записок афонского старца»*.

С этой же целью духовно-нравственной пользы издается и настоящий сборник. В него вошли как уже публиковавшиеся тексты, так и тексты из архива обители, еще не выходившие в печати. Представленные материалы не рассказы в «литературном» смысле этого слова, но их можно назвать документальными свидетельствами, так как они повествуют о реальных случаях, бывших с насельниками монастыря или с их родными и знакомыми в России.

Первую часть книги составляют несколько рассказов иеросхимонаха Иеронима из его «Келейных записок», третью часть — фрагменты из «Воспоминаний о былом»

* Эти рассказы в наши дни опубликованы в: Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. С. 14–171.

иеросхимонаха Агафодора (Буданова)*. Четвертая часть содержит выборку из журнала «Душеполезный собеседник» («Душеполезные размышления»).

Вторая часть, самая обширная, включает тексты из рукописной книги «Афонский сборник замечательных происшествий и достопамятных событий», которая хранится в библиотеке Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Здесь представлены истории насельников обители, их рассказы о борьбе с искушениями, о Божием вразумлении нерадивым монахам, о явлении

* Иеросхимонах Агафодор (в миру Александр Иванович Буданов; 1846–1920) — один из выдающихся подвижников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, последние двадцать лет жизни главный духовник обители. Отец Агафодор оставил много рукописей с описанием своей жизни, духовного опыта и знаменательных событий, участником или свидетелем которых он был. О нем см.: *Монах Арсений со Святой Горы*. Подвижники Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. XIX — первая половина XX века. М.: Сибирская Благовонница, 2020. С. 355–407.

Самой Богородицы и святых, о Божием заступлении и помощи в минуту опасности, о призрачности мира сего и реальности мира иного. Ведь на Афоне чудо, то есть соприкосновение со сверхъестественным, не исключение из общего правила течения жизни, а факт действительности.

Рассказы братии дают ответ на вопрос, что с такой силой влекло русского человека на Святую Гору. Секретарь русского посольства в Константинополе Алексей Смирнов, посетивший Пантелеимонов монастырь в 1886 году, писал: «Большинство наших иноков вышло из народа темного, из крестьянства; не удобства, не приволье привлекли их сюда — сурова монастырская жизнь на Афоне. <...> Ни нужда, ни тяжелый труд, ни голод и холод не задушили в нем стремления ввысь...»* Именно

* Смирнов А. Две недели на Святой Горе. М., 1887. С. 40. Цит. по: Монах Арсений (Святогорский). Афонский старец Макарий: Жизнеописание, наставления, письма схиархимандрита Макария (Сушкина). С. 352.

К читателю

это — стремление ввысь, к Богу и вело человека на Святую Гору.

При подготовке к изданию рукописных материалов орфография и пунктуация были приведены в соответствие с современными нормами русского языка, но литературной обработке тексты не подвергались, благодаря чему сохранены особенности языка «авторов». Под некоторыми текстами стоит подпись рассказчика, которая удостоверяет, что все изложенное — правда. В отдельных случаях, когда оказывалось нужным прояснить не очень понятные места, использовались квадратные скобки []. Названия текстов тоже принадлежат «Афонскому сборнику».

Пусть эта книга будет не просто интересна читателям, но окажется им полезной, обогатит новыми знаниями о Святой Горе — райском рассаднике «подвижников для неба»*.

Монах Арсений

* См. с. 151 наст. изд.

Из келейных записок
иеросхимонаха Иеронима
(Соломенцова)

Печатается по изданию: Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 94–97.

Безценный бисер

Один из живущих близ нашей обители пустынников, подходя однажды к принятию Святых Христовых Таин, нечаянно толкнул Чашу, желая взять в руки или-тон, и чуть было не вытолкнул ее из рук священнослужителя. Когда ему сделали за это строгое замечание, он стал скорбеть и неутешно плакать о своей неосторожности.

В этот же день, скорбя, он поник головою и как бы заснул, продолжая и во сне рыдать. И вот он видит пред собою человека, который говорит ему: «О чем ты так горько плачешь?» Он отвечал: «Как же мне не плакать? Я сегодня впал было в такую беду — едва не вытолкнул Чашу». Явившийся ему

говорит: «Ведь это было нечаянным образом». Пустынник отвечал: «Хотя оно и так, но все-таки была моя крайняя неосторожность». На что явившийся сказал: «Справедливо так, что нужно подходить с великим благоговением и опасением, и всякая неосторожность требует покаяния. Хотя и ненамеренное дело, но требует очищения исповедию». Затем показал ему маленький сосудец, в котором оказалась совсем малейшая частица, блистающая необыкновенным светом. На вопрос, что это такое, явившийся отвечал: «Это бесценный бисер — частица Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Мы приставлены быть всегда при совершении Святых Таин, и если от невнимания священнослужителя или как бы то ни было утратится какая-нибудь частица, то мы сохраняем ее в сосуде». И при этом показал ему лжицу и лопаточку в виде ножа, говоря: «Этим орудиями мы поднимаем утратившуюся частицу». И потом продолжал: «Хотя они сохраняются нами и никогда ни одна

частица не утратится, но вы должны быть осторожнее и в случае неосторожности своей приносить покаяние».

После этих слов пустынный как бы встал и пошел в то место, где живет, и очутился в каком-то саду, который был наполнен деревьями, на которых были цветы необыкновенной красоты, которых он никогда не видел. На вопрос: «Чье это место?» — ему отвечали: «Отца Г.». И он его самого видел стоящим подле одного дерева, хотя и неотчетливо. Тем и кончилось это видение, и старец возблагодарил Господа, не оставившего его в глубокой печали без утешения.

Чаша с огнем

При выходе из обители двух братьев разгласили, что они изгоняются, отчего некоторые братия начали смущаться. Один из таковых тоже решился выйти, но по усмотрению Божию вперед

обратился к игумену, как бы упрекая за изгнание. Игумен рассказал ему всю сущность дела. Тогда он говорит: «Я имею нужду объяснить свои помыслы, но как тебе не могу, так и духовникам, находящимся в обители». Игумен благословил его пойти к постороннему. К счастью, он попал на духовника, понимающего дело, который сказал ему, что болезнь его не может исцелить никто, кроме его духовника или самого игумена.

Тогда он объяснил старцам, что, не умея хорошо читать, он не считал за нужное объяснять духовникам случающиеся с ним немощи, но стал понимать, что у него совесть неспокойна. И вот однажды, когда все братия приобщались, боримый помыслом, объяснять ли свои немощи или нет, он решился приступить к приобщению Святых Таин. Попущением Божиим иеромонах, приобщавший его, неосторожно задел ложницей, и малейшая капелька Крови Христовой нечаянно попала на левую сторону

его бороды, и вдруг все воспламенилось как внутри него, так и снаружи, как будто бы зажгло его. Испугавшись, он уже и не рассуждал, но поспешил принести покаяние чистосердечно как игумену, так и духовнику и остался спокоен в обители.

Благодатное прикосновение

Случай, бывший 1 октября 1878 года. «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз» — это было прочитано одним слушающим Божественную литургию в то время, когда служащий произносил: «Приимите, ядите...» Слова: «От нихже первый есмь аз» — так глубоко воздействовали, что слезы источниками каптились из глаз и не прерывались во весь день. В этих словах выразилась вся сила

*Из келейных записок
иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)*

милосердия Божия к человеку и сознание ежеминутных грехопадений человеческих пред величием Божиим. И тогда ему показалось, что все люди гораздо возвышеннее и несравненно лучше его. При повторении слов: «От нихже первый есмь аз» — он почувствовал необыкновенную духовную радость, как бы соединился с Богом.

Вразумление нетерпеливому

Один из братии неоднократно выходил из обители, но всегда по особому о нем Промыслу Божию убеждаем был возвращаться в оную и несколько успокаивался, а потом опять смущался. В одно время, находясь в обители, стал он колебаться и смущаться помыслами оставить обитель, пошел к старцу объяснить это и просить его совета. Старец высказал ему

все понесенные им лишения духовных даров во время выхождения из обители и потом сказал ему: «Если ты не успокоишься и опять выйдешь, то потерпишь великие напасти, а я тебе даю свободу выходить или оставаться в обители, как хочешь». С этим он и вышел от старца.

Это было во время всенощного бдения. Брат углубился в размышления и стал со слезами просить помощи Божией, и вот вдруг его озарил необычайный свет, в коем увидел он распятого на Кресте Господа с отверстыми язвами. Он пришел в ужас от сего и услышал глас от Господа: «Видишь ли, что Я претерпел ради тебя, а ты не хочешь здесь понести и малых скорбей ради своего спасения». Брат умилился и остался в обители.

Через несколько времени после сего этот брат видел в сонном видении обитель нашу и над ней как бы на воздухе стоявшего старца, который сказал ему: «Не смущайся!»

*Из келейных записок
иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)*

Дух противления

Один из поклонников¹, желая поступить в обитель, просил игумена о принятии его в общежитие. После многих желаний своих, высказанных пред игуменом, ему было предложено пожить немного так и ходить на послушание, которое тогда же и было ему назначено. С самого поступления своего на послушание он оказал дух противления тем, что ему ни послушание, ни келия не понравились. Когда игумен сделал ему замечание, то он очень встревожился, но, однако, пошел и по убеждению старшего, рассказавшего ему о силе послушания, по-видимому принялся за дело. И только что принялся, пред ним вдруг явился среди дня в самом гнусном образе бес и говорит ему: «И ты осмелился меня оставить! Я ли тебя не утешал, доставляя тебе разные удовольствия по желанию твоего сердца?» Конечно, новопоступивший очень испугался, ибо вслед за тем

появились ползущие змеи и другие гады, он стал плакать и кричать истерическим криком.

Тогда сказали духовнику, который дал ему наставление, чтобы он не кричал и не боялся ничего. На вопрос, почему это случилось, он высказался, что скрывал на исповеди свои немощи, не желая стыдиться перед духовником.

Потом первые дни он ощущал большую боязнь, но когда творил крестное знамение, то все прекращалось. Послушник этот, однако, прожил в обители только около трех месяцев и, смущаясь все более и более, уехал на родину.

Огненное имя

Один из братии, исполняя временно послушание при поклонниках вне монастыря, не мог всегда сохранять умеренность в употреблении предлагаемого питания.

Однажды в 1864 году он против обыкновенного излишне употребил и в таком положении заснул. По случаю прибытия в тот день парохода братия должны были проходить чрез его келию, но он не слышал сего. На другой день, когда он проснулся и услышал, что некоторые из братии видели его лежащим в неприличном положении, совесть сильно стала упрекать его, что он предался излишеству и причинил соблазн другим. Чистосердечно сознав пред духовным отцом свою немощь, по благословению его положил он себе за правило выучить наизусть акафист Иисусу Сладчайшему, что исполнил, и каждый день прочитывал его келейно.

В один вечер после умильного чтения акафиста он по обычаю лег отдохнуть и только что стал засыпать, как вдруг услышал шум, потрясающий келию. Устремив взор свой на дверь келии, увидел влетающих в нее множество бесов. Он обомлел от страха и хотел подняться с кровати,

но не мог. Бесы начали играть, петь, изрыгать разные хулы, стали дергать его за одежду, отчего умножился его страх. Тогда один, как бы из начальствующих, стал повелевать другому, чтобы вошел в сего монаха. Но монах при этом не потерялся, начал читать акафист Иисусу Сладчайшему. Бес подошел к нему и сказал: «Отворяй рот». Монах продолжал чтение акафиста. Бес стал усиливаться войти в него, но не мог. Начальствующий бес повторил приказание подчиненному бесу войти в монаха, но подчиненный бес отвечал: «Он что-то нашептывает, и это мне мешает войти в него». Начальствующий бес стал опять повторять своему подчиненному приказание войти в монаха, но в это время монах усилил свою молитву ко Господу и Царице Небесной, чтоб не попущено было врагу обладать им. Бес опять подошел к нему, стал его дергать, мучить и усиливался войти в него. Монах продолжал чтение акафиста. На вопрос начальствующего беса

к подчиненному, почему он медлит войти в монаха, бес отвечал, что пламенная струя, исходящая из уст монаха, опаляет его. Тогда начальствующий бес повелел дать подчиненному своему несколько ударов и вновь повелительно приказал, чтоб подчиненный его вошел в монаха. Опять подошел бес к монаху и сказал своему повелителю: «Не могу войти, пламень выходит из уст монаха от призывания им противного нам имени». Тогда начальствующий бес с великим упреком сказал своему подчиненному: «Я тебе говорил: “Не доводи его до бесчувственного состояния, ибо монахи имеют обычай после этого сознавать свою немощь и призывают в помощь Распятого”. Если б он тогда-то (указав на время) не упился, то не вздумал бы повторять этих ненавистных нам слов». После чего повелел умножить удары подчиненному своему.

В это самое время раздался звон колокола на правило, и бесы, попирая один другого, бросились вон из келии, от чего произошло

сотрясение столь сильное, что монах упал на пол с кровати. Отдохнувши от этого истязания, отправился к утрени, исповедал все духовнику, после чего старался быть воздержнее.

Матерь утешения

Под день праздника Покрова Пресвятой Богородицы один из иеромонахов обители нашей был тяжело болен. Пред началом бдения к нему вошел духовник, коему он выразил свою скорбь, что он нисколько не может участвовать в богослужении. Духовник, уходя от него, сказал ему: «Я иду в соборный храм святого великомученика Пантелеимона для принесения из оного части Животворящего Древа и главы святого великомученика Пантелеимона в наш Покровский храм (что делается ежегодно на праздник этот)».

*Из келейных записок
иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)*

Когда духовник ушел, иеромонах стал молиться Божией Матери сими словами: «Вот глава святого великомученика Пантелеимона, а с нею и сам он невидимо для нас будет присутствовать в храме Твоем, Владычица; быть может, помолится и за нас, чад своих, собранных им в свою святую обитель». Затем опять стал говорить: «Хотя мы грешные и недостойные, а Царица Небесная милостива: не окажет ли нам, грешным, Своей милости — посетить храм Свой и осенить нас Своим честным омофором?» В это самое время он услышал пение тропаря великомученику. Сотворив крестное знамение на себе, он вдруг пришел в исступление: ему представилось, что из собора святого великомученика Пантелеимона выходит Некая Божественная Жена в багрянице, окруженная великою славою, поодаль Нее шел святой великомученик Пантелеимон в красном плаще, и слышалось неземное пение. Видит, что дошла до главной лестницы нашего русского корпуса...

При этом он очнулся, и обильный источник слез струился из его глаз.

Духовник при чтении первой ектении вновь его посетил и нашел его в слезах радости. Иеромонах передал ему все виденное им и с того времени почувствовал облегчение, а чрез некоторое время совершенно выздоровел.

ПОМЫСЛЫ ХУЛЬНЫЕ НЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА, А ОТ БЕСОВ

Старец Григорий, родом из Воронежской губернии, прибыл на Афон уже в преклонных летах, был принят в нашу обитель и пострижен в схиму. Нрава он был тихого и смиренного и вида благообразного.

По прошествии нескольких лет он сделался на вид смущенный, мрачный и печальный, стал сохнуть, слабеть и едва ходить. Когда его спрашивали, чем он страдает, какая у него есть болезнь, он на это всегда отвечал, что скука и печаль мучают его

и не может сказать отчего. И это искушение уже три года как изнуряет его. Многократно духовник спрашивал его, отчего он всегда смущен. И ему он всегда отвечал уклончиво и не открывал своих помыслов. Духовник сказал одному его другу, чтобы он как-нибудь выпытал бы у него, какие помыслы смущают его. Тот пошел к нему и долго докучал ему, чтобы он хотя бы ему открыл те помыслы, которые смущают его, но он одно только говорил — что никак не может этого сказать, ужасно боится, дабы сквозь землю не провалиться. Посланный, пришедши к духовнику, передал все слышанное, что он ужасно боится открыть свои помыслы духовнику, как бы от этого не погибнуть.

Тогда духовник понял, что этот старец страдает от духа хульного и, как неграмотный, по невежеству своему и по внушению врага думает, что сказать духовнику про помыслы хульные есть страшный грех. Духовник, немедленно призвавши его к себе, спросил:

— Да ты, отец Григорий, страдаешь от нападения злого духа хульного и боишься о том сказать?

— Так, батюшка, так, — отвечал он, — не могу сказать, ужасно боюсь, как только подумаю, чтобы открыть тебе мою беду, так весь приду в ужас и трепет, потому что помысл говорит мне: «Как только скажешь о сем, тотчас провалишься сквозь землю в ад». — Эти слова он едва выговорил, весь дрожа от страха и повторяя: «Не могу, не могу».

— Ну, если ты не можешь рассказать мне своих мыслей, — сказал ему духовник, — так я тебе расскажу твои мысли, которые враг приносит тебе на Бога.

На это он сказал замирающим голосом:

— Ах, Боже мой, как это можно?

— Так слушай же, — сказал духовник. — Враг приносит тебе мысли хульные, бранные, всякие сквернословия на Бога и на Божию Матерь, на святых угодников, на Святые Тайны и на святые иконы.

При этих словах отец Григорий со страхом подтверждал:

— Да-да, вот-вот, так-так. Ах, Боже мой! Как ты это, батюшка, не боишься говорить? Это ужас!

— Да я слова эти говорю не свои, а вражеские, — сказал ему духовник, — то, что нам внушают бесы, ибо они попущением Божиим, как я сказал, стараются возмущать нас, особенно незнающих, всякими скверными бранными мыслями на Бога и на все святое, хулы мерзкие, самые тяжелые, несносные и частые. Сами они, проклятые, хулят, а потом станут уверять человека, что это он сам хулит Бога, а беса тут и близко не было. Тогда незнающий человек приходит в великое смущение и даже отчаяние.

— Так, батюшка, так, — сказал старец Григорий, — и мне тоже мысли говорили, что будто бы я сам бранил Бога и что за это я погибну, не спасусь. Такие мысли убивали меня, и я много отчаивался, думая, что если я только открою эти мысли, то сейчас же

погибну, и я скорбел и не знал, что мне надо было делать.

— Так всегда случается с незнающими и особенно с теми, которые не открывают своему отцу духовнику мыслей, — сказал ему духовник. — В таком тяжком искушении первое средство есть исповедь и откровенность знающим людям и посильная молитва, а главное — то, что советуют святые отцы: чтобы хульные помыслы пренебрегать, вовсе презирать, за ничто считать, не приписывать их себе и не смущаться от них и совсем не обращать на них ни малейшего внимания, ибо Бог знает, что мы не желаем Его хулить, а паче прославлять и что эти мысли — бесовские, а не наши, и мы за них отвечать не будем, потому что мы их не желаем и не принимаем, но они навязываются нам насильно. Если враг заметит кого, что он стал смущаться от богохульных помыслов, на того он более будет нападать, а кто не смущается, того враг оставляет.

*Из келейных записок
иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)*

Такой совет дал духовник старцу Григорию, который с того времени и успокоился.

По прошествии месяца духовник увидел старца Григория и спросил его:

— Что, как теперь, помыслы богохульные смущают ли еще тебя?

Тот отвечал:

— Слава Богу! Молитвами твоими с того времени эти помыслы оставили меня, и я теперь спокоен.

Остальное время жизни он прожил покойно и с миром скончался.

Из рукописной книги
«Афонский сборник
замечательных происшествий
и достопамятных событий»

Публикуется по: БРПМА (Библиотека Русского
Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне). Док.
L033119.

Афонские пустынные беседы

В июльскую ночь 1890 года в саду при Георгиевской келлии¹ постной сошлись два схимонаха — Венедикт и Леон. Поздоровавшись по-иночески, сели на траву под маслиной, чтобы подышать чистым ароматическим воздухом Святого Афона. Луна тихо плыла по небу и, бросая свет свой на сад, делала его дивно-очаровательным. У обоих собеседников на душе было спокойно; разговаривали они о милости Божией к грешному люду <...>.

— Да, вот, святой отец Венедикт, я тебе нечто расскажу о себе, — говорит Леон. — Лет двенадцать тому назад я был мирянином

и жил в Нижнем Новгороде, и вот ко мне из села родины моей приехала мать погостить. И что же? Как-то она [прослышала], что в городе есть старая дева — прозорливая по имени Муза. По врожденному женскому полу любопытству отыскала [она] эту Музу, принесла ей яблок и спрашивала ее о различных счастьях и будущих судьбах, конечно, своего рода.

Пришедши от нее, говорит мне, что была у Музы, у которой было народа очень много, [и Муза эта] вопрошающим давала ответы, иных ругала за порочную жизнь, а других вовсе [про]гоняла и не принимала никаких подаяний. «Я ее [, — рассказывала мать, —] спрашиваю о Маше (девица, сестра моя, теперь умершая первыми родами), что выдам ли ее замуж, она кратко ответила, [что] скоро выйдет “за мальчишка”».

Я матери на это сказал вроде того, что она бесноватая: в молодости влюбилась в одного, а он ее и не взял замуж, она же затосковала, осталась девой и от тоски

сделалась бесноватой. Это было мое тогдашнее воззрение. На самом деле я лично Музы не видал и истинную биографию жизни ее не знал.

После того вскоре, разочаровавшись во всей языческой жизни, которую я проводил в мире, по наружности считаясь христианином, по милости Божией и Царицы Небесной [я] вздумал оставить мир и служить Богу, почему поехал на родину, дабы проститься с родными. По приезде [моем] вдруг явился жених, молодой человек, и сестру отдали замуж, а я объяснил родителям, что хочу отправиться на Афон — спасаться. В это время мать моя и говорит: «А помнишь ли, я ходила к Музе-то? Ведь она верно сказала о Маше, что скоро “отдашь замуж за мальчишка”, вот и исполнилось! Да и о тебе она сказала, только я тебе тогда не открыла». — «Ну, а что сказала?» — «Она сказала, что старший сын уйдет в монахи, и вот ты и идешь». Я тогда подивился, а теперь и еще более

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и еще более удивляюсь и славлю Бога за все Его милости. Вот видишь, я и монах, и живу на пустыне Святого Афона. Как это она усмотрела, эта Муза, за несколько лет вперед и [через] такую даль расстояний?

— Да, твой рассказ дивный и поучительный, [— отвечал отец Венедикт, —] но, чтобы не остаться в долгу, и я, вспоминая молодые годы, нечто скажу на пользу твоей души. Молитвами вашими дай Бог памяти рассказать все толково.

Вот прошло тому лет под пятьдесят. Я, еще бывши мальчиком семи лет, жил в деревне Долматовой Новгородской губернии Валдайского уезда. Имел [я] товарища — сиротку восьми лет, имя позабыл уже. Мальчик не имел ни отца, ни матери, ни сродников, был родом не из нашей деревни, а просто поселился в нашей деревне и ходил из дома в дом: его все любили, потому что он пел стихи про Георгия и про других угодников. На память,

бывало, запоет, из носу только сопли висят; ему за это давали кто пирога, кто рубашку и т.п.

Раз мы, дети, собрались на улице, а он нам говорит, что вот если нынче попостимся и всю ночь будем молиться (в это время был канун праздника Преображения), то увидим Господа, апостолов и солнце будет играть и земля трястись. Двое из товарищей, были лет по пятнадцати, высказали недоверие к его словам, но он удостоверил и высказал, что он не раз видывал. Мы поверили ему и в числе пятнадцати человек постились день. Вечером потихоньку от старших собрались в назначенное место и стали молиться кто как умел: кто клал земные поклоны, а кто поясные, а молитву выражали такими словами: «Господи, покажись нам, покажи нам видение» и т.п. Молились долго. Годами были все почти равные — от семи до восьми лет, лишь двое были по пятнадцати лет.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Молились мы лицом по направлению [к области] между востоком и югом. Вдруг образовался на небе сильный гром, земля затряслась, и мы от испуга попадали, но, ободрившись, увидели на востоке солнце играющее —двигающееся вправо и влево, а потом стало двигаться сверху вниз, а затем из солнца образовался крест — величиною громадный и светлый.

На западе слышан был шум. Обратившись взором на сей шум, [мы увидели] на небе по направлению к востоку широкую дорогу светло-красного цвета, и шла она как будто в гору; по ней шло народа видимо и невидимо — много в светлых одеждах, и от идущего народа и был шум тот. А на востоке открылось нашим глазам непостижимое зрелище, что описать оное ум не может. Мы увидали Господа нашего Иисуса Христа, сидящего на высоком преславном Престоле, в руках имеющего скипетр и державу с крестом наверху; кругом его сидят двенадцать учеников — апостолов

в непостижимой славе, в белых одеждах, а сами красоты ненаписанной. Это видение схоже с тем, как пишут Святую Тайную вечерю, но на самом деле несравненно величественнее, а какое лицо Спасителя! — я и не видел на иконах подобного, уж очень-то хорошо.

Потом все кончилось. Но что же оказалось? Двое наших товарищей, которым было и лет более и кои вначале сомневались в видении, вовсе ничего не видали, за исключением шума и трясения земли, а один из них едва очнулся после видения: все время лежал на земле без памяти и немного его лицо было опалено.

Сей сиротка вырос, отдали его в военную службу, и я его вовсе не видел. А я по милости Божией, бросивши мир и мать-старуху, коротаю дни сии в среде святых афонских отцов.

— Спасибо тебе, отец, за рассказ, век его не забуду. Прости, пора отдохнуть.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Дивный келлиот

В 1904 году в мае месяце скончался у нас на больнице келлиот отец Ириней, и пред смертью вот что он рассказывал. Бывши мирским, хотелось ему спастись. Раз наяву предстал ему дивный муж, препоясанный крестообразно (Ангел), и говорит: «Иди на Афон и там спасешься, но только никого ни за что не осуждай». В это время предстал страшный исполин, и, указывая на него, Ангел говорит: «Вот, борись с ним всю жизнь» — и велел сходить в Киев помолиться.

«Пришедши в Киев к отцу Ионе, [— рассказывал о. Ириней, —] я был удивлен тем, что отец Иона обратился ко мне с [теми же] словами: “Ты иди на Афон и там спасешься, но никого не осуждай”.

Сам думаю: где этот Афон и как буду спасаться? Подходит старичок ко мне и говорит: “Поезжай на Афон, и там будешь пострижен в схиму, но никого не осуждай”.

Я его спросил: “А как тебя зовут?” Старец ответил: “Антоний”. Этот разговор подслушал послушник фондаричный² и спрашивает: “Это с кем ты говоришь?” Я ему все рассказал, и он подивился сему: послушник старичка не видал.

На Афоне живя, раз размышлял, как бы спастись, и в это время наяву явился Сам Иисус Христос и говорит: “Молись Моей Матери, Она многих спасла по Своей доброте”.

Сижу раз на дороге и задремал. Вижу: идет женщина с посохом, вроде игумении, остановилась возле меня и говорит: “Нá вот тебе старые башмаки и поди в Андреевский скит и там попроси их переменить на новые, скажи, что Игумения Святой Горы³ велела”. Я очнулся и увидал перед собою старые башмаки, которые отнес игумену Феодориту в Андреевский скит. Он много дивился и дал мне новые башмаки».

Старец собой очень прост и часто размышлял, почему не видал ни разу Игумении

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Святой Горы, и вот Она Сама явилась и дала башмаки.

Повествование иеросхимонаха Фомы

Иеросхимонах Фома, один из греческой братии, старейший из живущих в Русском святого Пантелеимона монастыре (с 1837 года), передал следующее событие, бывшее при его памяти.

Когда афонский монастырь Костамонит⁴ пришел в крайний упадок и находился в бедственном положении, не имея средств к существованию, в такой крайней бедности бывший тогда игумен, не видя ниоткуда помощи, избрал одного старца из своей братии и послал его в Константинополь за сбором доброхотных подаяний для поддержания обители. Этот старец, послушный своему игумену, прибыл в Константинополь [и], не имея никого знакомых

благодетелей и не зная, к кому обратиться, ходил по улицам в скорби. Вдруг встречается ему один человек мирской, одетый прилично и, по-видимому, имеющий хорошие средства. Этот человек остановил старца и спросил его: «Откуда ты, отче?» Старец отвечал, что с Афонской Горы, из монастыря Костамонит, прибыл в Царьград просить помощи у благодетелей, ибо «не имеем средств к существованию, а по неимению знакомства не знаю, куда и к кому обратиться». Тогда этот человек сказал ему: «Пойдем со мною» — и привел его к себе в дом, угостил его и, вручив ему весьма значительную сумму денег, сказал: «Помолитесь обо мне, святые отцы, ибо я очень грешен, имею много великих грехов, и, если можно, совершите всенощное бдение, дабы Господь простил меня и не помянул беззаконий моих!» Старец обещал исполнить его просьбу, и так как врученная ему сумма была весьма значительная, то он более и не обращался ни к кому, а прямо отправился на Афон.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

По прибытии его на Афон игумен спросил: «Почему скоро прибыл?» Старец отвечал, что Господь послал благодетеля, и передал ему пожертвованную сумму и просьбу благодетеля. Игумен с братиею на первом же бдении совершил моление о благодетеле, прилежно молясь ко Господу, дабы Господь простил его грехи и даровал ему исцеление болезней телесных, ибо у него по всему телу его были раны.

На это бдение пришел один пустынник, живущий в пещере близ монастыря. Этот пустынник во время полиелея задремал и в тонком сне видит, что когда пели полиелей, то пришли два светоносных мужа и поставили посреди церкви большую чашу (купель), наполненную водой, и привели какого-то человека, раздели его — он был весь в ранах и гнойных струпьях — и погрузили его в эту купель и вынули его оттуда здоровым, и уже ни единой раны, ни струпа на нем не было. Затем взяли небольшую чашу, почерпнули этой воды и поднесли пить ее игумену и всей

братии, которые все пили. Когда же поднесли ему, он начал кричать, что «я не буду пить такую смрадную воду». И когда они его как будто понуждали, он опять закричал: «Пусть здешние пьют, а я пустынный, пришел попросить сухарей» — и своим криком обратил на себя внимание всех. Его успокоили и стали расспрашивать, [и] он рассказал все, что ему виделось. Тогда игумен в присутствии того старца, который получил жертву, стал сего пустытника спрашивать, каков обличьем человек, которого погружали. Он отвечал, и, по словам его, оказался сходственным с означенным благодетелем. Тогда игумен с братиею возблагодарили Господа, услышавшего их молитву, и написали благодетелю благодарственное письмо, на которое он отвечал, что в ту самую ночь, когда было бдение, его раны закрылись и он получил совершенное исцеление.

Этот рассказ передал отец Митрофан, слышавший [эту историю] из уст отца Фомы, и прибавил, что отец Фома знал

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

этого игумена лично, но забыл его имя; он игуменствовал в сороковых годах текущего столетия.

Еще отец Митрофан говорил, что в монастыре Есфигмен есть обычай: когда кто из братии отходит ко Господу, то в самую минуту кончины ударяется трижды в колокол, и кто бы где ни был на послушании, слыша удар в колокол, останавливает занятие и протягивает четку о упокоении души новопреставленного.

Событие на Георгиевской постной келлии

Второго декабря 1884 года, на память святителя Спиридона Тримифунтского <...> на монастырской келлии святого великомученика Георгия, находящейся на востоке от монастыря, на значительной возвышенности у подножия холма, около [которого] <...> устроен водопровод: [вода

идет] по желобам, или так называемым гурнам [, произошло следующее]. В келлии жили схимонах Иоанн, монах Савел и брат Давид. После трапезы, чрез час, отец Савел говорит: «Пойдем гурны поправлять», отец Иоанн говорит: «Я не пойду, сегодня праздник», а брат Давид сказал: «Я за послушание пойду, а работать не буду». Но пошли. И [когда] отмерили около того места, где нужно было поправить, вбили один кол, вдруг слышат необычайный шум, как бы гром, и прямо несется на них [сей шум]. Они взглянули кверху, смотрят: часть скалы оторвалась от своего места и разбилась на множество камней, и летят [эти камни] на них. Отец Савел кинулся от страха в сторону и закричал: «Спиридон! Спиридон!» Отец Давид прижался в угол, груда камней пролетела через них <...> сами остались невредимы, но повредило гурны бизюли⁵ и часть огорода; и камни были величиной и тяжестию порядочны, приблизительно пудов за шестьдесят. Это не без Промысла Божия было событие.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

О видении святителя и чудотворца Митрофана

В то время, как в нашем монастыре освящали храм во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, один из пустынников, грек, схимонах отец Иерофей, был на освящении (1846 год) и усомнился в святости святителя как неизвестного на Востоке угодника Божия, и притом новоявленного. После хотя он и говорил, и верил, что церковь не без основания приняла совершать его память, но все еще некоторым образом вполне не утверждался [в сем], и помыслы сомнения посещали его чистую душу. Не могло укрыться это от святителя, и он удостоил [посещением] его и все братство обители в великом своем дерзновении пред Господом и попечении об обители.

Однажды в том же году, на день какого-то праздника, совершив бдение в своей

пустыньке, спешил он [отец Иерофей] в монастырь к литургии, но пришел раньше, так что еще не отпирали порту — ворота, кои отпираются по окончании бдения утром. Решась дожидаться, он отошел на холм, сел под масличным деревом и по своему обычаю углубился в неразлучную с ним умную молитву. Вдруг поразил его чудный свет. Боязненно озревшись, он видит святителя Митрофана, стоящего на воздухе над храмом, во имя его освященным, с воздетыми руками к небу, в молитвенном положении; кругом его — радужное сияние, свет этот проливался и обнимал всю обитель. Неизреченная радость озарила его сердце, и, воздав благодарения Господу и Его святому угоднику, он поспешил, как только взошел в обитель, передать духовнику, а потом и некоторым из братии о славе святителя Митрофана в бывшем ему видении. И, передавая старцам [о сем], первые слова с глубоким чувством и убеждением говорил: «Воистину великий угодник Божий

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

святитель Митрофан, воистину имеет дерзновение ко Господу, воистину печется о нашей обители», затем передал свое видение.

После таковых двукратных опытов посещения святителем Митрофаном обители⁶ все греки с особенным усердием чтят нашего святителя.

О святителе Григории

В нынешнем году (1860) скончался на Афоне замечательный по жизни святой Григорий, которого все называли более одним именем — брат мучеников (его брат замучен турками). Много лет исключительно он один бывал приглашаем к нам на храмовые праздники для служения, да и в другое время, когда указывала надобность.

Однажды, как и прежде, послали к нему приглашение на праздник святого великомученика Пантелеимона, а вместе послали

и мулов — привезти его. Но он не захотел почему-то быть на празднике, быть может, по длительности служб здешних, когда ему нужно было выстоять одно бдение — четырнадцать с половиной часов, затем литургию — пять часов, а это при его ветхих годах столь обременительно, что однажды так он изнемог, что на руках вынесли его из церкви, и сам не мог уже идти. Вследствие чего (или еще почему) отказался и велел передать старцам, что у него ноги болят. Посланный, получив ответ, возвращался в обитель, чтобы известить старцев, дабы успели распорядиться послать за другим архиереем для служения к празднику, но не достиг еще до монастыря, как у митрополита [Григория] разболелись ноги, и до того, что места не находил, и от нестерпимой боли доходило, что хоть кричи!

Сейчас же понял он, что наказан за ложную отговорку, что у него болят ноги, которые не болели, но после на самом деле [заболели], и [он] тут же, призвав своего келейника, дал ему свечей большой пук и одну

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

особо огромную свечу и денег, велел ему идти в монастырь и среди всей братии сказать, что он обманул и, поленившись поехать, сказал ложно, что болят ноги, за это действительно послал ему святой великомученик Пантелеимон болезнь ног, и он страдает жестоко. Велел говорить, не стыдясь никого, и просил молиться ко святому великомученику Пантелеимону.

Зажгли свечи в обители, по просьбе его молились, и он в самый день праздника, когда особенно был поминаем, выздоровел совершенно, и за то только, что он торжественно покался пред всеми и не скрыл греха своего.

Насекомые вразумили

В 1885 году, 2 августа, приходит к отцу духовнику Иерониму, а затем к отцу игумену⁷ монах сей священной обители некто отец Д., пораженный до глубины души происшедшим над ним явным

чудом от милости Божией. И передает со слезами бывшее с ним. Этот монах уже пожилых лет живет в обители уже давно и проходит с усердием разные послушания, но притом, к сожалению, он не строго себя держит в отношении должного иноку воздержания в пище и питии. От неумеренности своей он не раз и заболел. Так, в продолжение нескольких лет, несмотря на все усилия и увещания от старцев и даже строгие меры, он не мог исправиться.

Вдруг наконец постигло его, волею Святого Промысла, необыкновенное с ним происшествие: на него напали насекомые⁸ в таком чрезмерном количестве, что он увидел себя в крайней беде, ибо они преисполняли и белье, и верхнюю одежду; и всякий раз по смене белья немедленно появлялись снова — по всему телу и в прежнем количестве.

Всякие средства медицинские он употреблял, но все было без пользы. Так продолжалось с ним недели две или три, как однажды он в своей келии начал вдруг усиленно

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

молиться. Сознание заслуженного гнева Божия, скорбь и стыд за свою неисправность в поведении довели его наконец до сильного плача; он с горькими слезами и рыданиями мог только повторять: «Господи! Пропадаю, погибаю. Господи, помоги!»

Излив скорбь свою и горесть души пред Отцом Небесным, он встал с колен и в ту же минуту не увидел более ни одного насекомого — ни на одежде, ни на себе. Такое ментальное чудное исчезновение бесчисленных насекомых и избавление от всего своего неисцельного бедствия привело в благодарный трепет душу его. Он немедленно сообщил о всем, с ним бывшем, старцам.

Искушение бесовское

Один из братьев в день празднования святого Иоанна Богослова, во время всенощного бдения, увидел множество бесов, вторгшихся в обитель и начавших

расслаблять братию, вследствие чего некоторые из братьев вышли из церкви <...> некоторые бодро отражали их. И потом [бесы], подошедши к иконе Богоматери, говорили: «Она нас гонит, если б не Она, то мы бы всех выгнали».

Видение бесов

Один иеромонах обители нашей, стоя в церкви на утрене, воздремал. Вдруг увидел он, как будто идут по морю два огромной величины беса, идут на нашу обитель с разными прельщениями. Иеромонах пришел в ужас, что обитель должна подвергнуться великому испытанию и братия расстроится⁹. Вдруг с неба слетел Архангел Михаил и начал прогонять пламенным мечом бесов по очереди одного и другого и погрузил их в бездну морскую. После сего произошло большое смущение в обители, от которого обитель дивным

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

образом была избавлена, и так пришлось, что день избавления обители от тяжкого посещения был 8 ноября — день празднования святого Архангела Михаила¹⁰.

Землетрясение

В 1905 году, 22 октября, екклесиарх¹¹ Покровского собора отец Израиль после бдения Казанской [иконе] Божией Матери пришел в свою келию и лег отдохнуть на койку до Божественной литургии. Видит сон. Стоит он в храме Покровском и от святой иконы Иерусалимской, над царскими вратами находящейся, слышит такой глас: «Скажи старцам и братьям, чтобы каялись, примирились между собою и постригались в великую схиму, потому что грядет гнев Божий на Афон за плохую жизнь. Я умоляла за вас Сына Своего Бога». Екклесиарх отец Израиль о сем сказал духовнику отцу Аристоклию,

который велел молчать — никому не говорить. <...>

Двадцать третьего октября игумен Нифонт [(Четвериков)]¹² во время Божественной литургии заболел животом, разоблачился и ушел в келию; вечером был соборован и причастился, а утром 24 октября тихо скончался. Был похоронен в день святого Димитрия Солунского — 26 октября. Господь видимо наказал обитель, взял великого подвижника.

Утром 27 октября, без четверти в 7 часов, сделалось сильное, небывалое землетрясение, продолжавшееся почти до вечера. На Афоне разрушило много построек и причинило немало убытка. У нас на келлии святого Димитрия Солунского упал потолок и придавил диакона Исидора, которого едва спасли от смерти. С Карули привезли в больницу монаха, получившего ушибы от обрушившейся каливы. В ските Василия Великого обрушилась калива и убила схимонаха отца Варнаву. Шесть

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

рыбаков погибли от камней, катившихся с горы в море. В протатском храме на Карее¹³ заметили, что чудотворная икона Божией Матери «Достойно есть» вся мокрая от слез. После этого землетрясения колебалась земля день и ночь в продолжение многих дней, и монахи многие пробудились от спячки духовной, стали ревностными иноками, так что поставление нового игумена [Мисаила]¹⁴ было тихое, без ропота немощных братий.

Откровение афонскому пустыннику на вершине Святой Горы

В октябре месяце прошлого, 1905 года, за несколько дней пред страшным землетрясением, одному благочестивому и богобоязненному пустыннику Афону был глас, говорящий: «Иди на вершину Горы, там тебе будет откровение». Но он усомнился и не пошел, но после зем-

летрясения пошел посоветоваться к известному на Афоне строгому подвижнику и молитвеннику иеродиакону русскому отцу Макарию, который ему сказал: «Надо было бы сходить!» По прошествии малого времени тот же глас повторился: «Иди на вершину Горы, там тебе будет откровение». Тогда он пошел опять к Макарию и прочим благочестивым пустынникам посоветоваться, что делать, и говорит, что «я один боюсь туда идти». Тогда ему все сказали: «Возьми с собой товарищей и иди». Так он и сделал.

Когда взошли они на Гору до того места, которое посетила Пресвятая Богородица, то он оставил тут товарищей своих, а сам пошел на вершину, и там, три дня усердно и со слезами молившись Богу, немного ослабел и присел отдохнуть, и в это время предстали пред ним наяву двое юношей и, приподняв его, сказали: «Когда сойдешь с Горы, то говори всем монахам и игуменам, что если они не оставят своей худой жизни,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

то гнев Божий грядет на Афон: обольется кровию вся Гора или же будет страшное землетрясение, от которого будет местами выходить огонь и страшный удушливый дым, и будут провалы вместе с жилищами и людьми, а которые останутся в живых, то задохнутся тем дымом. Все это будет в будущем, 1907 году. Иди и дерзновенно говори, чтобы все молились и каялись во грехах своих, дабы избежать сего праведного гнева Божия, а что было 27-го числа октября землетрясение, так это есть только вразумление». Тогда пустынник сказал тем юношам, что [его] словам не поверят, а они сказали ему: «Пусть не верят, а ты всем говори». И затем они сделались невидимы.

О чуде Божией Матери

В истекшем 1860 году наш монах Отец Анастасий послал своей матери Гликерии Никифоровне Курловой

при письме несколько изображений с чудотворных икон Божией Матери. Она живет в Ново-Оскольском уезде, в слободе Михайловка, при зяте из духовного звания. Получив все это, она пожелала утешить одного страдальца прихожанина, с домом которого была в знакомстве, и с сей целью понесла ему одну из присланных картинок. Человек этот был семейный, имел жену и детей и от тяжелой болезни лежал недвижим на постели около года. Придя в дом его, она спрашивает:

— Что, помнишь ли ты, Константин N, моего сына?

Тот отвечал:

— Как не помнить Алексея Яковлевича! Вы знаете, что, когда я учился у вас в доме, мы вместе тогда как дети играли с ним! И с тех еще лет я помню его!

— Ведь он на Афонской Горе, — сказала благочестивая жена.

— Знаю, — отвечал тот, — знаю и то, что он уже монах.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

— Вот он, — продолжала мать, — прислал мне несколько изображений с чудотворных афонских икон, и я принесла тебе.

— О, дайте, матушка, посмотреть! — с жаром усердия произнес больной.

— Я не только посмотреть, но принесла подарить тебе, ибо он прислал довольно. — С этим словом она подала ему изображение Богоматери с чудотворной иконы «Млекопитательница».

Больной принял этот дар как залог к нему милосердия и со всем усердием, с любовью и верою начал лобызать святое изображение и не выпускал из рук до тех пор, пока не заснул. Сон его был продолжительный. Проснувшись — о чуде! — он ощутил себя совершенно здоровым, даже и следа болезни не осталось!

Видя такое знамение благоволения Небесной Покровительницы ко всем прибегающим к Ней, он, не отлагая нимало времени, пеше отправился на поклонение в Киев,

куда у него было обещание побывать еще при прежнем здоровье. Возратясь из путешествия, он написал письмо к отцу Анастасию, описал это великое чудо Богоматери, которое привело и нас в благоговейное удивление. После сего он сделал рамку и, вложив в оную святое изображение Божественной Млекопитательницы, хранит ее как икону чудотворную. <...>

Другой старец, стяжавший великое умиление, от которого слезы из глаз постоянно текли ручьем, — тот много раз видел Царицу Небесную в магерной (поварне), где Она или помогала варить пищу, или мешала в котле веслом, или подсыпала чего-то в кушанье и уходила. Когда же видел, что Она впереди игумена и братии выходит из трапезы, как Игумения игуменов и всех подвижающихся в Ея святом жребии, то упadal ниц при пороге, где лежали всегда магеръ [повар], трапезарь и чтец, и орошал пол сладостными слезами. О, *блаженны* таковые *плачущие*,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

*яко тии утешатся в Царствии Небесном
(Мф. 5:4).*

Вознагражденное милосердие

В 1902 году, в июне месяце, больничарь Преображенской больницы¹⁵ отец Н. рассказал, что у него лежал аргатенок¹⁶ со сломанной ногой. Когда [он] немного поправился, стал проситься на выписку. Отцу Н. стало его жаль, что он совершенно не способен на работу, а потому и дал ему сорок копеек денег и в это время ощутил, что ум сам собой вниманием сошел внутрь груди, где [продолжал отец Н.] «я увидел пресветлый, подобно хрустально, камень, в коем находилось мое сердце. Радость наполнила мою душу, слезы лились из глаз сами в продолжение трех суток; молитва в продолжение трех дней и ночей не оставляла меня. Под камнем я видел

дивное светлое солнце, нашего солнца свет превосходит».

Отец Н. [еще] рассказывал [следующее].

«Бывши десяти лет, [я] был любим всеми за тихий характер, и называли меня ангелом, монахом и апостолом. Видел тогда и сон дивный. Ангелы взяли меня и понесли на небо. Я их дорóгой спрашиваю: “А почему товарищей не взяли?” А они говорят: “Они недостойны — все по-матерну ругаются!”

Достигнув неба, я узрел Господа Сава[офа] в сиянии. Смотрю на землю, а от людей исходят малые струи света. Я спрашиваю: “Господи! Что значат струи света?” Господь сказал: “В человеке есть часть Божества, которая и издает свет. Я от Себя душу сотворил”.

Видел Божию Матерь, Она велела читать Псалтирь и не грешить. Показывали мне рай и дом мой, но внутрь не успел дойти — проснулся».

Отец Н. всю Псалтирь знает на память, очень внимательный монах, сохранивший и целомудрие.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Видение змия

В 1905 году, в августе месяце, один монах нашей святой обители был обуреваем блудными мыслями. Встал [он] с постели, помолился с усердием Богу о сей невыносимой страсти и снова лег на кровать, оборотясь к стене лицом.

Вдруг чувствует: кто-то как будто положил на спину холодные руки. Монах лежит, не ворочается и творит про себя молитву. Невидимая сила сбросила его с кровати так, что и кровать упала на пол, а одеяло полетело от него на расстояние пяти аршин. Монах со страхом встал на ноги и со скорбью сотворил молитву «Господи Иисусу Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», — и в эту минуту из келии в окно вылетел громадный дракон (змий).

Подсады сатаны

Схиеромонах отец Иларий во время бдения вздумал отдохнуть в своей келии и, когда вошел в оную, за собой запер дверь. Вдруг позади себя видит батюшку отца Макария, с жезлом стоящего. Отец Иларий испугался и сделал вид, будто бы пришел в келию посмотреть на стенные часы, устремил взор на них, в это время помысл говорит: «Ведь нужно сделать метание [поклон] отцу игумену и взять благословение», а другой помысл говорит: «Ведь ты запер за собой дверь, как же явился отец игумен?» В это время ощутил робость и перекрестился с молитвою Иисусовою, отчего мгновенно игумен мнимый пропал; на отца Илария напал непомерный страх, от которого он немедля пришел к батюшке Иерониму и все рассказал. Отец Иероним ответил: «Ну, счастлив ты, что не поклонился, а перекрестился, а то бы диавол тебя перекрестил и по-своему благословил».

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Вот как вредно и опасно без благословения [что-либо] делать.

Видение Богомладенца Иисуса

Отец Д., раскрывая свою вольную в мире жизнь, говорил, что в одно время, уже будучи здесь монахом, терпел он сильные нападения демона, который внушал ему неотступно, что нет Святых Таин, это обман священников, и тем отвлекал его от приобщения. В такой борьбе стоял он на одном бдении и очень бодро до шестой песни, а с шестой песни до того сон одолел его, что он не мог никак владеть собою. В это время еще сильнее демон напал на него помыслами: «К чему эти бдения? Мучают, мучают — из-за чего же? После век не человек будешь! А еще литургию надо стоять! Вишь, вздумал что! Не хочу стоять, не приду на литургию. Что? Приобщаться надо?

Нет, не обмануть теперь! Да что я здесь делаю? Я могу дела делать хорошие, могу быть управляющим в имениях, пойду женюсь, буду жить, а то монашество, монашество, — к чему монашество? Я там в мире буду лучше десятерых монахов». — «Да ты ведь, — говорил ему другой помысл, — уж Д. (монашеское его имя)». — «Так что ж! Я опять буду Димитрий». Но как бы то ни было, а он в этих мыслях пробыл до «Честнейшей», потом и до славословия великого, где еще страх Божий не отступал от него, но, лишь только пропели «Святый Боже» и тропарь, он сел в форму¹⁷, скоро заснул и видит: отверсты царские врата и на престоле сидит прекрасный связанный Младенец, как бы приготовленный к заколению, голенький и беленький, хорошенький, так что глядеть бы на него не наглядеться.

Вдруг тайный голос говорит: «Вот, смотри, Д., Кто сидит на престоле, а ты не веришь, что в приобщении бывает истинное Тело и истинная Кровь Христовы, а видишь

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

[теперь], Кто всегда бывает?» Дух его сперся, и душа стала выходить из тела, как бы не терпя более быть в теле; он содрогнулся, испугался и [как] крикнет: «Ах, помилуйте!» Крик его был на всю церковь! Стоящие братия удивились, подходят и спрашивают, что с ним, он отвечает, что немного нездоров. На самом деле едва душа его не вылетела при виде Богомладенца, а потому и закричал со всею силою: «Ах, помилуйте!»

Через некоторое время он выехал в Россию, виделся с родными, и нужно было устроить себя [в какой-либо обители]. Он обéгал мысленно монастыри и остановился было на Нямецкой лавре в Молдавии, но совесть громко заговорила в нем, и сколько ни прекословило его самолюбие: как можно возвратиться в прежнее место? — однако голос совести превозмог. И чем же более? Беспрерывно как будто кто ему говорил: «Вспомни, Кого ты видел на Афоне. Где же ты еще это сокровище увидишь и получишь? Разве в будущем веке, но можно ли верить,

что, оставив на земле то место, где видел Господа, можно и на небе увидеть Его? О матушка Святая Афонская Гора, нет, мне, видно, не найти роднее тебя. Собирайся-ка, Д.!» И начал собираться, и вот теперь опять живет здесь и благодарит Царицу Небесную, что Она не отринула его.

Дивное вразумление

Инок нашей обители в 1902 году, в августе месяце, обуреваемый сатанюю, стал смущаться от иноческой жизни и решился уехать с Афона, но чего-то было жалко. Чтобы разрешить свое внутреннее недоумение, стал просить Царицу Небесную вывести его из затруднения.

В тонком сне узрел Богоматерь в мантии и с посохом, и говорит [Она] монаху: «Что ты Меня тревожишь, чего тебе не хватает? Вы всем обеспечены, живите и будете спасены, Я о вас Сама пекусь, и вот сто

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

пятьдесят дней не была на небе, а все хожу по земле».

О курении табака

Послушник Русского Пантелеимонова монастыря на Святом Афоне Николай, в мире служивший унтер-офицером в 4-м резервном батальоне Камчатского пехотного полка, рассказал [следующее].

В 1858 году батальон наш расположен был на квартирах Казанской губернии в городе Чебоксары. Случилось мне по воле Божией заболеть и отправиться в батальонную больницу; за две недели до болезни моей я дал обет пред Богом более не употреблять курения табаку, к которому я так был привержен, что едва-едва только мог отстать. Болезнь день ото дня становилась сильнее и сильнее, и до того уже, что служители больничные стали [ожидать] кончины

моей: дыхание мое остановилось почти, было очень тяжелое, и весь [я] уже охолодел, руки и ноги остались у меня без всякого владения, и начало меня вытягивать, глазам остался самый малый свет, и то разный, а не как бы настоящий. И [когда] видел [я] себя при последних минутах сей временной жизни, благодатию Божью пришло мне на мысль: как же это я умираю без всякого напутствия истинной христианской должности? Не думая уже о том, чтобы я мог исповедаться, но [мысленно говорил:] хотя бы догадались [служители] попросить священника для необходимого приобщения, в котором состоит вся наша жизнь! Но, к сожалению моему, никто из них не догадался, отчего я часто перебираю губами, но уже без всякого слуху. Это единственное мое было желание — удостоиться принять Святых Христовых Таин, и, к удивлению моему, еще я мог от сей душевной скорби довольно проследиться, [когда] привел себе на память то, что я умираю хуже всякого грешника.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Через несколько минут окончательно у меня отнялось все, и даже последнее рассуждение, которое могло еще рассуждать доброе и худое, а перед этим я едва мог только услышать от служителей: «Надобно бы нам разыскать восковую свечу, которая зажигается и ставится пред каждым умирающим», — и с тем засуетились.

Как вдруг тут же немедленно видится мне, входят ко мне в комнату три молодца, одетые во фраки и как бы в пуховых шляпах: у одного из них в руках трубка с довольно длинным чубуком, у другого — дорогой вышитый кисет полный, набит хорошим табаком, а третий, как бы начальствующий над ними, опирается на гибкую тросточку; и в таком виде подошли ко мне и встали близко у кровати моей. И [обращается] ко мне опиравшийся на тросточку:

— Знаешь ли ты, что еще жив, и если ты желаешь еще пожить на свете, то покури сего хорошего табаку от моих братьев, [а коли покуришь,] то будешь еще долго жить.

А я, не подавая им и малейшего повода [заметить] явившийся у меня тогда испуг, отвечаю им смело:

— Жить или умереть, не от вас зависит, а курить я вовсе не намерен.

Они отвечают:

— Как же не от нас? А вот попробуй, покури-ка — и сейчас же оживешь, — и поднесли мне под нос развязанный и открытый кисет с табаком, говоря: — Смотри, один запах что стоит!

Я в ответ им:

— Не искушайте меня, [я] вам говорил, что не намерен более употреблять курения табаку.

А он опять говорит:

— А если так, — относясь к своим двоим, — то копайте пропасть, в которой он должен получить последний конец своей жизни.

И вдруг по приказанию его подпустили какую-то машину, которая и начала так сильно копать и выкидывать землю,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

что в самое короткое время показалась такая пропасть, в которую ужасно было посмотреть, и можно было полагать, что [она] какая-то бесконечная. И во время копания останавливал их начальствующий бес, покушаясь соблазнить меня:

— А что покурить? — и обращаясь опять ко мне: — Видишь ли сию пропасть? Она готовится для кончины твоей жизни.

И тут я немного смутился духом, впал было в отчаяние, рассуждая в себе: я умираю без всякого напутствования, да не дай Бог, что если еще, к несчастью моему, не окажется на мне креста, который всякий христианин непременно должен носить на шее своей, — и тут же стал приводить себе на память, мысленно рассуждая: когда я умирал, был ли у меня на шее крест? И благодатию Божиею я вспомнил: да, есть у меня на шее небольшой серебряный крестик, и тут я возрадовался духом, рассуждая: итак, они ничего не могут мне сделать, сила креста их не допустит. Как тут слышу тот же знакомый голос:

— А что, покуришь?

Я в ответ:

— Нет, и не подумаю.

— Подкапывайте под кровать его, да провалится с нею и полетит в сию бездну.

И опять слышу — только не боюсь, надеюсь, что крест, который я ношу на шее моей, не допустит меня упасть в сию бездну... Они говорят:

— Мы не боимся твоего креста.

Я говорю:

— Я более уповаю на него, чем устрашаюсь вашей пропасти.

Он:

— Копайте, и поскорее, посмотрим, как он не боится, в одно мгновение полетит. Видишь: две ножки уже над бездной...

Я вижу, только не боюсь, ибо на мне есть крест, который меня сохранит. Они:

— Посмотрим!

Итак, вся кровать со мною уже на воздухе, а я все-таки не падаю в сию мнимую пропасть... И с тем ушли от меня, посрамленные.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Минут через пять, не более, вижу: опять входят ко мне три человека, два — с теми же курительными припасами и так же одеты, а третий — росту низкого, горбатый, а голова как большой котел, на плечах же у него большой громадный дуб, вырванный совсем с корнем. Взявши его за вершину, корнем вверх, подходят ко мне и говорят мне:

— Ты от меньших моих не покурил, то покури от нас.

И говорю:

— Я им несколько раз повторял, что курить я не намерен, вы еще что хотите?

И говорят:

— Они не могли тебя умертвить, а я если только не покуришь, то сим же видимым тобою дубом сейчас же умертвлю тебя.

Я им в ответ:

— Вы такие же дьяволы, как и те; крест, который находится у меня на шее, так же сохранит меня от вас, как и от тех.

Они говорят:

— Мы гораздо сильнее их.

Я в ответ:

— А крест мой сильнее вас всех.

Они:

— Покури, а то будешь каяться!

— Не покурю! Напрасен труд ваш!

Потом он очень громко крикнул мне:

— Берегись! — а своим: — Прочь в сторону, чтобы вас не задеть.

Скоро отшедши к порогу комнаты, которая показалась мне очень длинной, поднявши сколько мог дуб вверх и подбежавши ко мне, с размаху хотел было ударить меня, дабы окончательно предать смерти, но еще, покушаясь, как бы удержался и спросил меня снова:

— А что, покуришь?

Я отвечал:

— Нет, не покурю.

Он говорит:

— Ах! Жаль, что плохо замахнулся, — и опять еще громче закричал: — Берегись, ударю, — с сильным ветром и шумом

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

подбежал ко мне и со всего размаху опустил на меня дуб свой.

И тут же я так сильно испугался, что стал показывать признаки жизни, служители стали брызгать на меня водой, до сего же были они в недоумении, не знали, каким меня считать: умершим вполне нельзя было думать, так как у меня было еще заметно маленькое дыхание, и живым тоже еще более не было надежды. И так надолго оставались в недоумении, а со мною все происходило в это время, как видите, сие вражее искушение.

Казанская Богоматерь

[Рассказал эту историю] отец Мелетий, схимонах; в миру подполковник Василий Николаевич Котельницкий, из почетных дворян Смоленской губернии Вяземского уезда.

Родился [он] в селе Меланья (ныне, в 1901 году, ему 75 лет от роду). По окон-

чании курса наук поступил в Бутырский пехотный полк; участвовал в Севастопольской войне. Затем в 1859 году в звании капитана со своим полком перешел для квартирования в Корсунь Симбирской губернии, где в свободное от служебных обязанностей время познакомился с семейством помещика, потомственного дворянина Василия Александровича Сабанина, происходившего из древнего рода [ведшего свое начало от] владетельного казанского князя Сабана, из татар. Имение Василия Александровича Сабанина, село Знаменки, было недалеко от Корсуни, посему Василий Николаевич часто бывал в доме Сабанина и близко познакомился с его семейством.

В одно время вечером по какому-то случаю в доме Сабанина было много гостей из родных и почетных граждан, был приглашен и Василий Николаевич. В этот вечер, когда все гости и хозяева развеселились, Василий Николаевич Котельницкий сделал предложение о браке Надежде,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

болезненной дочери В. А. Сабанина. Она изъявила согласие на брак, чему все гости, а особенно родители, были очень рады. Тогда же в присутствии гостей родители Надежды благословили новобрачных сей святой иконой Божией Матери Казанской, которая, благоговейно чтимая, «семейная», была унаследована Сабаниным и его предками от владетельного татарского казанского князя Сабана, современника царя Иоанна Васильевича Грозного. [Сабан] не уступал ему Казани, за что был наказан Богом — ослеп. В сохранившемся предании не указано, сколько времени он болел слепотой, но достоверно известно, как он исцелился. Ослепшему Сабану было видение: ему во сне явилась святая икона Божией Матери Казанской, от которой был глас: «Если примешь христианскую веру и крестишься, я исцелю тебя». Ослепший тут же дал обещание принять христианскую веру и с произнесением обета получил исцеление: стал видеть глазами, как и прежде.

Немедленно принял Святую веру и крестился. По принятии Святой веры Сабан пожелал иметь в своем доме святую икону Божией Матери, которая ему явилась и от которой он слышал глас. Виденная им икона была чудотворная «Казанская», находившаяся в женской общине в Казани; с ней была точная копия в той же общине, называемая аналойной.

Уже после покорения Казани Сабан обратился к царю Иоанну Грозному и просил у него дозволения взять к себе в дом святую икону. Царь изволил, и Сабану была дана святая икона Богоматери — копия чудотворной «Казанской», аналойная.

Сия святая икона, о коей у нас разговор, по наследству от Сабана переходила из рода в род. [Так она] дошла до Василия Александровича, от коего дана в благословение новобрачным Василию и Надежде. Вскоре после сего они были обвенчаны и жили мирной супружеской жизнью неразлучно, и при них была святая икона.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Впоследствии по распоряжению начальства Бутырский полк передвигался в разные места, за коим по долгу службы везде следовал Василий Николаевич, а с ним и жена его Надежда и при них святая икона. Наступил 1877 год, открылась русско-турецкая война. По распоряжению начальства Василий Николаевич в чине подполковника был назначен начальником 7-го Петербургского госпиталя, с коим и командирован на место военных действий в Турцию, а при нем и жена его в качестве добровольной сестры милосердия. По прибытии в Турцию 7-й госпиталь был расположен близ Плевны. Василий Николаевич и его жена Надежда усердно исполняли свои обязанности, и всего более оказывали любовь и милосердие к страдающим воинам. Святая же икона как неразлучная их спутница была установлена в особой палате, пред ней неугасимо теплилась лампада.

Все военнослужащие благоговейно чтили Пречистый образ Владычицы и усердно

молились Царице Небесной. Вручали Ей свою жизнь, просили Ее милостивого заступления и помощи... Молитвы воинов не остались тщетными, Владычица мира не посрамила их упования и явила им Свое Матернее милосердие, благодатное заступление и помощь, вполне и очень явственно сознаваемые всеми воинами, как видно было из последующих обстоятельств. Башибузуки¹⁸, известные своим свирепством и зверообразием, не один раз покушались истребить госпиталь и всех раненых изрубить, но ничтоже успели в своих зверских замыслах: сколько раз нападали и всегда были отражаемы какой-то необъяснимой силой; самый же госпиталь во время их нападения был окружен огненным светом, от коего башибузуки, как ослепленные, приходили в замешательство и отступали, ничтоже успев. О сем с особенным удивлением рассказывали башибузуки, попадавшие в плен к русским. Воины же русские, слыша такие рассказы, еще усерднее молились

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Царице Небесной пред Ее пречистым образом и со слезами благодарили Владычицу мира за Ее покровительство, помощь и заступление.

После взятия Плевны в войсках стал свирепствовать гнилой тиф (болезнь сия, как можно полагать, произошла от множества разлагавшихся трупов). От сей болезни многие умерли, скончалась и сестра милосердия Надежда — жена и сотрудница Василия Николаевича. В предсмертные часы, но в полном сознании Надежда обратила в страдании своем взоры ко святой иконе Божией Матери Казанской, просила у Царицы Небесной милостивого заступления ее души, приближающейся к исходу; с детской преданностью всю себя вручила Ее Матернему покровительству, молилась о себе и о муже Василии, который тут же при ней был. Умиравшая без слов, только глазами просила Матерь Божию быть свидетельницей ее предсмертного завещания. Обращаясь к мужу своему, слабым голосом

она сказала ему: «Василий! По окончании войны не связывай себя узами второго брака, но исполни свой обет, данный Богу, и вступай в монашество». Сказав сие, мирно скончалась.

«Война окончена, и я, — говорит отец Мелетий, — возвратился в Петербург, немедленно сдал свои дела, от службы уволился и затем вскоре подал в отставку, которую и получил с определением полного пансиона по чину, даже несмотря на то, что о моем намерении поступить в монастырь знали все начальствующие. Освободившись от служебных обязанностей, вспомнил я, — продолжает отец Милетий, — о минувших молодых годах, со всеми переворотами, происходившими в моей жизни, при коих незаметным образом у меня созревала мысль, заветное желание вступить в монашество и укреплялся мой дух к мужественному терпению всего скорбного, в большей части непредвиденного в жизни на пути к Царству Небесному. С особенным чувством благоговения

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и благодарности молился я пред святой иконой Божией Матери. Вспомнил и свое первоначальное предложение о браке больной Надежде, которое сделано мной как будто необдуманно, опрометчиво. И действительно, удивляться следовало моему предложению: знал, что Надежда больная, и, несмотря на это, согласился вступить с ней в брак. В то время сему случаю удивлялся, а теперь благодарю Господа и Его Пречистую Матерь, теперь только вижу, что сим своим как будто необдуманным бракосочетанием я сберег свое здоровье от расстройства и душу от гибели, которая мне грозила от развратной жизни, которой в наше слабое время по большей части подвергаются люди молодые.

Дивны и непостижимы судьбы Божии! И милостивое заступление Царицы Небесной для меня необъяснимо.

Под прикрытием брака, — рассказывает отец Милетий, — я провел большую часть своей жизни мирно, и теперь, на закате

дней своих, я был свободен и путь к иноческой жизни не возбранен. За все слава Богу! По окончании служебных обязанностей мне осталось одно — поступить в какой-либо монастырь в Петербурге. О сем мне советовал и даже предлагал преосвященнейший митрополит Исидор, которому я лично был известен, но дух мой не был расположен к местным обителям, и на предложение митрополита Исидора я не согласился. По указанию известного старца иеромонаха Феодосия (подвижник Юрьевского монастыря Новгородской губернии) я собрался и отправился на Святую Афонскую Гору, взял с собой и святую икону Божией Матери Казанской (дело было в 79-м или 80-м году).

Прибыл на Афон благополучно, остановился в Свято-Андреевском скиту, [был] принят в число братства и в 1882 году с высочайшего соизволения и по благословению архимандрита Феодорита удостоен пострижения в ангельский чин (в мантию) с именем Мины.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Несколько лет прожил я в Андреевском скиту здорово и благополучно и затем заболел возвратным тифом. Меня отправили в Константинополь на излечение, святая же икона Божией Матери осталась на Афоне. По прибытии в Константинополь был помещен в Николаевской больнице.

Практика докторов и способы лечения не действовали на мою серьезную болезнь. По свидетельству докторов, мне уже не много оставалось жить...

Слабые и болезненные мои чувства уже созерцали приближающуюся мою кончину, силы все более и более слабели — наступила предсмертная агония; не часы, а, быть может, минуты отделяли мою жизнь от смерти. Молиться не мог, но, чувствуя приближение смерти, к коей я не был готов, воздыхал и просил Матерь Божию дать мне хотя малое время на покаяние и [указать,] как спастись. В таких чувствах находился как бы при смерти и еще более изнемог, и мне явлено было милосердие Божие

по ходатайству Владычицы мира. Против моего одра по стене, — продолжает отец Милетий, — я увидел святую икону Божией Матери, пречистый образ Коей был в таком виде. Матерь Божия изображена сидящей в царском величии и славе. На пречистой главе Богоматери — царская корона, украшенная и сияющая. Богомладенец Господь Иисус Христос с выражением творческой мудрости и славы сидел на коленях у Пречистой Своей Матери с левой стороны, поддерживаемый полуоггибающей левой рукой Владычицы, на длани же левой руки у Матери Божией был изображен земной шар (знак самодержавия и власти); правая рука Богоматери покоилась на коленях Богомладенца Господа Иисуса, Который в правой руке держал царский скипетр, а левой рукой с указательным пальчиком, приподнятым вверх, символически выражал Свою Божию волю даровать нам небесные блага и, указывая вверх, как бы говорил: “Покайтесь и ищите Царствия Божия”.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Всматриваясь в сей пречистый образ, — говорит отец Милетий, — я как будто забыл о наступающем смертном часе. В это время заметил перемену в виденном мной образе: в левой руке Божией Матери вместо земного шара я увидел потир (чашу), в которую Пречистая Владычица опустила правую руку и, омочив оную в крови, перстами вверху одежды на Своей пречистой груди в ответ на мой вопрос, как спастись, большими буквами написала слово “сердце”. Я внимательно смотрел на сие и после сего вижу: Мать Божия стала отирать омоченные пальцы руки об одежду на груди, и от сего немного стерлось написанное слово. Затем, обратясь ко мне, с необъяснимой материнской любовью вслух мне произнесла: “Дается тебе срок на покаяние, а икону Мою военную отдай там, где я укажу”. После сих слов виденное мной скрылось, и я почувствовал себя здоровым, немедленно встал и всем объявил, что я здоров. Своим выздоровлением привел

в ужас и удивление всех служащих, особенно же докторов, — кто из них порелигиознее прославляли со мной всесвятое имя Божие и благодарили Царицу Небесную за Ее чудесное исцеление...

Вскоре после сего, — заканчивает рассказ отец Милетий, — я выехал из Цареграда на Афон, но не в Андреевский скит, а в наш богохранимый Пантелеимонов монастырь, где по милости Божией и благоволению Царицы Небесной я и нашел убежище через посредство русского посла в Константинополе господина Нелидова и по моей просьбе получил благословение добродушного батюшки отца игумена Андрея на жительство в Фиваиде, куда и святую икону Божией Матери Казанской пожертвовал — в церковь [во имя] святых преподобных [отцов] Афонских, в утешение свое у братства Фиваиды. Покрываемый благодатию Божией, еще живу, срок, данный мне на покаяние, еще не кончился. Виденную же мною в Цареграде святую

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

икону Божией Матери с точными выражениями мне написал почтенный иеромонах отец Уриил уже в Фиваиде; изображение виденной мной святой иконы было у отца Уриила — фотоснимок художественной иконы Божией Матери, именуемой “Приснодева”, с надписью: “До рождества Дева, в рождестве Дева и по рождестве Дева”; икона в подлиннике находится в Москве, в храме Христа Спасителя. Святая икона “Путеводительница” написана мне келейно и будет при мне до смерти в утешение и в напоминание о сроке, данном мне на покаяние по смерти, и сия святая икона должна перейти в пользу обители в тую же церковь преподобных [отцов] Афонских.

На иконе — серебряная чрез огонь позлащенная риза; мерою икона вышины в два вершка, ширины в пять с половиной вершков».

[Далее следует подпись:] *Схимонах Мелетий Котельницкий. Пустынь Фиваида Русского Пантелеимонова монастыря*

Жизнь монаха Иродиона¹⁹

Сколько велико милосердие Владычицы к грешному человеку, можно видеть из жизни собрата нашего, монаха отца Иродиона. Родился он в 1822 году в Кумшатской станице, пониже Цимлянской. По званию своему (казак) исполнял службу и, живя в кругу семейном, занимал должность старосты церковного. Не раз приходило ему на мысль, как бы лучше благоугодить Богу, чтобы после смерти не попасть в ад, и хотя находил, что нужно отрешиться от всех занятий суеты и всецело послужить Господу, удалившись в какой-либо из монастырей, но оковы супружеской жизни (его женили против воли на семнадцатом году) связывали его по рукам и ногам, и при таком-то своем стремлении, видя столь важные препятствия к поступлению в монастырь, он часто приходил в изнеможение духа, не зная, что ему делать и как поступить...

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Следствием такого стеснения он слезно просил Господа и Небесную Царицу наставить его на путь спасения и послать ему необходимую помощь, ибо со своей стороны находил, что нет ему возможности освободиться от громадных препятствий, возложенных на него миром в обязанностях семейного быта. Он знал, что жена его не согласится отпустить на монашество²⁰, хотя и дети (уже взрослые) не имели особенной надобности в его попечении. Много раз приходила мысль оставить их и укрыться куда-либо в неизвестное место, где и провести остаток дней своих, работая Господу, но при всей светлости такой мысли он находил, что она неудобоисполнима и тем более что, не будучи наставлен опытным руководителем, он мог увлечься обольщением вражеским и таким образом погубить труд свой. А посему недоумение сие более и более приводило его в новые затруднения! Конечно, все это не могло утаиться от прозирающего сердца и утробы Господа, и Он длил время,

чтобы Илья (так имя его в мире) более прилепился к Нему любовью и взыскал Его всеильной помощи. И вот однажды, по строению Божию, он в Новочеркасске в одном саду купил винограду и от хозяйки оного услышал разговор о Святой Горе Афонской, о которой говорили, что она есть жребий Царицы Небесной, что Владычица Сама там управляет невидимо, что там нет женщин и живут одни только монахи, и знала некоторые чудеса, кои она передала ему.

Все это его не только тронуло, но и потрясло до глубины души. Никогда не слышал он о Святой Горе. Все чувства души и внешнего слуха он приложил к разговору, боясь проронить какое-либо слово: душа его вся была в восторге и непонятно для него радостно волновалась, но он подавлял сии чувства, дабы не обнаружить своего давнего желания, хотя слезы давно катились невольными из глаз его. По времени он спросил у одной благочестивой женщины, жившей при церкви, что если он отправится на Святую

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Афонскую Гору, то угодно ли это будет Матери Божией, когда у него должна остаться жена, сын, и притом допустит ли Она его до Своего жребия, — по множеству его грехов. Хотя говорил он с женщиной, просфорницей, но, как говорит авва Дорофей, что если кому нужно узнать, что ему делать, и не имел он кого бы спросить о сем, то и сарацинскому сердцу возвестит Господь отвечать согласное воле Его святой. Так было и здесь. Господь умудрил сию женщину отвечать ему так: «Если ты хочешь узнать о сем, то попустишь в пятницу и молишь Царице Небесной, чтобы Она открыла тебе Свою волю и [подала знак,] примет ли Она тебя, и молишь так, чтобы не переставать до тех пор, пока не свалишься невольно и не заснешь на самом месте молитвы, не разбирая того, в чем бы ты ни был, в сюртуке ли, шубе ли или еще в чем».

Положа на сердце такой совет, он исполнил его буквально. После поста в день пятничный (под Рождество или подобный праздник) он действительно молился

не переставая, дотоле пока сама природа не превозмогла его усилия. Оставалось немного уже до утрени, он на одном поклоне забылся — и вдруг видит: в головах его, где он лежит, сидят во свете Небесной славы три девицы неизреченной красоты. Он вскочил и по какому-то внутреннему чувству сей же час пал на колена и, сложа крестообразно на груди руки, спросил:

— Скажите мне, кто из вас Царица Небесная?

И сидевшая в середине сказала:

— Я, что тебе нужно?

Он упал Ей в ноги и в сокрушении духа возопил:

— Матушка Царица Небесная, гожусь ли я в Твой святой жребий Афон и приимешь ли Ты меня?

— Годишься, — отвечала Владычица, — иди, только раскайся во всем, в чем виновен. Об тебе давно пекутся Архангелы и Ангелы.

В это время ударили в колокол к утрени, и он вскочил, преисполненный духовной

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

радости и слез от видения Божественного лика Владычицы, Ее несказанной красоты, небесного благолепия, и от слов Ее вся внутренность его как бы таяла от умиления, он не мог удержаться от рыдания. Красота и сидевших с Ней была неизобразима.

Все это так было явно, что не могло укрыться от домашних. Жена, спавшая в другой горнице, слыша что-то необычайное, спрашивает: «Что с тобой, Илья N?» Он не утаил и сказал: «Ну, теперь прощай, жена! Не считай меня своим мужем, более ты меня не увидишь. Сама Царица Небесная велела мне идти в Афон» — и передал ей слова Богоблагодатной Девы. Жена, до толе упорная и не соглашавшаяся на желание мужа, в это время просвещенная и орошенная посетившей ее благодатью, сказала: «Бог да благословит тебя! Ступай! Видно, мне суждено одной оставаться».

Оставив жену, он отправился к утрени, со слезами благодарил Небесную Заступницу за столь милостивое промысление

о нем и начал помышлять, как ему ехать, куда и с кем. Конечно, врагу спасения это не понравилось, на таковое пламенное его стремление он устремился с равносильными своими кознями, кои без всесильной Небесной помощи побороли бы его, ибо не только родные, но и священники все и многие из жителей были вооружены диаволом, уговаривали и препятствовали его намерению, хотя в то же время бóльшая половина радовались его стремлению. Но, проходя все это молчанием, ибо после священники и другие противившиеся его стремлению, разобрав дело зрело, сами начали содействовать его отправлению, скажем главное: но завистник спасения не ограничился сим.

Однажды, разузнавая о таком дальнем путешествии, он узнал, что с Афона пришел какой-то монах, у которого он может узнать все для него нужное. С радостью поспешил к нему Илья N, но здесь готовилось ему запятие, новая кознь лукавого! Ибо этот чернец, выбывший [со Святой Горы] по немощи

своей и искушению (как и вообще все выезжающие отсюда), сказал ему, что многие бывают на Афоне, но не все гожаются: иные два-три года поживут и уезжают опять; иные пять-шесть лет — и тоже уезжают, потому что не годились для Афона. Такое сведение произвело глубокое впечатление на Илью. Он стал размышлять: можно ли уже ему отправляться, когда и он, проживши пять-шесть лет, опять воротится? «К чему и ездить, особенно потому, что теперь у меня и дом, и сады, приносящие доходы, и другие заведения; сын вскоре вступит на службу, дома хозяйничать некому, все расплывется, распропадет, и когда он вернется, то останется ни монахом, ни хозяином и только будет жалеть о своей неразумной поездке, а потому лучше всего не ездить, не трогаться с места, а жить как прежде». Составивши такой план, Илья погряз бы в сей козни вселукавого диавола, если бы, по неимению наставляющего по Бозе, Владычица Сама не ободрила его новым посещением.

Он не оставлял молитвы, и вот однажды в тонком сне он видит, что стоит среди многого народа в неизвестном ему месте. Вдруг незнакомый ему воин идет спешно и, раздвигая народ, говорит: «Отступите, сейчас Царица будет идти!» Илья во всю свою службу, которая проведена на Кавказе, частью в Польше и даже в Петербурге, ни разу не видал императрицы и думает: «Вот теперь посмотрю и я царицу», — только недоумевал: кто бы это был такой воин? Величественный вид его и красота заставляли думать, что этот воин — близкий Царице. «Уж не Константин ли это так старается для своей снохи?» — подумал Илья. При этих размышлениях вдруг раздался народ, и он увидал идущую Царицу. Она была высока ростом, одета в монашескую мантию, но за наметкой на камилавке он не видал Ее лица. Поравнявшись с ним, Она дала знак головой на него тому воину, который очищал для Нее путь, сказав что-то ему. Тот приблизился к Илье, и здесь невидимо кто-то

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

ясно сказал ему: «Теперь спрашивай, что тебе нужно». С чувством благоговения обратясь к чудному оному воину, бывшему в каком-то не виданном им одеянии и вида приятного, лицом полного, бело-светлого, — величие неземное сияло в нем, — он спросил:

— Великий ты воин! Я хочу на Афон, могу ли я там быть?

— Можешь, только ступай! Вот тебе веревочка, возьми ее, да смотри — держись за нее, не отступай, что бы ни было тебе. Теперь иди с Богом!

— Да где ж я вас там найду? — возразил Илья.

— Не сомневайся в этом, только ступай, мы тебя там встретим.

— Но и еще осмеливаюсь спросить у вас: что, можно ли там, на Афоне, заслужить мне золотой венец?

— Можно, только держись крепко за веревочку, хотя кряхти, да держись!

Это видение еще более утвердило в намерении Илью, и после оного уже ничто

не занимало, не увлекало его; даже грозный дотолé натиск со стороны богатой родни жены не охладил его в принятом намерении, и он говорил: «Хотя умру даже на самом пути или здесь на месте, борясь с препятствиями, но не отступлю от Царицы Небесной, — иду в Афон!»

Увидев тоже непреклонное его намерение, все перестали препятствовать ему и только говорили: «Бог да поможет тебе». После сего он собрался, и в сопутствии другого казака из своей же станицы, бывшего ктитора церковного, который внял советам его, отправились.

По смотрению Божию, Илье в Константинополе пришлось некоторыми словами убеждения и вещественной помощью содействовать одному молодому человеку, выехавшему с Афона, возвратиться опять, и он взялся привезти его на свой счет. Чрез сего-то благодетельствованного им был и сам благодетельствован, ибо по прибытии на Святую Гору они прежде прибыли

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

в Ильинский скит, где есть довольно монашествующих и из казаков, но при всех там оказанных ему ласках дух его не мог никак расположиться остаться на всегдашнее жительство.

В это время привезенный им молодой человек посоветовал отправиться в Русик. И какая же тут чудная была встреча! Он в числе прочих поклонников прибыл в наш монастырь перед вечерней, так что они не успели напиться чаю, как ударили к вечерне. Для ускорения после чая сократили их путь с фондарика в церковь, проводя через алтарь, и его поставили впереди правого клироса, как раз против большого изображения на южных воротах иконостаса святого великомученика Пантелеимона, сбоку которого находится образ Покрова Богоматери. Вечерня шла. Он стоял впереди всех и, рассматривая изображение святого великомученика, недоумевал: кто бы это был такой? Если бы Спаситель в молодых годах написан, так это не Спаситель!

Если Архангел Михаил? Нет, и тот не такой. Всматриваясь, он узнает в нем того самого воина, который распространял в видении дорогу Царице Небесной, и сознает в душе, что он непременно должен быть хозяин этой обители, хотя имени ее и сего угодника он ни от кого еще не слышал, только теплые слезы, невольно струившиеся из глаз, свидетельствовали ему, что он не ошибается, а потому, обратившись к сему, сознаваемому им как хозяину, Илья сказал: «Не пойду я от тебя! Как хочешь, — никуда я не пойду от тебя, прими меня в твою обитель».

Обратясь к изображению Покрова Богоматери, он еще более утешился, как бы принимая уверение, что сей воин и Матерь Божия принимают его под свой покров. После чего по обозрении всей Святой Горы он опять пришел в наш монастырь, усердно просился, старцы его приняли, и в прошлый Великий пост (около года назад) его постригли в мантию с наименованием имени Иродиона.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Обо всем этом он лично мне передавал сего 1861 года, января 29-го. Говорил как-то и прежде, но не все, да и то я забыл, а потому, чтобы и на сей раз не случилось того же, я поспешил заметить.

Еще до выезда его из станицы жена, когда [Илья еще] ничего не объявлял о своем желании ехать на Афон, видела досто-замечательный сон. Будто пришли некие честные два монаха и говорят [ему]: «Будет тебе здесь жить, пойдем отсюда». Велели ему встать, и при этом один разрубил его пополам! Жена ахнула, говоря: «Что же это вы сделали?» Но они сказали: «Ничего, будет здоров!» Потом очистили его внутренность, всю дрянь выбросили, обмыли, посыпали чем-то, сложили, дунули на него, и он опять стал цел. После чего они обратились к жене его и сказали: «Ну теперь мы уж возьмем его, теперь ты не можешь уже держать его», — затем и повели его за руку. Вследствие чего жена просила его не предаваться веселостям при женитьбе в это

*О монахе Геласии-болгарине,
за неисполнение обещания получившем вразумление*

время сына, думая, что сон предвещает ему или смерть, или равносильное ей событие. Но это послужило самым первым доказательством ему, что он отрешится от суеты мира и отправится в Афон, о котором только что услышал в то время.

**О монахе Геласии-болгарине,
за неисполнение обещания
получившем вразумление²¹**

Раскрывая пред Вами дивные дела Бога, совершившиеся в России чрез святого Его угодника великомученика Пантелеимона, почему же, скажете Вы, я опускаю те, которые он являет здесь [на Афоне]? Неужели он чудодействует только в России, а здесь нет? Не допускайте до себя таких мыслей. Он и там и здесь — один и тот же и чудодействует преимущественно не по месту, а по усердию призывающих его в молитвах и ищущих его действительной помощи!

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Впрочем, чудеса нужны более там, где слабеет дух веры и благочестия, где необходима поддержка христианству сильная, так сказать, чувственная, осязательная, но здесь, когда все заняты одной мыслью благоугождения Богу, все ищут единого на потребу, то в таком случае сильное возбуждение к соревнованию в благочестии со стороны благодати, когда каждый неуклонно следует гласу совести, уже не так нужно. Впрочем, они [чудеса] проявляются и здесь в известной мере, и для Вас довольно бы и сказанного, что до четырехсот человек братии содержится, и все нужды монастыря обеспечиваются одной милостыней, которую каждый год святой предстатель наш, как бы содействуя Благопромыслительнице Владычице нашей, подает столько, сколько нужно бывает к удовлетворению необходимейших нужд обители.

Однако передам любви Вашей нечто чудное, совершившееся здесь в последние десять лет. На Святую Гору каждый год

осенью приходят болгары — партиями для найма по разным работам, бывающим в монастырях. Народ очень, очень бедный, и получают они плату незначительную; впрочем, мастеровые получают по мастерству своему, каждый соразмерно своему знанию и занятию. Таким точно образом лет тридцать назад прибыли несколько человек на Святую Гору для заработка чего-либо, в числе их был один болгарин, еще в первый раз пришедший на Афон и не знавший, где ему определиться на работы и чем заняться, чтобы полезней было. В этих размышлениях он обратился с усердной молитвой к святому великомученику Пантелеимону, прося его помощи и обещаясь, если он заработает столько-то, послать эти деньги вдове тетке с сиротами, дочерьми ее, а самому остаться в его обители на монашество. После такой молитвы он поступил за условленную плату в наш монастырь, но заработки его были незначительны. Вскоре устроением Божиим он перешел с той же целью в монастырь

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

штатный²², где содержится и большее число рабочих, и выше цена платится. И там-то содействием скорого помощника святого великомученика Пантелеимона, коему он молился о сем, приобрел он в два года столько, что другие все, и опычнее его в делах, не могли приобрести и в десять лет!

Видя порядочную сумму денег, он начал размышлять так: на эти деньги можно купить домик и, женившись, жить в счастье семейном, ведь все равно можно и там [в миру] жить благочестиво, можно и там спастись, ведь не всем же мирянам идти в ад. И, разочтя в мыслях, какие и как он может выполнять добродетели, решительно положил направить стопы свои восвояси, только нужным нашел зайти поклониться мощам святого великомученика Пантелеимона, который так щедро помог ему, поблагодарить его и идти. Так и сделал. Приложась к мощам и сделав по мыслям пожертвование, он счел довольным ограничиться сим внешним образом, и, чтобы еще более успокоить себя

в совести, которая напоминала ему об обете, он сказал: «Ну прости меня, святой великомученик, монахом я раздумал быть, а вот отправляюсь домой и намереваюсь там жить во благочестии христианском». Это и тому подобное сказавши, он пошел из монастыря по узкой тропинке, но не дошел еще и до первого креста ([какие ставятся] здесь при разведении дорог), как невидимо был поражен кем-то, как параличом, и упал, сделавшись недвижим. Бывшие с ним или шедшие по тому же пути, увидев его в таком положении, достали носилки и на руках принесли его в монастырь, где он, сознавая свое заблуждение и грех нарушения обета, чистосердечно раскаялся и, ожидая неминуемой смерти, усердно просил пострижения. Здесь нужно было видеть чудо при чуде, ибо разбитый страдалец не владел ни одним членом, а ему оставлен был один язык свободным, и ясно для чего: чтобы он мог принести исповедь и открыто сознаться в своем преступлении. В таком разе старцы

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

не отказали ему в пострижении, видя при-
том как бы ясное указание святого великому-
ченика, который за тем и привлек его в оби-
тель. После того ни он, ни другие не чаяли,
чтобы мог он быть живым. Но святой чу-
дотворец не остановился на этом, а как без-
мездный целитель воздвиг его от такой бо-
лезни, но не вдруг, а постепенно, и в два года
он выздоровел [со] всем, кроме что не может
способно владеть одной рукой, кисть кото-
рой согнута, и твердо владеть одной ногой.
В таком положении, как бы в воспоминание,
он остается и доныне, он жив и теперь (1861
год). Имя его — Геласий.

Видение инокa

Провождая жизнь свою на Святой
Горе Афонской, в Русском Панте-
леимоновом монастыре, более пяти лет на-
хожусь в многоскорбном состоянии: Божи-
им посещением одержим различными

недугами, а преимущественно внутренним страданием от хронического воспаления легких и от катара желудка, так что вышеупомянутые болезни не позволяют мне заниматься никаким делом. Еще прискорбнее то, что нередко я лишаяюсь общебратской церковной молитвы, а также и обительского послушания.

Вероятно, Господь послал все эти скорби за мои великие грехи и беззакония. Благодарю Господа за Его милостивое ко мне ниспослание, буди имя Господне благословенно вовеки.

Таину Цареву добро хранить, дела же Божия открывати славно (Тов. 12:7). Проводя святую седмицу великого торжественного праздника Христовой Пасхи, по обычаю все наши братья готовились на всеночное²³ бдение. Возвратясь из трапезы в свою келию для обычного отдыха, я долго лежал в нестроении духа, перебирая свои мысли туда и сюда. Время было около полудня. После всего этого читал я со вниманием

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

12-й псалом. Во время одного чтения начал как будто забываться, и в этом тонком забвении чувств кто-то меня стал будить и говорить мне: «Что ты спишь! Посмотри, как идут по мытарству». Я взглянул и вижу двух схимонахов в полном иноческом облачении, как они были пострижены, идущих по воздуху и сопровождаемых двумя Ангелами по правую сторону. Шли они, как бы подымаемы воздухом, и не очень круто, как бы подымались на не совсем крутую гору, и этим путем дошли они очень высоко и вдруг остановились у какой-то духовной заставы.

Первый из них без препятствия зашел в оную заставу, и там послышался необыкновенный шум: слышно было очень много различных грубых голосов, сопровождавших его [когда он отправился] далее, с каким-то на него негодованием. А другой инок как только приблизился к этой духовной заставе, то сейчас же начал оттуда спускаться вниз с воздетыми к небу руками, от воздуха мантия его раздувалась

на нем, а он непрестанно говорил: «Господи! Господи!!» С этими словами опустился он на землю, а потом совсем опустился в землю. Тем видение кончилось.

Долго от страха трепетало во мне сердце. Наконец я возблагодарил Господа за Его милостивое откровение, *яко утаил еси сия от премудрых, и открыл еси та младенцам* (Мф. 11:25). Видение продолжалось не более десяти минут, и которое оправдалось на самом деле, а именно: второй монах оказался нерастлевающим²⁴.

Что такое тартар

В 1861 году во время бдения на день святого Евфимия Великого один из братии (впоследствии иеромонах нашей обители отец Платон; в 1875 году выехал по своей воле в Россию, потом возвратился на Афон и скончался на какой-то келлии Ставроникитского монастыря) покаянно

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

удивлялся своей холодности, что нет в нем ни страха Божия, ни внимания, ничего истинно монашеского. Все бдение провел он весьма трезвенно, прося у Господа послать ему страх Свой.

Эта мысль занимала его и во время литургии. После трапезы, легши на койку, начал читать книгу и остановился на размышлении о своей холодности и что нет у него содрогания о себе, и заснул. Вдруг видит: входит к нему благолепный старец, в котором он разумел преподобного Евфимия Великого, с одним учеником своим. Старец, подойдя к брату, спрашивает его: «Не хочешь ли ты видеть тартар?» Брат просил показать, и они пошли.

Прежде всего шли они каким-то необозримым полем и приходят к зданию огромному, у которого двери отперты, и, еще не вступая в оное, [ощутил брат, как] холод повеял от обиталища того. Вступив же в здание, [почувствовал он, что] чем дальше шли они, тем холод становился нестерпимее, так

что наш брат воскликнул: «Нет, отче, не пойду дальше, не пойду, быть может, ты меня тут еще оставишь?» — «Не бойся, — ободряя, сказал старец, — иди за мной, ничего не будет». Так они прошли четыре отдела, или двора, и на каждом из них брат более и более не соглашался идти дальше, ибо в нем все застывало, но, ободряемый святым Евфимием, продолжал идти. Вступили они уже в пятый двор, [и] здесь брат закричал, не вынося лютого холода, просил вернуться, так как у него нет сил, [говорил,] что он сделался недвижим. Здесь святой Евфимий взял его за руку, привел к бездне, находящейся в пятом дворе: в эту бездну нужно было им опуститься. Тут брат возопил: «Не могу, отче, не могу, выведи, Бога ради, меня отсюда, а то я задыхаюсь от холода». Но преподобный Евфимий опустил с ним несколько и дал ему ощутить на самое мимолетное мгновение холод тартара, отчего брат пришел в совершенное оцепенение и чаял уже конечной смерти, — при чем он и проронился.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Нестерпимый холод пронизал все его члены, он изнемог до крайности и от страха и холода рыдал неудержимо, так что три часа после этого не мог прийти в себя. По смотрению Божию к нему зашел иеромонах отец Геронтий и спрашивает, почему у него так страшно холодно. Брат рассказал отцу Геронтию о случившемся с ним, и что он никак не может опомниться от ужасного видения, и что холод, чувствуемый отцом Геронтием, есть одни остатки холода тартарского.

Откровение о постройке храма Зосимы и Савватия на Крумице

В 1870 году [была] построена на Крумице келлия с церковью преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Построение церкви ознаменовано несколькими чудесными откровениями и указаниями.

В 1868 году был на Афоне пресвятой Александр, епископ Полтавский. При посещении пчелиной пасеки на месте теперешней церкви владыка сказал: «На этом месте нужно выстроить церковь Соловецких чудотворцев», но ему ответили, что в последнее время нет на сие средств. Прошло после сего два года.

В это время жил тут иеросхимонах Анатолий и схимонах Серафим (Колмыков). Однажды зашла речь о том, почему не исполнили до сих пор желание владыки.

Через несколько времени отец Серафим видел в тонком сне подошедших к нему двух благообразных монахов, которые сели подле него по обе стороны. Отец Серафим спросил: «Что вы за монахи?» Они сказали: «Зосима и Савватий Соловецкие». — «Зачем вы подле меня сели?» — спросил отец Серафим. «Хотим показать тебе место, где должен быть престол нашего храма», — ответили они и тут же повели «меня [рассказывал отец Серафим] до кипарисных древ. И стали

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

размерять место для церкви, сначала по одной стороне, потом по другой, указывая рукою, говоря: «Тут должен быть наш престол». После стали невидимы, и я проснулся».

После этого отец Серафим стал заботиться о постройке, на что нашел благотворителей. Через два года храм был освящен.

При отправлении из мира в монастырь иеромонах отец Анатолий встретил большие препятствия от родителя, который никак не хотел его отпустить.

Отец Анатолий усердно молился и служил молебен пред Казанской [иконой] Божией Матери. После чего он пошел родителя просить, и он благословил. Отец Анатолий тут же дал обещание: «Если буду жить на Афоне, то построю там самый маленький храм в честь Казанской [иконы] Божией Матери». Но вот уже прошло более двадцати лет, а он не исполнил своего обещания.

Отец Серафим жил там на покое. Однажды [он] и говорит: «Когда же Вы

исполните свое обещание — построить храм Божией Матери Казанской?» А он говорит: «Я уже хочу оставить это навсегда». Отец Серафим говорит: «Как же хочешь бросить, а Божия Матерь не бросит, ведь за это придется ответить в будущем». Он говорит: «Что же будем делать?» — «А вот что, — ответил отец Серафим, — давай сделаем два жребия: один пустой, а другой со словами: строить храм». Так и сделали. Отец Серафим пошел в церковь и пред местною иконою Казанской Божией Матери положил три поклона со словами: «Царица Небесная, твори что хочешь». Вынули жребий: раз, другой и третий раз — и всегда вынимался «строить». Вот тут же отец Серафим во сне видел, будто от церкви Зосимы и Савватия и от Казанской иконы Богоматери [которая находится в этом храме] исходит необыкновенный свет. Он поклонился в землю, а Царица Небесная от иконы дает ему для облобызания руку и говорит: «Прииди в дом ко Мне». «Я отвечаю:

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

“Матерь Божия, я не знаю Твой дом”. Она говорит: “Найдешь”. И в это самое время является святой Иоанн Богослов. Я спросил святого, что Божия Матерь сказала мне: “Прииди в дом Мой, а я не знаю”? Святой апостол говорит: “А я знаю, пойдем со мной”. И пошли к церкви святой мученицы Татьяны и преподобного Платона Студийского. И вот будто возле церкви стоит дом громадный, белый, на балконе этого дома стоит та самая икона Казанская, которая в церкви Зосимы и Савватия. Я обратился к Божией Матери и говорю: “Царица Небесная, как же взойти к Тебе?” Она ответила: “Отверстыми воротами, там есть входы”. Мы вошли туда на балкон. Я поклонился, и Божия Матерь опять так же дала мне руку для облобызания.

И в это время проснулся».

[В конце текста приписано следующее:]
Записано со слов схимонаха Серафима —
ктитора Казанской церкви; скончался в Рус-
сике 22 октября 1900 г.

Об иконе
святого Николая Чудотворца
(в Фиваиде — пустыни
Русского Пантелеимонова
монастыря)

[Повествование предваряет следующее замечание.] Копия рукописи крестьянина Давида Яковлевича Долгого — о пожертвованной им иконе святого Николая.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Молитвами Пресвятой Богородицы и св[ятителя] Христова Николая да спасет и сохранит Господь Бог нас и всех православных христиан во веки веков. Аминь.

Христоролюбивые мои отцы Святой Горы Афонской и пустыни нового скита Фиваиды. По вашему прошению о любви к св[ятителю] Христову Николаю я, многогрешный раб Божий Давид Яковлевич Долгий, уроженец Таврической губернии, Мелитопольского

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

уезда, селения Михайловки, даю в дар вышеозначенной пустыни Фиваиде икону св[ятителя] Христова Николая, обновившуюся силой Божией у меня в доме в 1896 году, в Великий Четверток, под пятницу. Очень подробно я вас [о сем] уведомляю, насколько мне дал Бог знать таким образом.

У меня в передней комнате, где я никакими делами хозяйственными не занимаюсь, а только содержу [ее] для молитвенного и прочих душеполезных упражнений и чтения святых книг, [для чего] и украсил ее разными хорошего качества иконами и картинами <...> были две старые иконы: одна Божией Матери, а другая святителя Христова Николая. Иконы сии от ветхости и сырости до того затемнели и ольхався заржавела, какие были крестики и другие уборы на иконе заржавели и отпали, что я не раз намеревался вынести икону святителя Христова Николая в заднюю мою комнату или <...> на чердак, потому что все другие у меня иконы хорошие и новые,

а святителя Николая и еще Божией Матери иконы такие темные, и ветхие, и заржавленные, что не было у меня никакого расположения больше держать их в передней комнате. И сколько раз я хотел было вынести, то все как-то меня что удержит — какой страх или так чем-нибудь отклонит. И в последний раз, когда моя жена к празднику Святой Пасхи убирала внутри комнаты, то для того, чтобы удобнее было выбелить стены внутри, поснимала все святые иконы, в числе их и святителя Николая и Божию Матерь. Икона [же] святителя Николая от ветхости и <...> червотчины совсем распалась, и я теперь уже совсем хотел вынести, а жена моя сказала, что пускай еще лето постоят, а под осень новые купим. Я и согласился на это, и когда иконы все были поставлены на своих местах, так же и эти две старые были поставлены на своих местах, и это было в Великий Четверток. А в пятницу наутро моя мать вошла в переднюю комнату, чтобы там помолиться,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и, когда увидела мать, что иконы по Божию благоволению изменились, стали светлее новых, сейчас же возвратилась и мне стала рассказывать, что у нас иконы благодатью Божией обновились, и когда я увидел благодать Божию, то возблагодарил Господа Бога, и Его Пречистую Матерь, и Его угодника святителя Николая, и положили мы такой обет, чтобы никому не говорить — ни родственникам, ни соседям, и так сбылось до сего времени.

А еще уведомляю я вас, что у меня пред этим чудом были такие знамения: [меня не было дома,] и когда возвратился домой, то у нас в передней комнате такое показывалось освящение, как бы от многих свечей, а когда во двор выйду, то его не видеть, как бы затухло. И это повторялось несколько раз, не только мне, но и жена моя видела, а также и некоторые соседи и проезжающие мимо видели, и все спрашивали: «Что ты ночью делаешь? Что у тебя такое освещение, да еще на всю ночь?»

Икона святителя в раме под стеклом, обделана и украшена фольгой. Мера иконы с рамой в высоту — десять вершков, в ширину — девять вершков; живопись простая, но правильная, лик святителя строговат.

**Святой Григорий Палама
монаха во время сна исцелил**

[Осенью] 1869 года, 23-го числа ноября месяца, почувствовал я в груди острую боль, которая с каждым днем усиливалась, особенно вечером и ночью, так что я целые ночи проводил без сна, а если и засыпал, то или сидя на стуле, или склонившись на правый бок на койке на короткое время.

В одну из таковых трудных ночей, в последних уже числах того же ноября (но не припомню, какого именно числа), опершись на правую руку, восклонился правым боком на койке (ибо на левом боку мне невозможно

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

было лежать, потому что дыхание в груди останавливалось). В таком положении погружившись в тонкий сон, вдруг ощутил себя стоящим в Покровском соборном храме на всенощном бдении. Храм весь освещен был так, как на двенадесятый праздник или как на Святую Пасху; наполнен в большом количестве монахами, которые находились и стояли в каком-то восторженном ожидании, но мирских людей не было заметно. После сего раздался между монахами тревожный шум: «Несут! Несут! Мощи святителя Григория Паламы!»

Я в это самое время стоял посреди церкви, близ аналая, стоящего на левом клиросе. Обратившись к западным дверям, точно увидел, что монахи в полном монашеском одеянии несут раку с мощами святителя Григория Солунского (ту самую раку, которую я видел в Салонике) с пением стихир: «Днесь благодать Святого Духа нас собрал...» Лица же несущих раку монахов светлые, но мне совершенно незнакомые.

Они принесли раку и поставили на правом клиросе, против иконы Божией Матери, а аналой с правого клироса был заблаговременно принят.

После сего отворяются царские врата, которыми выходит из алтаря в полном священническом одеянии духовник отец Макарий²⁵ и останавливается пред самыми царскими вратами, а справа, пред местною иконою Спасителя, вслед за ним выходят два иеромонаха и становятся один по правую сторону отца Макария, а другой по левую отца а[рхимандрита Макария]. В это время я, стоя на своем месте, спросил отца Макария: «Кому молебен петь?» Ответ был безмолвный: указал правою рукою на раку святителя. Когда отец Макарий произнес возглас: «Благословен Бог наш...», я сказал: «Аминь». В это время святитель Христов Григорий встал и, сидя в раке, сказал: «Вот и я пришел посетить вас». На эти слова отец Макарий, обратившись правым боком, ответил святителю низким поясным поклоном.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Я же, находясь на своем месте (как выше сказал, посреди церкви), продолжал петь начатый молебен. По «Отче наш» я запел общий святительский тропарь «Правило веры, образ кротости...». В это время святитель Григорий грозно сказал мне: «Остановись: ты не так поешь!» С этими словами вышедши из раки с правой стороны от меня (с открытою головою, плешив, с длинною черною бородою, похожий на святого апостола Павла, в белом как снег одеянии, низкого роста, так что голова его равнялась с моим правым плечом), сказал: «Пой со мною вместе: “Воскресения день просвятимся людие (Пасха Господня, Пасха, Пасха Господня, Пасха!)”». Эти слова: «Пасха Господня» — повторил он несколько раз, давая правою рукою каданс²⁶ <...> и таким образом пропел все Пасхальные ирмосы без тропарей, а когда запел 9-й ирмос: «Светися, светися...», монастырский колокол начал звучать на канон и меня пробудил, но от восторга и радости душевной я долго не мог уверить

себя в том, что я нахожусь не в Покровском храме, а в своей келии, и притом на койке.

После сего события я почувствовал облегчение в своей болезни; сыновнею обязанностью почел объяснить сие событие духовному отцу и испросить у него благословения отслужить молебен святителю Григорию. Каковую просьбу мою исполнил сам духовник, и после сего в скором времени молитвами святителя Христова Григория и духовных моих отцев я совершенно освободился от телесной моей болезни.

Из рассказа «Божие вразумление»

Будучи на Афоне, во время всенощного бдения на празднике святого великомученика Георгия 23 апреля, при начале чтения жития и страдания сего угодника, что было перед шестопсалмием, около полуночи, в легкой дремоте я вдруг увидел перед

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

собой двух стоящих молодых красивых юношей, один из коих, в голубой одежде с золотым поясом и такой же нашивкой около ворота, стоял прямо против меня, другой, в красной, сверху накинутой одежде, стоял не прямо [лицом] ко мне, и потому я видел лик его неясно, в профиль. В первом я хорошо узнал великомученика и целителя Пантелеимона, а про второго воображение мне говорило, что это святой Георгий. И, поговорив что-то между собой, святые угодники пошли далее около форм, в коих обыкновенно во время чтения братия сидят здесь, как сидел и я. Обходя кругом храма, они останавливались перед некоторыми из сидящих и потом направлялись в притвор храма, где также бывает братство и поклонники, как и в сопредельном тому храму святого благоверного князя Александра Невского. Самое видение было в Покровском Русском соборе.

После чего я тотчас же, как бы проснувшись, чувствовал что-то радостное и в то же время со страхом думал, как

надо остерегаться невнимания, когда Святая Церковь поучает примерами великих угодников Божиих, а сами они назирают за нами своим благодатным сопребыванием или посещением.

Всеведение Божие

[На полях рукописи, напротив этого рассказа, читаем следующее:] Записано самим игуменом Парфением (Заблоцким)²⁷. Посылали для печати, но отец Никон нашел неудобным.

Многие, даже из христиан, по случаю всегдашних проявлений вообще в мире и в частности в жизни каждого человека всеведения Божия стараются уяснить сие свойство Божие человеческим о нем суждением.

За недоступностью сего, по ограниченности ума человеческого, а более по суетной пытливости непокорного не только уму своему, но нередко Самому Богу своевольного

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

сердца люди, не довольствуясь данным об этом от Бога откровением, вдаются в ненужные о Сердцеведце мышления, в неуместные поэтому о Непостижимом рассуждения. Отсюда рождается религиозное сомнение, а потом мало-помалу и совершенное отрицание в существе Бога и Его спасительного для нас закона, искомая страстностью нашею, разнузданностью опора против вопиющей совести!

Один из русских насельников Святой Горы Афонской²⁸, провождая житие в подвемых Русскому Пантелеимонову на Афоне монастырю местах довольно продолжительное время в пустынном уединении, недавно сообщил в святой сей обители старцам и ближайшим к нему из братства довольно знаменательный факт из жизни невядалеке от него подвизавшегося одного безмолвника²⁹, отличавшегося особенною простотою в характере, о бывшем ему в 1875 году боговразумлении во всеведении о всём и о всех Благопромыслителя.

«Не раз, — так начал подвижник благочестия свое повествование, — я побеждался помыслом: как это Бог может знать и видеть, что совершается людьми во всех концах необъятной земли?

По неисследимой своей любви и милости к падшему человечеству, — продолжал он, — Отец Небесный, радующийся с благими Ангелами Своими обретению единой овцы погибшей, не оставил Своим всемогущим мановением и меня, окаянного, без разрешения сего нерассудного моего недоумения.

В один из дней совершал я, — говорит пустынный, — по уставу Афонскому четочное бдение³⁰; по замечанию моему, должно быть, в полночь³¹ представляется моему взору (конечно, умным очам) вся необъятная земля с ее во всех пределах насельниками. В центральном ее месте видится стоящим Сам Господь наш Иисус Христос в Своем человеческом, как изображается на иконах, виде; на всем же ее протяжении

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

(пространстве) от востока до запада, от юга до севера — повсюду совершаются обычные дела человеческие: кто проводит дорогое сие для вечной жизни время в лени, в празднословии, сквернословии и в осуждении не себя, а ближних; иные пируют, веселятся; иные пьянствуют, ссорятся, а некоторые в ссоре дерутся. В одних местах развращенно и разнообразно блудодействуют, в других местах суется к явной обиде друг друга или злоумышляя с видимым затем посягательством не только на достояние, но и на самую жизнь ближнего. В отдельном опять углу [находятся] недобрые, бесцельные богачи, скряжники, сидя над своими сокровищами, отдавая им с неимоверным вниманием свой ум, свое сердце, всю свою душу и с укоризною отталкивая вопиющих тут же к ним нищих о милостыне. В противоположном месте люди нравственно падают разнородным падением: одни развратничают с окончательною расточительностью к горькой беде

сколько близких, а более к своей; а другие предаются непозволительной, вконец разорительной азартной игре и разным непотребным потехам к ущербу своего здоровья, сокращению нужной, тем более семьянину, жизни, к явному несчастью не только своему, но часто многочисленных, тут же при оных стоящих [и] в невыразимом горе плачущих семейств.

Одним словом, виделись человецы в грехах неизобразимых: естественных и противоестественных — в таких, которые по своей мерзости не подлежат даже описанию. Куда я ни обращаю, — передавал пустынный, — свой взор, сейчас же взгляну и на Господа: вижу, что и Он именно в то место смотрит. Обращу взгляд на бесчинников в совершенно противоположную сторону земли и опять — на Господа: туда и Он, Долготерпеливый, взирает Своим человеколюбием. Так я своим взглядом обошел всех людей во всех концах земли, и каждый раз, [отвращая взор] от неподобных

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

сих дел, сейчас же смотрю и на стоящего в одном и том же месте Всевидающего Творца вселенной и непременно [вижу обращенный] на тех же беззаконников и Его полный любви и обличительного милосердия взор.

Я с удивлением, с умилением и в ужасе мог только взывать: “Ах, Боже мой, ах, Боже мой, как же это так?! Ах, Боже мой!” И это видение продолжалось до тех пор, пока я сам уже, как бы от утомления, не стал обращать внимания [на сию картину].

С чувством сердечного умиления, со вседушевным благодарением к благопромыслительной деснице многомилостивого к нам, грешным, Господа, не оставившей без благоутробно-снисходительного вразумления в том [числе] и моего недостойнства, провел я в незнорадостном³² состоянии остальную часть ночи.

Камо пойду от лица Твоего — от Духа Твоего? — воззвал наконец рассказчик с царем-пророком Давидом. — *Камо бежу? Аще*

взыду на небо — Ты тамо еси, аще сниду во ад — тамо еси. Аще вселюся в пределах моря и тамо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя (Пс. 138:7–10)».

Из этого простодушного рассказа можно каждому найти поучение по своему сердцу: можно умиротвориться всегдашней памятью о любвеобильной к человеку милости Божией; нужно и бояться при воспоминании о правосудии Сердцеведца, от Которого нигде и ни в чем не укроемся, пред Которым явны не только дела, но и самые сокровенные помышления наши. Пока день жития нашего не зашел, как солнце, пока неизбежный смертный час не пробил еще для нас, воспользуемся чрез покаяние милостию Человеколюбца. По смерти нет уже к нам, грешным, всепрощающей милости Божией. Там одно правосудие праведного Мздовоздаятеля, вечно грозное для непокаявшихся грешников. *Со страхом и трепетом, убеждает нас Святое Писание, свое спасение содевайте (Флп. 2:12).*

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

*Вся бо нага и объявлена пред Очима Его
(Евр. 4:13).*

Может встретиться вопрос: показывались ли сему спасающемуся труженику между злом творящие и добро? Да, видны были <...> как золото в грязи, сияли между бесчисленными грехолюбцами сравнительно в малом числе и боголюбцы, на которых Господь как бы почивал Своим отрадно-благоволительным взором. Но здесь вспоминается и говорится по преимуществу о злоделателях потому, что все внимание сего подвижника тогда было поглощено требующим исправления грехолюбием падшего естества нашего.

[Богопромышление о нас]

Каждый из нас имеет возможность проследить свою жизнь от младенчества; каждый может пройти все в большей или меньшей степени подробности,

запечатлевшиеся в памяти, — что по преданию, а что по собственному наблюдению, [вспомнить] о разных в жизни неожиданных поворотах и переворотах, о нечаянных охранениях от разных озлоблений, от вредных предприятий, об избавлениях в неизбежных бедах, а еще чаще о и явно, и сокровенно предохранительных от любящего нас Бога вразумлениях. Насколько Богопромышление о нас верно и спасительно — из многого передаю лишь недавнюю быль (на Афоне), слышанную от близкой ко мне достоверной личности инока И-ля.

С год тому назад инок-келлиот отец И. пошел к соседу своему — собрату N. Там застал он других гостей. Хозяин, заботясь о должном приеме, предложил им чай, а сам поспешно ушел от них для приготовления обеда. Чай без хозяина был налит, гости хотели было уже пить, но вдруг одному из них, именно самому повествователю, навязывается неотступно мысль, что «сейчас смерть». И так как без молитвы

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

начинали чаепитие, то помысл заставлял его прежде помолиться. Смущенный этим, он предлагает своим соучастникам помолиться. Конечно, все согласились и начали уже по афонскому обычаю читать молитву: «Пресвятая Троице...»³³, вдруг при этом вбегает встревоженный хозяин и заявляет им, чтобы они были осторожны, потому что в чашках забыты рыболовные крючки³⁴. Всполошились отцы и, убедившись в действительности сего, переглянулись и в ужасе от тайнодействия о них Промысла Божия слезно возблагодарили сохранившего их чадолюбивого Отца Небесного. А что могли они неприметно проглотить с чаем и крючки, так это убедительно поясняется тоже местным обычаем. На Афоне не у всех найдется головной из России сахар, а сахарный песок всегда в продаже и дешев. Греки и вообще восточные жители если и пьют иногда предлагаемый чай, то изредка, а кофе, можно выразиться, почти обязательно, и в чашку

накладывают песку очень много. И русские тоже по необходимости привыкают пить чай внакладку³⁵. И как на дне чашки большей частью остается не растворившийся еще сахарный песок, то взбалтывают и одним глотком выпивают. Так и в данном случае могло бы случиться. Закрывшись не растворенным еще сахаром, при ведущемся в обществе, как бывает, разговоре, крючки, без сомнения, не обратили бы на себя внимания и легко могли бы быть проглоченными.

Дивное Божие о нас смотрение! Смерть-то очевидно предстояла, но покуда бы она настала, какие бы пришлось перенести мучения от железных тех орудий?! Слава Богопромыслителю во всем о нас Богу! Да научимся из сего тому, чтобы начало каждого дела освящать молитвой к Подателю всяческих Господу, Создателю нашему и Сердцеведцу. Неблагодарность и между людьми не терпится.

Афонцев П-ний

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Об Афоне кое-что
(Из письма
отца Пантелеимона
(Сапожникова)
от 1860 года, июля 14-го дня)

Афонская Святая Гора представля-
ет из себя дивное училище благо-
честия, в котором человек при умерщвле-
нии собственной воли и полном отвержении
достигает глубочайшего самопознания, ко-
торое выше всех классических наук. Один
из писателей просвещенного века сказал: на-
ука, непостижимая вовек, есть самый чело-
век! И действительно! Но она разрешается
здесь и делается ясною при тех условиях, кои
невместимы в быту мирском, каковы: пол-
ное самоотвержение и отсечение своей воли.
Это, при других, конечно, способах умно-
практической деятельности, возводит чело-
века на высоту духовного совершенства, при-
ближает его к первобытному раю, [к тому]
состоянию первого человека и обогащает

различными благодатными дарованиями,
так что Афон теперь представляет райский
рассадник подвижников для Неба!

Из письма
монаха отца Пантелеимона
(Сапожникова)
к монахине Анастасии
от 18 июня 1859 года

Христос посреде нас! Милость Божия
и покровительство Царицы Небес-
ной да пребудут с Вами! Сейчас только
с пути — берусь за перо хоть немного по-
беседовать с Вами! Болезнь, посланная от
Многомилостивого Господа для очищения
моей греховности, не выпуская еще из ког-
тей своих, заставляет ходить, делать прогул-
ки по пустыне, что я и делаю по благосло-
влению святых отцов. Это видимо приносит
мне пользу, ибо, когда послушаю бдения,
или по ненастью, или еще почему-либо

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

не придется выйти, я после того едва таскаю ноги и опять от нескольких слов разговора изнемогаю, как говорится, до упаду. Но слава Богу о всем! Кроме благодеяния грешной душе моей, болезнь наградила мою любознательность неоцененными сокровищами, которыми я готов бы поделиться всеми силами души с разделяющими мои чувствования, если бы на то была возможность! Невольные уклонения от занятий заставили меня быть там, где я еще не был, и беседовать с великими подвижниками Святого Афона и, главное, ознакомиться с такими предметами сокровенной пустыни, что составило бы утешение всего православного мира! <...>

Сейчас только я со священных развалин Старого Руссика³⁶! Долго и задумчиво — один себе — бродил я там, рассматривая вековое святилище, покоившее в своих стенах многие тысячи иноков, строгих подвижников, ликующих ныне в обителях Отца Небесного, под покровом своей Небесной

Игумении Царицы Небесной! Сколько дум, сколько воспоминаний воскресало в душе моей при виде этих твердынь — стен, частью уже осыпавшихся и осыпающихся, роскошно перевитых плющом, при виде части уцелевшего собора, где денно и ночью возносились славословия избранников Божиих! Одни вековые деревья, выросшие внутри храма и между бывших келий, были только свидетелями моих унылых шагов и дорогих мечтаний. Между некоторыми развалинами взошел я в параклис (малый храм), в котором сохранилась отчасти стенная живопись <...>. Здесь, повергшись пред ликом Царицы Небесной, изображенной на горнем месте сидящей на Престоле с Предвечным на лоне Ея Младенцем, я сложил свои грешные молитвы, прося Небесной Ея помощи в пути спасения, а также и о заповеданных мне, недостойному, молиться о них!.. И этот священный лик Божественной Марии сохранился только вполовину, а лик Господа давно уже осыпался, тогда

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

как стоящие по сторонам Ангелы целы совершенно. В заключение с трепетным благоговением приложился к святым ножкам Владычицы и Матери щедрот и утешения и в тихом и сладком размышлении вышел из святилища, некогда оглашавшегося песнопениями святых уст к Богу и Всепетой Богоматери. Сколько впечатлений производит гробовая тишина необитаемого святилища и какими чувствами исполняется сердце — это недоступно выражению! Меня много заняли параклисы, утвержденные вверху, особенно откуда бросил свою одежду святой Савва, впоследствии архиепископ Сербский³⁷, и высокая пирга³⁸, на которой сбоку и на самом верху выросли значительного объема два дерева, а потом смоковничное дерево, и уже с плодами, выросшее из стены северной части здания, и невдалеке от монастыря четыре головных черепа, которых обрушившаяся гробница не закрыла своим прахом. При первом взгляде на самое местоположение, удаленное от моря и закрытое

лесом и горами, Вы скажете, что оно избрано истинным пустынножителем, чуждым всяких отвлечений. Не смею более говорить. На пути два раза я останавливался невдалеке от утеса, который особенным четырехгранным столбом возвышается над дебрею на пространной площадке.

Давно еще этот столб, когда я ездил на муле к схимонаху доктору, живущему на Карее (два часа от монастыря), занимал меня и приковывал к себе мои мысли, так что невольно влекло что-то к нему. Мне хотелось во что бы то ни стало когда-нибудь взобраться на него, но тогда я не знал, что на этом столбе, подобно древним: Симеону, Даниилу и другим, спасается раб Божий десять лет, живший прежде в нашей обители.

Однажды наш русский схимонах, идя вечером близ сего места, возбужден был неким тайным побуждением взойти на этот столб, чтобы привести на память прежних подвижников, на столбах подвизавшихся, смирить свой помысл высокими

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

их подвигами и подумать о своем спасении, — как он передавал, сойдясь со мною близ сего места в прошлом лице. Входит. На столбе стоит высокий острый камень, к нему примкнута из камней сложенная стена в защиту от ветров, посреди коих постла-но несколько веток с травой и лежит тол-стая ряса. Это удивило его! Недоумевая о виденном, в разных предположениях он двинулся тихими стопами далее и тут узрел под камнем стоявшего на правиле с четка-ми согнувшегося старца. Пораженный нео-жиданною встречей и смущенным взгля-дом, как бы упреком, нового столпника, сказав: «Прости, прости, отче», поспешил уйти со столба. «Благослови и прости», — повторил он, начиная спускаться. С каким сожалением и скорбью он вспоминает свой восход, ибо это открытие скроет от глаз на-ших строгого пустынника в недоступные пещеры, во множестве по святой пусты-ни рассыпанные; по всему видно, он не за-хотел никакой известности. Сами можете

судить, каков должен быть подвижник, сей святой старец, который не удовлетворил своего духовного стремления киновиальной³⁹ жизнью, нами едва-едва выносимую, и по десятилетнем приготовлении и обучении монашеской жизни в монастыре осудил себя на строжайшие подвиги под открытым небом, на стуже и зное, как бы между небом и землею, и Бог весть чем он там питался! Теперь я тихо проходил мимо столба, с благоговением смотрел с соседственного пригорка, думая увидеть что-либо, и искренно желал силы и крепости от Господа тут спасающемуся, мысленно прося его молиться о моей грешной душе.

Таковых пустынных здесь многое множество, и если бы писать о них, и конца не видать таким сказаниям.

На сих днях близкие мне духовно отцы нашего монастыря были под Афоном, то есть в местах к самой вершине Святой Горы. Там посетили таких подвижников, что сердце невольно приходит в умиление от одних

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

их рассказов о виденном там и разговоров с ними. Хотя по милости Царицы Небесной мы окружены великими старцами-духовниками, однако сердце рвется посмотреть и тех святых подвижников, и испросить их святых молитв, и принять слово для жизни. А надобно Вам сказать, что под Афоном живут самые высокие подвижники, знаменитые своими подвигами на всей Горе, лишенные всякого телесного утешения.

Если Господу угодно будет, по времени с благословения святых отцов понесусь и я, недостойный, к тем великим старцам и в числе их зайду к столетнему старцу новых мучеников. О, великое утешение — посетить этого избранника Божия — строгого пустынника! Он, когда раскроет свои богодухновенные уста, поистине уж напичкает небесною манною.

Я его видел однажды в 1857 году, первого октября, он был у нас в монастыре, и мы тогда воспользовались его благословением. Это маститый почтенный старец,

располагающий к себе сердце всякого при первом взгляде на него. Покойный Святогорец сделал большую ошибку в своем сочинении, кажется в путеводителе, сказав, что он умер в 1853 году. Это умер совсем другой, и настоящий старец сих новых мучеников жив еще. Этот самый готовил их к мученичеству, он и ездил в Стамбул, он же и святые мощи их привез на Святую Гору оттуда. Ему с небольшим сто лет. Удивительно, что при таком числе лет он еще свеж, совсем не показывая в себе ветхости. Вот вполне патриархальный старец, и так сияет благодатию его лицо, что смотреть бы на него и не насмотреться. Но, говоря о будущем, хорошо ли упускать настоящее, хватаясь за дальнее, справедливо ли упускать из-под самых рук живые уроки поучительных предметов?

Но не осудите, Бога ради, меня: столько раз говоря об отдаленных старцах, я упускаю из виду и ничего не сказал о своем соседе. Но что и как я скажу Вам о нем?

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Каким словом опишу высоту его смирения и даже глубину смирения и кротости, его совершенную любовь ко всем, так что каждого он готов совместить в своем сердце, его крайнее младенческое незлобие, а что всего выше, его благодатные ощущения и чрезвычайные действия над ним благодати. Справедливо же я молчал до сих пор о нем, ибо не могу ни слова должного сказать! Да и как можно сказать? Упражняясь в постоянной молитве и созерцании, он в такой приходит духовный восторг, что тот проторгается даже в голос и издает звук, как бы похожий на смех, соединенный с обильными слезами! Так обильно посещает его благодать, что он никак не может оставить ее, воспламеняющую самую его кровь!

Таких старцев у нас два в святой обители. Только недавно выслушал я свидетельства великих святых старцев о его духовном преспеянии. И в заключение прочел одну тетрадь из многих его сочинений — о действиях благодати в сердце человека, —

переведенную с греческого одним нашим схимонахам. <...> Старец Иоанн, семидесяти лет, родом болгарин, несколько лет бывший учителем в Константинополе и заслуживший известность своею ученостию, наконец все это сменял на строгий подвижнический крест и теперь замечательный посреди великих святых отцов. Подрясника и рясы хуже его никто не носил во всем монастыре; при действиях благодати не знает сладости, покоя и насыщения пищею. Забыл сказать, что он был исповедником имени Христова и был бит по пятам по приказанию визиря, из христиан, принявшего исламизм, которого он обличал небоязненно; и после мучений визирь ввергнул его в узкую душную темницу, где непременно ему нужно было задохнуться, но явление Господа соделало и душную темницу раем: там он от неизреченного восторга так закричал среди полуночи, что перепугал стражу, более еще изумившуюся от великого ослепительного света в темнице! С тех

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

пор [прошло] более двадцати лет, старец Иоанн оставил все, переселился на Святую Гору и вот в нашем монастыре доканчивает свой век. Великий воистину молитвенник пред Господом и теперь еще, а по смерти его еще более за нас и за обитель всю. Вот я Вам и рассказал об Иоанне, святом старце, но что сказал? — ровно ничего! Его словом определить нельзя, а и того более — моим сухим! Надобно видеть его и проследить хотя несколько за ним, тогда отчасти можно душою, чувствами понять его, но объяснить все-таки нельзя.

Не говоря [подробно] о равном ему и одинакового устройства, замечу мимоходом о столбе афонском, старце Мартиниане, как его называют все старцы. Более уже сорока лет трудится он в обители и теперь еще первый на всяком послушании и после отца Михея — последний на упокоении! Чтобы много не распространяться о нем, приведу слова старца нашего: отец Мартиниан исполнил все заповеди Господни, а отец

Михей — это чадо первых веков христианства, и не знаю, как бы полнее выразить слово, послушливый. На всех послушаниях и везде отец Михей успевает и для братии послужит, я еще ни разу не видел, когда он отдыхает, ибо, когда бы ни пришлось взглянуть, всегда его увидишь если не в церкви, то непременно при каком-нибудь послушании или занятии! Его самоотвержение поразительное, но смолкнем на время: его история — бывшая!

Письмо Ваше от 26 апреля я давно уже исправно получил. Всегда для меня приятно вельми сочувствие Боголюбия Вашего к предметам святыни, глубоко занимающим мое окаянство, и всегда готов бы сказать: истинно приятное письмо Ваше получил, но некоторые вставки, пугающие меня, останавливают от того. Вы знаете, что монах всего более побеждается тщеславием, от сих же первый есмь аз, и как ни лестная для моего самолюбия похвала других, однако, простите, освободите

Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»

меня от нее как ничем не заслуженной. Я рассказываю Вам о других святых старцах — даже соседа по келии имею великого пред Богом мужа, но сам опять тот же, окаянный и последний истинно спасающихся здесь! Ленишься способен — уроки могу давать; предаваться гневу, тщеславию и другим страстям — тоже. Во всем неводержан, подвижник только за кушаньем, а прежде и за чаем, но теперь болезнь отлучила от него, а за письма мои — давно уже и не один назвал меня празднословом. Вот Вам и афонец! Простите!

[Далее в рукописи идет такая пометка:]
(«точь-точь копия моя. *Леон.*»)

Святые пустынники

Духовный отец наш старец Хаджи Георгий поведал нам достоверное сказание о семи пустынножителях, великих святых отцах, живущих на Святой Горе

Афонской в глубокой пустыне, не имея на себе никакой одежды, даже необходимой, и, произволением Божиим, никто их там видеть не может, разве уже сами кому пожелают открыть себя.

Так, в скиту святой Анны был один духовник святой жизни, он имел келлию с церковью, и к нему сии семь пустынников приходили каждую субботу к утрени, которая по обычаю афонскому начинается в полночь, и, приобщившись Святых Христовых Таин на литургии, которая здесь отходит тоже очень рано, еще до рассвета, уходили в свою пустыню никем не видимые.

Однажды под субботу приходит к сему духовнику издалека один пустынник, ему знакомый, и остался у него ночевать. Духовник же, ожидая своих обычных гостей, боялся оставить его у себя, чтобы не оскорбить тех, которых ожидал, присутствием в келлии своей неизвестного им лица, но, стесняясь и отказать, оставил его.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Но вот приходят и те семь пустынников, по обыкновению без всякой одежды, только на одном из них была ветхая ряса. Выслушав утреню и на литургии причастившись Святых Христовых Таин, для краткого отдыха заходят к духовнику и, заметив в келлии его присутствие неизвестного им пустынника, говорят ему: «Отселе ты нас более не увидишь», уходят в свою пустыню и более уже не являются. И сколько ни ожидал духовник своих обычных субботников-посетителей, не мог уже дожидаться: они более не приходили. Тогда уже он решился объявить всему скиту о не известных никому, кроме него, пустынножителях, подвижающихся на Афоне в глубокой, никем не исследованной пустыне.

О сих же семи пустынниках также передавал один из братии лавры святого Афанасия, следующее.

«Приехал я на Афон и поступил в лавру святого Афанасия на монашество. По прошествии немалого времени жизни моей

в святой лавре меня стали беспокоить такие помыслы: есть ли и теперь подвижники, подобные тем, о которых я читал в житии святых отцов, где описываются подвиги таких высоких подвижников, каковы были Петр Афонский, святой Ануфрий, святой Арсений, Павел Фивенский и прочие святые отцы? Много я скорбел о том, что нет уже теперь на Афоне и не слышно о таковых великих подвижниках, какие были в древние времена. Но вот однажды посылает меня отец игумен с письмом в скит святой Анны, и на пути, пролегающем по глубокой пустыне, меня еще более стали занимать эти мысли. Вот, думаю, здесь такая безмолвная пустыня и глубоко уединенное место и я не встречаю ни одного пустынножителя... Как вдруг из кустов выходит ко мне навстречу человек полунагой, еле прикрытый ветхим рубищем по некоторым частям тела, и обращается ко мне с такими словами: “Зачем ты помышляешь, что теперь здесь нет

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

подвизающихся и живущих в пустыне? Вот нас в этой пустыне, в пределах Филофеевского монастыря, семь человек, навсегда здесь пребываем, и Бог нас хранит и покрывает от взоров посторонних людей; мы никем не видимы, и если который из нас умирает, то вместо него нам Бог посылает другого; вот теперь один из нас отошел ко Господу, иди к нам, будем жить вместе”. На что я ответил: “Прости, отче, и помолись о мне, я не могу вместить вашей жизни”. — “Если ты не можешь понести пустынной жизни, — говорит мне отшельник, — то и не помышляй о том, что нет теперь подвизающихся в пустыне отшельников, но живи в обители, исполняй с усердием свое послушание и почитай всех святыми, кроме себя, — и спасешься”».

*Схимонах Парфений,
ученик в Бозе почившего старца Хаджи Георгия.*

*1875 год, Кераши,
келлия святого Димитрия Мироточивого,
29 февраля*

Смерть пустынника

В 1891 году на Крумице скончался пустынник — девяностолетний старец отец Иларион, [скончался] в день своего Ангела на пустыни недалеко от Крумицы. Он подвизался в пустыни двенадцать лет, ходил на метох раза три в год, к себе, кроме духовника, никого не впускал. Правило исполнял такое: ежедневно читал великое повечерие, затем тянул шестьдесят четок, затем сидя отдыхал, а потом тянул схимонашеский канон в шестнадцать четок, а потом спал три часа. Вставши, читал часы и пил чай и по немногу времени кушал. Потом вечерня и повечерие.

Пред смертью за два месяца перешел поближе к Крумице и там подвизался; почувствовал нездоровье, отправился на больницу и там, исповедавшись, причастился Святых Христовых Таин. И сказал своему послушнику отцу Афанасию: «Жил я, грешный, в пустыни; Единому Богу известно,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

как пойду умирать в пустыню свою», — затем пошел и тихо скончался в день своего святого Ангела.

О чуде иконы
Божией Матери
«Тихвинская»
в Ильинском скиту⁴⁰

[В Великий пост] 1877 года, февраля 17-го дня, в четверг второй недели Святой Четыредесятницы, после отправленных часов в соборной церкви во имя святого пророка Илии, в третьем часу дня мы, нижеподписавшиеся семь человек, увидели на иконе Божией Матери Тихвинской, находящейся в киоте за престолом в алтаре сей соборной церкви, ясный мокрый след слез, пролитых из правого глаза Божией Матери через всю икону вниз и остановившихся на раме иконы, а на левом глазу стояла одна большая капля слезы, которая минут

через десять при нас скатилась на полвершка вниз.

Мы вытерли эти слезы ватой начисто и самую икону вынули из киота для осмотра ее с обеих сторон. Она оказалась совершенно сухою, и мы поставили оную опять на свое место. Потом все вышли из церкви и заперли ее, с тем чтобы туда никто не входил. Спустя три часа после сего, в половине седьмого, как только простучали в доску на вечерню, мы вошли в церковь и увидели на сей иконе не совсем ясные, от времени засохшие следы слез, пролитых из обеих очей Божией Матери: из правого глаза [следы шли] через всю икону вниз, остановились в значительно заметной мокроте на правой ланите, на груди и внизу на раме; а из левого глаза — по иконе вниз [до] правой благословляющей руки Предвечного Младенца, ниже руки не пошло по иконе ни одной капли, тогда как вся ручка была замочена слезами, подобно как будто в ту минуту рачительно облита водою; на сей ручке

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

слезы стояли, как мы смотрели, более часа, что было достойно удивления.

В то же время мы увидели на левом глазу одну большую каплю слезы, которая чрез четверть часа при нас скатилась по иконе вниз, вершка на три, но во все это время на обоих глазах была от слез очень заметная мокрота. По видении сем мы опять эти слезы вытерли и после того уже слез от иконы не видели.

В истинном показании всего этого свидетельствуем собственноручною подписью и приложением нашей Илиинской обители печати.

*Русского общежительного скита
святого пророка Или
настоятель иеросхимонах Андрей,
иеромонах Паисий,
иеромонах Каллист,
иеромонах Лаврентий,
иеромонах Феоктист,
монах Мануил
и монах Герасим
21 февраля 1877 года*

Замечательное сновидение
(Из греческой рукописи,
хранящейся в библиотеке
Русского Пантелеимонова
монастыря на Святой
Афонской Горе)

В священной обители Ватопедской⁴¹ спасался инок Пантелеимон. В 1848 году, в один из будничных дней, он слушал утреню с благоговением, как и всегда, со вниманием, стоя в притворе соборной церкви пред иконою Владыки Христа, где обычно читают полунощницу⁴². Когда же пели каноны⁴³, он впал в легкий сон в форме⁴⁴; во сне ему очень живо представилось, будто он в соборном храме святого Пантелеимона в священной Русской киновии. По особенному благоговению к соименному себе святому инок Пантелеимон много раз прихаживал из Ватопеда в Руссик на поклонение всечестной и многоцелебной главе святого великомученика⁴⁵.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Итак, казалось ему, что он стоит на литургии в Русском притворе с тамошними отцами. По окончании службы слышит: позвонили к обеду — и видит, будто все общежительные братия в благообразном [порядке] шли в трапезу. И у него явилось желание пойти с братией, но вдруг явился прекрасный юноша, лет под двадцать, по всему подобный изображаемому на иконах святому Пантелеимону. Он остановил его в дверях, сказав: «Тебе нельзя пойти в трапезу с этими старцами!», причем рукою коснулся плеча. В сожалении того, что он не из общежительной паствы страстотерпца Христова, хотя и носит его имя, вслед за явившимся вышел из притвора и смотрел на идущих; в числе их видел и русских монахов, сверху шедших⁴⁶; между прочим, пред кухней был виден инок в золотом фартуке. Так как святой, став возле трапезы, наблюдал за шествием братии и распоряжался, как домохозяин, то тезоименный ему дерзнул спросить его: «Кто это в золотом

фартуке?» — и услышал ответ: «Это главный повар киновий!»⁴⁷

При виде чинного шествия благолепного братства и зрении досточудного распорядителя киновий «я, — говорил рассказчик, — находился в большом изумлении, в коем и очнулся». В то время ударили в Ватопеде к «Честнейшую»⁴⁸. Размышляя, что бы могло означать такое сновидение, ватопедец ясно уразумел, что святой Пантелеимон призывает его в свою обитель. Поэтому спустя немного времени он перешел из Ватопеда в священную Русскую киновию, где пострижен в схиму с именем Панарет и жительствует в покаянии и послушании, украшаясь и другими иноческими добродетелями. Он с благодарением возвещает великое к нему благодеяние святого славного великомученика и целителя, тезоименитого подражателя Всемиловитому. Отец Панарет к вышеизложенному рассказу своему присовокупил и то, что целый месяц чувствовалось им благоухание с того времени,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

как святой коснулся его рукою, когда остановил его, хотевшего было идти с братией в трапезу.

**Дополнение монаха Аркадия⁴⁹
к замечательному сновидению:
несколько слов об отце Панарете
и рассказ о своем сновидении**

По прибытии из России в Руссик в 1851 году я застал отца Панарета вне монастыря. Он по благословению игумена Герасима⁵⁰ безмолвствовал близ святой обители в келлии с храмом святого великомученика Георгия. Ему поручено было смотреть за небольшим виноградником, который он оккупывал и очищал, обрезывая излишние ветви. Посещать этого старца-труженика было для меня особенным утешением: он был благоговейнейший, смиреннейший и постоянно с заплаканными глазами. Скончался отец Панарет вскоре после Севастопольской войны⁵¹. Царство ему Небесное и вечный покой усердно трудившемуся и плакавшему

в настоящей жизни, чтоб в будущей всегда радоваться!

Замечательное сновидение отца Панарета напомнило мне о своем подобном сновидении, которое нелишним считаю поместить здесь.

Имя мое от Святого Крещения было Алексей (12 февраля и 20 мая — святого Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца); при пострижении в мантию переименован я Антонием (17 января — преподобного Антония Великомученика).

До пострига всегда праздновалась мною память святого Алексия, но раз случилось, вскоре после пострижения, я забыл о дне памяти прежнего моего Ангела, чему отчасти способствовало и перенесение службы ему во храм на следующее число.

При слушании в тот день утрени на хорах Покровской церкви, во время чтения по 1-й кафизме⁵², нечаянно накрыл меня тонкий сон в форме. Я вижу себя в Московском Кремле, у главной церкви Чудова

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

монастыря. Поднявшись по лестнице наверх паперти, чрез растворенные церковные врата вижу, что храм полон молящегося народа, который то и дело ставит свечи пред святыми иконами и особенно пред мощами святого Алексия. Это удивляло меня: теперь простой день, думалось мне, отчего же здесь столько народу и ставят столько свеч? В недоумении я спросил возле меня стоящего: “А что, сегодня разве праздник какой?” Тот покачал головой, отвечал: “А еще монах! И ты забыл своего покровителя, молитвенника от Святого Крещения? Знай и помни впредь, что сегодня память святителя Христова Алексия, всея России чудотворца, святые мощи которого почивают здесь!” По выслушании такого обличения я зараз очнулся, и действительно оказался в то время день памяти святого покровителя моего. Тогда я мысленно попросил у него прощения и с тех пор на 12 февраля и 20 мая келейно вычитываю полную службу святому Алексию, хотя и отправляют

оную в церкви, и на четках ежедневно призываю его.

Из этого сновидения можно сделать такое заключение: с переменой имени в монашестве, молясь новому покровителю в лице святого, коего дано имя, не забывать и первого святого, имя которого носили от святой купели, но призывать в молитве обоих, с почитанием памяти их.

**Чудо на Покрове
Пресвятыя Богородицы
1 октября 1863 года**

Несколько раз подходил к вам, святые отцы, старался выбрать свободное для вас время, чтоб поделиться с вами своею, а может быть, и общею радостью. Но вот, слава Богу, и вечер, а вы все в таких же хлопотах. В нетерпении постараюсь высказать не высказанное пред вами на сем листке.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Началось бдение. Благодать усилила свое действие в моей молитве... С самого начала я чувствовал какую-то во всем существе легкость душевную — духовную радость. Впрочем, не во все время в одной степени.

Но вот начали петь: «Хвалите», величание Владычице — и опять высшая моя радость со мною. Не знаю почему, но помнится, что как будто я мыслил о Покрове Божией Матери. После этого опять оскудение... и какая-то рассеянность до говорливости. Начали акафист — смотрю: на воздухе Царица Небесная, и не то что одета, а как будто одевается в золотошвейную царскую диадиму, и на главе показался украшенный какими-то необъяснимыми пресветлостями в блистании царский венец; стояла ко мне тылом. Но на это был один момент. Видение сие тут же заменяется другим: Матерь Божия в простом Своем одеянии, как изображается и у нас Покров Ея, стоит на том же месте лицом к нам и держит на руках своих омофор — вроде длинного

полотенца необыкновенной белизны и необыкновенно тонкое, какое-то необъяснимо эфирное и [так] как длинное, то посредине сгибалось, по нему золотые кресты. Не знаю почему, но это меня не сильно поражало: я желал видеть и искать прежде виденную Царицу, но уже не видел, а стояла к востоку Богоматерь с Покровом. Я не верю, думаю, что это образ, но нет — замечаю движение даже и глаз. Но все-таки я этому не очень дивился, может быть, и потому, что я не находил уже Царицы. Поэтому даже не припомню хорошо, до конца ли акафиста Владычица стояла в том виде, но знаю, что когда на 9-й песни при величании я пожелал видеть Ея, то уже не видел. На «Хвалитех» я усомнился в действительности виденного, тем более что уже не повторилось оно на 9-й песни. Что же? Хоть не так ясно, как в первый раз, но заметил благоутробную Богоматерь там же; тут же началось со мною сильное действие благодати: по всему моему существу разливается быстрым потоком

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

какая-то непостижимая сила. Я обновляюсь, ослабевшие мои силы возродились. Я так сделался крепок, бодр, так легко, свободно мне было, что я с особенным удовольствием и радостью начал петь; одним словом, как никогда я обновился, переродился.

С охотою я остался еще на водосвятие и отвечал вам, батюшка отец Макарий, что я теперь очень силен, но потому что действительно я чувствовал необыкновенную бодрость — силу. Впрочем, это состояние повторялось со мною до самого вечера, какая-то приятная дрожь при одном воспоминании виденного разливалась по мне, радостью наполняло мое сердце. Вполне состояния своего я не в состоянии изобразить... сознание при этом своего недостойнства, немощи, непрестанного оскорбления, при этом милости Божией, Владычицею изливаемой, и прочее!.. Радуйся, Радость наша, покрывающая нас честным Своим омофором.

[Далее в «Афонском сборнике» читаем:] Видение это записано собственноручно

схимонахом отцом Парфением Заблоцким, постриженцом Руссика, впоследствии бывшим игуменом Переяславского Макарьевского монастыря Полтавской епархии, скончавшимся в Руссике 13 мая 1894 года. Конечно, оно им же самим и видено.

На оригинале замечено собственноручно отцом архимандритом Макарием: «Чудо на Покрове Пресвятые Богородицы 1 октября 1863 года».

Знамение
милостивого благоволения
Царицы Небесной
в получаемых с Афона
Ее святых иконах

Повествуя о чудесах Богоматери, совершившихся над принявшими с благоговением и верою картинные изображения Ее и вещицы, полученные ими со Святой Горы, невозможно умолчать о чудесах

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Владычицы от Ее святых икон, посланных из нашей обители в разные страны обширной Российской империи, но при всем искреннем желании поделиться этими утешительными сведениями обитель редко получает о том уведомления, хотя достоверно известно, что во многих местах совершились дивные действия благодати чрез святые иконы нашей крепкой Молитвенницы, усердной Заступницы и скорой Помощницы, Пресвятой Девы и Царицы Небесной, Богородицы! По крайней мере, укажем здесь места, где святые иконы наиболее ознаменовали себя действием этой благодати.

<...>

Нелишним будет также упомянуть здесь о замечательном событии от иконы Божией Матери, недавно полученной в нашем монастыре благочестивым поклонником Василием Кононовичем Острошенковым во благословение.

Возвращаясь на родину с полученною иконою Богоматери, именуемую «Отрада»

(или «Утешение»), Василий Острошенков оставил своих спутников в Саратове, а сам (28 августа 1864 года), переправясь через Волгу в слободу Покровскую, остановился ночевать у своего благодетельного знакомого; принесенную же икону поставил при образах хозяина дома. В эту ночь было при иконе дивное чудо. Когда в доме все спали глубоким сном, горница осветилась и слышалось Ангельское пение, которое так было сладостно, что соседи, тронутые им до глубины души, два раза приходили к окну и, видя молящихся, дивились, что к такому особому, чрезвычайному молебствию не пригласили их.

На другой день утром приходит в дом старуха соседка из близ стоящей избы и со скорбью упрекает хозяев, почему они, служивши в минувшую ночь молебствие Матери Божией, не позвали ее с семейством, что весьма ее огорчило. Те отвечали, что они ночью не только молебна не служили, но никто и не вставал, а спали обычным глубоким

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

сном. Соседка, думая, что они хотят утаить или говорят это только в успокоение ее, возразила: «Я сама слышала пение, и столь сладостное, что два раза приходила к вашему дому и сама видела вас всех молящимися». Недоумеая, что́ говорит старуха, просили ее рассказать, как и что она видела и слышала, уверяя ее, что они все спали непробудно и что рассказ ее приводит их в крайнее удивление. Благодетельная старица снова рассказала им, что, тронутая необыкновенно усладительным пением, она нарочно два раза приходила к их дому, видела зажженные пред иконою свечи, а самих их молящимися в продолжение всего пения, и скорбела, что ее с семейством не пригласили.

Слушая простосердечный рассказ старухи, скоро поняли все, что это происходило пред привезенною с Афона иконою, которую Сама Матерь Божия прославляет, и недоумение их заменилось Божественным страхом и радостью, и, возгоревши духом при разговорах о сем происшествии,

хозяева и соседка пролили усердные мольбы пред Владычицею и облобызали святую икону Ее, столь знаменательно и утешительно себя очудотворившую. После сего Василий Острошенков со своим благодетельным знакомцем заказали киот, украсили его по возможности и хранят в нем икону сию — «Отрада» (или «Утешение») — с великим к ней благоговением.

Да не скорбят благочестивые чада Православной Церкви, будто ныне нет уже таких чудес, о коих повествуют сказания первых веков христианства, не оскудел источник благодати Божией! Господь наш тот же и вчера, и ныне, и до скончания веков; не отвратилась от нас и усердная Заступница наша! Приведенные здесь чудеса показывают ясно, что и в наши времена обильно изливаются милость и щедроты от Матери Божией на приемлющих с верою и усердием Ея святые иконы и молящихся к Ней, Владычице. Но не вотще сказал Спаситель мира: *Просите, и дастся вам;*

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

ищите, и обрящете; толцете, и отверзется вам (Мф. 7:7); Сего ради глаголю вам, вся елика аще молящися просите, веруйте яко приемлет: и будет вам (Мк. 11:24).

Повесть
о старце Мефодии,
пострадавшем от верования
своему сердцу

В нашей обители был известный старец-грек отец Мефодий, который [вел] хорошую жизнь, благоговейный был монах и исправный во всех добродетелях общественной жизни. За то отец игумен сделал его трапезарем. Он это послушание исполнял пять лет по-видимому отлично, ибо все хвалили его как старца святого, умеющего утешать всех. Но, верно, Сердцеведцу неугодно было таковое его человекоугодие, нарушающее святое правило общежития, ибо он так поступал самовольно,

не советуясь со старцем. Потому попущением Божиим он вдруг впал в сумасшествие и сделал большой соблазн, которым смутил и опечалил все братство.

Ночью пред Благовещением, во время всенощного бдения, он почему-то решился с третьего этажа броситься в отхожее место; стон его слышали некоторые из братии и сказали о том игумену, что кто-то упал в сортир и стонет. Игумен приказал вытащить его, ибо не знали, что это старец Мефодий, а думали, что кто-нибудь упал туда по неосторожности. Братия пошли и вытащили его из сортира еле живого, и все братство пришло в ужас от этого происшествия. И всенощное бдение было возмущено таким безобразным поступком, все братство терялось в догадках о причине падения в такую грубую прелесть.

По духовном исследовании дела оказалась причина сему такая: что этот старец управлял трапезою пять лет своевольно, веруя своему рассуждению, а не старческому,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

а потому он раздавал провизию против правил общежития. Кто что просил и сколько требовал, он давал, не вопрошая игумена, и этим вредил спасению немощных братий, считая человекоугодие за дело богоугодное, и вот за это хвалили его все немощные братия, но Промысл Божий обнаружил его неправое дело и для примера другим наказал его бесчестьем. Грубое беснование продолжалось неделю. Потом он успокоился, был отставлен от должности трапезаря и переселен на жительство за монастырь, на хутор земледельческий. Там он прожил двадцать лет тихо и покойно, но отличался — [был] как бы изумленный или малоумный. Пред смертью он заболел, его привезли в монастырь, в больницу, где он мирно скончался 1883 года, августа 5-го дня, оставив братству пример вразумления за верование своему сердцу. После его смерти нашли зашитыми в подушке и одежде несколько бумажек — с папирос обертки, которые он во время изумления зашил, сочтя их за денежные

бумажки, потому что они были украшены рисунками или этикетками.

Сон о самоубийцах

[О сенью] 1873 года, ноября 28-го дня, по окончании бдения, которое совершалось на память преподобномученика и исповедника Стефана Нового, [я] пришел по обычаю в свою келию и от усталости и изнеможения прилег отдохнуть на несколько времени и тут же вскорости уснул. Вижу сон. Будто я стою в Покровском соборе в алтаре и читаю какой-то поминальник, в это время совершалась Божественная проскомидия. Прочитавши имена о здравии и о упокоении, окончивши поминать эти имена, наконец, вижу заглавие, написанное крупными словами: «ВНЕЗАПНО УМЕРШИЕ». Я пришел от этого в недоумение и думаю себе: что это такое — внезапно умершие? Потом перевернул еще

листок, смотрю: на обеих сторонах напечатаны картины следующие. Стоят будто бы четыре человека, [представляющие] разные виды самоубийства: один стоит с бритвой в руке и режет себе по горлу, другой с ножом и уже с распоротым животом, третий с пистолетом и стреляет в себя, а четвертый с чашей в руке и выпивает ее, а внизу под каждым [изображением] были написаны слова, но какие — не упомяну. Я на эти картинки долго смотрел и удивлялся: зачем эти картинки напечатаны, да еще и в поминание? Вот я и слышу, что кто-то мне говорит: «Вот видишь этих людей, так их нельзя поминать ни под каким видом». Тут я и проснулся, уже начали благовестить к литургии, и не знаю: что бы значило для меня это сновидение?

[Далее в тексте рукописного сборника стоит следующее:] Примечание отца игумена Макария: «Это отца Алфея; известно, что он потерял отца несчастным образом, вероятно скорбел, что нельзя поминать, — или

не дерзнул ли поминать? — а потому и явилось вразумление.

Архимандрит Макарий».

(Отец его, московский купец Димитрий Козмич Зверев, зарезался 17 октября 1854 года в Москве.)

**О сборщике,
утаившем часть жертвы**

Монах послан был от обители в Россию для сбора милостыни. Окончив послушание, он возвратился в обитель. Враг, ненавидящий всякое добро, ухитрился осквернить послушание его святотатством, внушив ему мысль, что, может быть, «ты не уживешься в обители и выйдешь из нее куда-либо в другое место, то [на сей случай] хорошо бы утаить тебе сколько-нибудь из собранных тобою денег». И он принял такой душепагубный совет змеиный: действительно, удержал

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

у себя две тысячи рублей, хотя совесть и много препятствовала ему это делать, потому что этот монах был много начитанный и сам учитель. Но враг попущением Божиим и мудрых сумеет перехитрить и одурачить, а всему злу причиною для монаха есть бессоветие⁵³.

Так [как] он своим святотатством осквернил святое общежитие, то Промысл Божий для поддержания чистоты совершенного общежития не оставил его без ясного, явного вразумления. Это было таким образом. Затаив деньги с намерением в случае [чего] оставить обитель, он вследствие сего дьявольского внушения и жить стал нерадиво, рассеянно. Однажды он гостил на келлии святых Бессребреников, у жившего там иеромонаха Макария, и вот вечером, когда он прогуливался вокруг келлии, перед ним является огромного роста чучело, грозя ему треххаршинным пальцем и с гневом говоря: «Зачем ты утаил монастырские деньги? Отдай их монастырю,

а не то я тебя убью!» Монах ужасно испугался, бросился бежать от этого ужасного страшилища в монастырь. Прибежав в монастырь, он немедленно раскаялся в своем грехе, возвратил утаенные деньги и подробно рассказал о страшном видении, представившемся ему наяву.

С того времени стал он слышать бесовские гласы; день и ночь не давали [они] ему покоя, всё угрожали ему, проклинали, ругали, хвалились погубить его. Он убоялся, стал много молиться и поститься, во всех своих грехах раскаиваться и много плакать, стал чувствовать, что множество бесов вошли внутрь него и беспрестанно говорят ему, что «ты теперь наш, ты предан нам, а потому напрасно ты молишься и постишься, напрасно противишься нам, ибо мы скоро погубим тебя и отнесем во ад». И с великою яростью бранили его самыми скверными словами и проклинали, терзали внутренность его, надували чрево, не давали ему покоя день и ночь, лишили сна

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и аппетита, чтобы таким образом изнурить его тело и умертвить, приговаривая: «Уж кончено, мы вот-вот скоро убьем тебя». Он, бедный, от этих их угрозений приходил в большой страх и отчаяние.

И все передавал подробно духовникам своим, которые молились за него и подкрепляли его своими советами, чтобы он не верил им, и чтобы не отчаивался в спасении своем, и чтобы не боялся их, но мужественно противился бы им, и чтобы сам проклинал их, и что это искушение попущено ему от Бога за святотатство, чтобы этим наказанием и других вразумить, дабы не дерзали разорять общежитие, и что все это пройдет, и «ты будешь от сего исцелен». Но он сомневался и думал, что скоро умрет, потому стал просить постричь его в схиму.

Духовник приказал ему готовиться к принятию схимы, [и] в эту неделю он много пострадал от бесов, которые отчаянно, с великою яростью нападали на него.

Духовники отчитывали его, а братия тянули четку за него.

В субботу, когда он пришел в церковь к постригу в схиму и причастию Святых Таин, тогда бесы надмили⁵⁴ его чрево и кричали: «Не допустим до пострига в схиму и причастию Святых Таин, сейчас задушим тебя, разорвем в куски и всю внутренность»; и всё вопили: «Нет, нет, не выйдем». Он изнемог до обмороков, но когда стали его постригать, тогда бесы стали выходить из него, и чрево у него стало уменьшаться, а когда окончили постриг, тогда бесы, вышедши из него, возопили: «Ну вот, все труды наши погибли, мы не успели погубить его». А когда он приобщился Святых Таин, тогда бесы вовсе оставили его, и он уже не слышал голосов их. Получивши такой страшный назидательный урок за нарушение правил общежития святотатством, он стал с тех пор жить повнимательнее прежнего. Но так как он был способен обращать в Православие разных сектантов, потому его пригласили

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

в Россию, куда он и удалился из обители. (Его сделали архимандритом. Это отец Михаил⁵⁵.)

Небесное явление

Сего ноября, восемнадцатого дня, ... года, в Новоафонском монастыре Симона Кананита, находящемся близ города Сухум-Кале, на ясном безоблачном небе при свете луны в шесть с половиной часов вечера показался на южном небосклоне белого цвета серп с рукояткою, принявший потом вид сабли. Шел он с запада на восток довольно быстро, прошел значительное пространство и сделался невидим. Явление это продолжалось около получаса.

Видел это небесное знамение иеромонах Иерон⁵⁶ и многие монашествующие и бывшие в это время в монастыре богомольцы-миряне.

Небесное явление

[Явление,] виденное в 1870 году, в день Святой Пасхи, игуменией Московского Зачатьевского монастыря матерью Каллерией с сестрами.

По существующему преданию, в праздник Святой Пасхи солнце при восходе своем радостно приветствует воскресшего из мертвых Создателя своего. С этою мыслью мать игумения с сестрами в светлый Христов день с тщанием смотрела на восход солнца. Небо было чистое, голубое. Солнце, взойдя, стало колебаться, как бы играть, сначала в одну сторону вбок, потом в другую, наконец, вверх и вниз. И вдруг увидели они в самом солнце голубя снежной белизны. Это Божественное видение продолжалось довольно долго, оное ясно видели мать игумения и семь монахинь. Спусти несколько времени голубь стал как бы увеличиваться в объеме и бледнеть, потом сделался невидим. Видевшие это чудное

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

знамение исполнились неизреченной духовной радости, что сподобились такого благодатного явления.

[Далее в сборнике стоит пометка:]
Сооб[щено] отцом Арсением⁵⁷.

Заметка из письма

Протоирей одесского кафедрального собора Иоанн (Знаменский) письмом от 26 января 1863 года к отцу Азарию⁵⁸ писал нижеследующее:

«Покойный преосвященный Иннокентий обращал в предметы научного исследования бывшее с ним во время его последней болезни, обморока довольно продолжительного. Это, говорил, восхищение и переступка души в другой мир. “Лучше тот мир? И что вы чувствовали?” — спрашивал я его. “Лучше, только там отношение вещей как-то иначе, нежели у нас. А оттого, что там все лучше, то и чувствовалось приятно, оставалось

только оставить ощущение, что это не мое или что я этим пока не могу воспользоваться”. Замечательное изречение!»

Фиваидские
келейные записки⁵⁹

В греческих рукописях существует повесть о вечных мучениях. Один из иноков Святой Горы Афона поведал мне, что он, находясь при греческой библиотеке и зная языки греческий и русский, заимствовал следующую повесть.

По славном вознесении Иисуса Христа на небо Пречистая Дева Мария имела желание сойти к месту мучений и видеть муки грешных, находившихся в аду. О сем просила Пресвятую Троицу. Тогда предстали пред Нею сорок Ангелов, в числе коих находились два Архистратига: Михаил и Гавриил; в сопровождении их Она приведена была к великому пиргу, где была

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

непроницаемая тьма. Пречистая Дева Мария обратилась к Архангелам и спросила, возможно ли видеть, кто находится во тьме той. Они ответили: «Да будет услышана молитва Твоя, Владычица». Тогда отверзлись небеса, и свет воссиял на том месте, тьма отделилась, и видны были души грешников, в мучениях томившихся: сквозь них проникали огненные черви, раны от которых вслед за сим зарастали, и снова [черви] пролезали, и снова [раны] затягивались, — так продолжалось постоянное мучение сих грешников. Матерь Божия, видя сие, прослезилась и сказала: «Кто сии, которые так жестоко мучаются и которых едят неумирающие черви?» Архангелы отвечали: «Сии души суть цари и неправедные судии». Матерь Божия, сожалея о них, просила снова Пресвятую Троицу освободить их от мучений, и был Ей глас с неба: «Невозможно избавиться им от мучений, так как это воздаяние им уготовано за их неправедные дела». И видит потом второго рода мучение: души грешных как бы

сидели на стульях, и пламя огненное проникало сквозь них снизу и выходило кверху через голову. Прослезилась Пречистая Богородица, смотря на их мучение, и спросила: «Кто сии, пламя коих жжет непрестанно?» — «Сии — иереи, которые небрегли, совершая таинство бескровной жертвы, попирали ногами частицы, вынимаемые из просфор во время совершения проскомидии». Затем видит третьего рода мучения: лежит человек на одре, которого охватывает пламень со всех сторон, — и спросила: «Что сие есть?» Архангелы отвечали: «Это души тех христиан, которые по лености небрегли о себе, покоились на одре своем в то время, когда совершалась Божественная литургия». Архангел Гавриил при том сказал: «Человек-христианин был бы прав не быть при совершении литургии, когда бы дом его охватило со всех сторон пламя, который бы горел». И наконец, четвертого рода мучение видит следующее: озеро, в нем кипящая вода, иные стояли в нем по колена, другие по

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

пояс, у некоторых видна была только одна голова, а все тело в кипящем озере. Пречистая Богоматерь зарыдала о них и спросила: «А сие что?» Архангел Гавриил отвечал: «Сии, живя на земле, производили разного рода соблазны, празднословие, сквернословие, обиды и прочее, злые дела, против любви к ближним совершаемые».

* * *

О лице Иисуса Христа (выписка из письма; это заимствовано из греческих рукописей Ватопедского монастыря на Святом Афоне):

От римского царя-кесаря к царю Ироду, зятю его, который спрашивал о качествах личных Иисуса Христа. Тот отвечал: «При взгляде на пречистое лицо Его исходят звезды и пламень блесстит, как молния сияет. Чисто и постоянно говорит слово к народу, бедные люди ищут и желают слышать слов Его, а богатые: архиереи, начальники, книжники и прочие — трепещут Его и не могут от страха отвечать Ему на против⁶⁰».

* * *

В 1891 году, июля 5-го дня, с одним афонским монахом по имени Иосиф, жившим в келлии под названием «Пирг» Ставроникитского монастыря⁶¹, был необычайный случай, который редко можно встретить. Упомянутый монах Иосиф, будучи побуждаем ревностью к подвигам древних святых отцов, подвизавшихся на Святой Горе, вообразил, что и в нынешнее время также можно хотя несколько подражать их аскетической, вполне самоотверженной жизни духовной и достигнуть желаемой цели, то есть иеромонашества, но напрасно [он так думал], как покажет нижеследующий случай. *Аще не Господь сожизждет дом, всеу трудишася зиждующий* (Пс. 126:1), по Святому Писанию; и еще: *без мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5), — Господь глаголет.

Задавшись мыслию получить иеромонашество, что на Афоне, в особенности на отдельных келлиях, дело обыкновенное,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Иосиф отправился в пустынь на расстоянии от его келлии одного дня ходу, чтобы получить деньги (сто рублей), отданные им под сохранение на время поездки его во святой град Иерусалим. Между прочим, просил Господа в тайне сердца своего, аще угодно будет пред Ним предпринимаемое им дело. Но вот приходит он к сей пустыни. Ему по случаю жаркого времени и от пути вечером вздумалось освежиться в море, для чего он, разобравшись на берегу, хотел уже броситься в море, как вдруг предстали пред ним два человека и, овладев его воображением и рассудком, схватив, повели его от моря в лес. На вопрос его, как их звать, они отвечали: «Одного — елдат, а другого — модат», которые и отвели его в гущу леса и на ночь оставили там.

Утром его, находившегося близ неизвестного ему места, увидели рабочие, сочли его за блаженного и дали ему, бывшему в одной рубашке, прикрыться. Затем те странные опять предстали пред ним и повели

далее по лесу, где он в сопровождении их, питаясь то ягодами, то хлебом, который они ему давали, пил воду из источников, какие находил в лесу, провел двадцать шесть дней в посте. Эти странные вожатые — бесы, преобразившиеся в людей, — говорили ему, что должно монаху поститься: пить одну воду и есть только хлеб.

Пользуясь изнеможением сил, много раз хотели его низринуть с крутизны в море, к которому подводили, но в это время светлый муж не допускал их и отгонял. Когда приближались к нему какие-либо люди или он к людям, бесы его отводили и, если был близ какого селения, делали то же. В таком положении они привели его, [идя] то днем, то ночью по неизвестным ему местам, и до той келлии, где жил. Явившись во время ночи [он смутил братию]. Жившие [там], встретившись с ним, не узнали его, считая его или умершим, или утопшим, сочли его за привидение, и притом [он был] еще не в монашеской одежде. И [по всему

тому братия] крайне были удивлены, не хотели впускать, но, осмотревши его внимательно и расспросивши, уверились, что [это] действительно тот самый Иосиф, который настолько изменился в продолжение сего времени, что трудно было его узнать. На вопрос, откуда он и с кем пришел, он отвечал, что его привели люди, два человека, которые [в тот момент], как он только один видел, стояли невдалеке и которых он им [братии] показывал и просил угостить их, как будто действительно людей, и которые при сем исчезли.

<...> Иосиф, оправившись и придя в себя, сам после сознавал, что невозможно иметь подвиг столь высокий, который имели древние святые отцы афонские первых времен пребывания на сей Горе. Сие исступление ума допущено Господом ради сознания немощи, чтобы мы, будучи слабы и немощны, не имели мечтания о сем — [быть] как великие, дел которых мы коснуться не можем; без особенной помощи

Божией [не должно] и предпринимать подвиг выше сил. Решившихся на сие в нынешнее время привыкли обыкновенно считать прельщенными.

Видение райского сада

Один из братьев нашей обители, схимонах, грек, благочестно живущий и внимающий своему спасению, отправив келейный канон, прилег отдохнуть, и представилось ему, будто бы молодой человек взял его за руку и привел его в сад, исполненный плодов и неизреченного благоухания. Он спросил: «Чей это сад?» Ему отвечали: «Русского монастыря». Он хотел тайно сорвать один плод и взял его рукою, но сопровождавший его сказал ему: «Ты не можешь вкушать плодов, пока здесь не водворишься» — и продолжал вести его садом. Наконец подходят к стежке, которая

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

простиралась до небес, а по обе стороны ее находилось kloкочущее озеро. Ему говорят: «Полезай по этой стежке». Он отвечает: «Как это можно?» Тут увидел он схимонаха отца Климента, из греков, скончавшегося 10 июня 1884 года. Отец Климент говорит ему: «Иди, не бойся, я прошел по этой стежке». Тот отвечал: «Не могу никак». Тогда отец Климент говорит ему: «Проси Пресвятую Богородицу, Ей дана благодать от Бога помогать в прохождении этого пути». Тут зазвонили на утреню, и он проснулся и после этого три дня ощущал от руки, в которой был плод райский, неизреченное благоухание.

Событие

Некто старец схимонах В[арлаам], живущий на собственной уединенной келлии на Святой Горе, имел в России своего сборщика-монаха⁶². Последний, возвра-

тившись из России со сбора, привез с собою некоего молодого человека, желающего посвятить себя монашеской жизни на Афоне и с сею целью прибывшего под руководство упомянутого старца В[арлаама]. У сборщика же в числе собранных в России денег находились и деньги, пожертвованные и сим новоприбывшим на монашество. Этот новоприбывший человек, еще молодых лет, оставил свою молодую жену в России по добровольному общему их согласию, также поступившую в женский монастырь в России.

Чрез несколько времени старец В[арлаам] рассорился с этим своим монахом-сборщиком и молодого человека, приехавшего на монашество, стал гнать из келлии, не давая ему при сем из его денег ни копейки, а тот ничего решительно у себя не имел. Положение его сделалось крайне безвыходное: из келлии гонят, денег нисколько нет, ни местностей и никого на Афоне не знает.

Молодой человек просил старца выдать ему деньги его и обещал более ничего

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

не требовать и не беспокоить его — ни чрез суд, никак. Старец никаких просьб, ни убеждений не хотел и слушать: «Получай с того, кому отдавал, ведайся там с ним как хочешь, а тебя я и знать не желаю, иди куда хочешь, я держать тебя не буду в своей келлии». Подобные слова были исключительным ответом на все самые горькие жалобы и убедительные просьбы несчастного, очутившегося внезапно в самом гибельном, безвыходном положении.

Сострадая ему, сборщик Варлаамов, не будучи сам в состоянии ничем помочь ему существенно, дал совет идти в Руссик к духовнику — старцу иеросхимонаху отцу Иерониму [Соломенцову] — и высказать ему всю беду свою, всю скорбь и просить совета и наставления, что делать теперь ему. А старец Варлаам даже духовный сын ему, то есть Иерониму, и время от времени ходил для духовных бесед и исповеди к нему. Молодой человек уже много слышал об опытности духовника руссиковского, уважаемого

высоко всею Святою Горою. Приняв с радостью этот добрый совет, молодой человек отправился к старцу отцу Иерониму и избрал дорожки нарочно окольные, чтобы скрыть свое намерение.

Случилось же, что и старец В[арлаам] вздумал посетить своего духовного отца, и они с молодым человеком встретились на пути к Руссику, и, конечно, оба весьма вразумились такой случайностью. «Ну, когда ты идешь тоже к отцу Иерониму, то иди впереди, а я за тобою пойду», — сказал В[арлаам] своему нежданному и нежеланному спутнику. Молодой человек, идя впереди старца В[арлаама], глубоко был занят мыслию о своем крайнем положении и о такой несправедливости к нему со стороны В[арлаама]. Скорбь и недоумение теснили его душу; вдруг как-то он невольно из глубины сердца воззвал: «Матерь Божия! Неужели же Ты меня оставишь в такой беде?» Едва этот молитвенный вопль вырвался из груди его, как с ним вдруг сделалась

тут же дорóгою как бы какая-то дремота странная или как будто полубессознательное положение (состояние), будто мрак покрыл его отовсюду. Внезапно в этом мраке и как бы в полусне видит он какую-то женщину, лица которой вовсе не мог рассмотреть; она дает ему золотую монету, лиру, со словами: «Вот тебе», — у него в это время мелькнул помысл: «А старцу-то дадут или нет?» На этот помысл последовал ответ: «Тебе дают, а у него есть деньги, ему не нужно». В ту же минуту молодой человек пришел в совершенное сознание и, очнувшись, видит в руке действительно золотую лиру. Он пришел в ужас от такового необычайного, чудного явления и трепетал всем телом.

Когда он <...> поравнялся со старцем В[арлаамом], то не сказал ему ни слова о бывшем, и тот никакого явления не видел, хотя шел на небольшом расстоянии от него. Наконец оба они пришли к духовнику Иерониму, который уговорил, усовестил

отца В[арлаама] и помирил их обоих. Но молодой человек не решился рассказать тогда же о поразительном чуде, посетившем его. По возвращении же в келлию старца В[арлаама] он передал все монаху-сборщику, принимавшему участие в нем. Тот убедил его идти и исповедать все бывшее отцу духовному Иерониму и по причине несмелости его сам с ним отправился немедленно. Придя к старцу-духовнику, они оба рассказали вышесказанное чудное явление и милостивое посещение Богоматери.

Пожар на Крумице
(Письмо отца Афанасия,
живущего на Крумице)

Батюшка! Вот что у нас случилось на кринице 23 июня 1885 года. От неосторожности мастеров, которые жгли в лесу известку, произошел пожар. Ветер был варьяз — северный, порывистый; пожар

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

стал распространяться скоро и обнял собою довольно большое пространство в овраге, где была известковая печь. Вдруг к мастеру подходит какой-то монах — старичок с седой небольшой бородой, с чашечкой и кропильцем в руках и говорит по-русски: «Дай воды!» Мастер в испуге от пожара вместо воды подал ему по ошибке такой же кувшин с водкой. Он не принял его, а сказал: «Этого не нужно, дай мне вот тот кувшин, тот, который был с водою». Подлил из него в чашку воды и сказал мастеру: «Теперь не бойся». Пошел прямо в огонь и скрылся в горящем лесу.

Ветер переменялся, стал дуть с юга, а потом с севера, а к вечеру совершенно затих.

Пожар при энергичной деятельности братий и с ними рабочих-аргатов и при помощи Божией совершенно [был] потушен, но огонь оставался во всю ночь, для чего и приставлен был из братий караул. Во время пожара в церкви читали акафисты: Божией Матери, святому великомученику

Пантелеимону и святому Митрофану. Удивительно было видеть, как огонь, обнявший собою огромное сосновое дерево страшным своим пламенем, вдруг потухал сам собою, что и теперь можно видеть по обгорелым лишь снаружи, снизу доверху, по уцелевшим многим деревьям. Истинно Господь молитвами старцев наших хранит нас и послал к нам угодника Своего избавить нас от великой скорби, могущей произойти от пожара. И мальчик, из числа этих же известковых мастеров, видел этого старичка, как он ходил и кропил по огню.

Чудо с утопавшим

В обители один монах по немощи своей пошел купаться⁶³; при всем своем знании плавать начал утопать, так что его кто-то [будто] тянул ко дну, и стал уже захлебываться, отчего весьма испугался и мысленно воззвал: «Господи! Молитвами

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

моих старцев, спаси мя!» В это время он увидел по морю идущего игумена [Макария (Сушкина), тогда уже почившего], в белой епитрахили, которую он [, подойдя к утопавшему,] накинул ему на шею, повлек за собой и вытащил на песок.

Монах на том свете

Одному из братьев во время болезни было следующее замечательное сновидение.

«Заснув вечером, — рассказывал брат, — я внезапно очутился на прекрасной долине, не имевшей конца, где увидел некоего незнакомца, казавшегося мне более тенью, чем человеком в теле. Приблизившись ко мне, он повелел следовать за ним. Когда мы пошли, я любовался светлыми, великолепными сумерками; лучи их проходили по всему протяжению долины, озаряя ее, подобно расвету весеннего утра.

После довольного шествия мы достигли необъятного взорами великолепного города, в нем увидели множество мирян обоего пола, благообразных, с червленеющими и радостными лицами; между ними я мог узнать одну соотечественницу мою, жившую богоугодно в мире. Кроме людей в теле, видны были лица — одне, также светлые и красивые, выражавшие великую радость. Проходя далее, увидел величественные и светлые палаты и необыкновенную чистоту с украшением. Там было множество монахов. Подошедши к одной двери, мы отворили ее, и я неожиданно увидел нашего иеромонаха, в белом облачении, с непокрытой головой, в епитрахили, с лицом сияющим; он с великою радостью принял меня и, взяв из руки вожатого, сказал: “Пойдем, повидай обитателей здешних” — и ввел меня в дом, чудно убранный. Когда я с изумлением рассматривал убранство, он снова сказал: “Пойдем, повидаем и прочих отцов и собратий наших” — и перевел меня

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

в другую палату красоты несказанной. Находящиеся в ней преисполнены были радости и веселия, лица все сияли и цвели красотой, наподобие роз. Все это производило во мне величайшую радость и удовольствие. Среди них видел облаченных в белые ризы, иерейские и диаконские, и узнал нашего иеромонаха, с которым жил.

Движимый любопытством, я спрашивал его о старце нашем, о духовнике и о других многих, и он отвечал: “Все мы находимся здесь”, что возбудило во мне сильное желание идти дальше, дабы увидеть их, но был остановлен ведущим меня словами: “Время возвратиться назад”. Очень я много сожалел; впрочем, и на возвратном пути мы видели многих монахов со светлыми, радостными лицами и одне такие же лица; все они, радуясь, прославляли Бога.

Когда дошли до прежней двери, я сделал поклон иеромонаху нашему и, взяв у него благословение, вышел оттуда за вождем моим.

На пути этом ни неба, ни светил небесных не видел я, кроме блистательного одного света, озарявшего всех и всё.

По приходе оттуда мы вошли в протяженную долину, во всем противоположную первой, и по довольном шествии приблизились к другому городу, окруженному великою стеною с железными воротами.

По мере приближения все сильнее и сильнее обонялось зловоние, исходившее из оно-го. Когда вступили туда воротами, увидел двух безобразных, отвратительных и страшных мужей, гигантского роста, черного цвета, с большими красными глазами, испускавшими огонь. Эфиопы эти сурово смотрели на меня, дыша яростию. Я, бедный, трепетал от страха, но путеводитель поощрял следовать за ним без страха, и, таким образом, мы пошли далее. Здесь все было мрачно, везде невыносимое зловоние и страшная нечистота. На всем бесконечном протяжении — сушь и безобразие, ни травы, ни дерева никакого не видно. С левой стороны в полумраке

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

виднелось пространное море с черною водою, густою, как тина, испускавшею величайшее зловоние. Справа же была земля белого цвета, из коей выходил дым, густой и смрадный, с пламенем. На вопрос мой: “Что это за земля?” — водивший назвал ее известию. Наверху зловонного оногo моря видимы были разбросанные многими кучами какие-то существа, страшные и странные, которых нельзя было различить: люди ли то или животные. От водящего я узнал, что это евреи. Оттуда мы пришли к берегу превеликого озера, испускающего зловоние, в котором вода, черная и густая, наполнена была змеями разной величины и цвета, с отверстыми зевами, готовыми проглотить все прилучившееся. Прошедши далее, мы приблизились к великой пропасти, где был хаос и глубокий мрак и слышались крики, непонятные и страшные, выходившие из нее, приводившие в ужас слышащего. Путеводитель на вопрос мой ответил, что это преисподняя. Будучи же побуждаем

им к продолжению пути, очень боялся, ибо около бездны была только узкая дорожка, по коей едва одному можно было пройти; тогда он взял меня за руку и провел благополучно, и таким образом мы оставили позади преисподнюю. Вышли снова на бесконечную долину, покрытую зловонной густой тиной. Здесь мне сказал водящий: “Пойдем, повидаем и братий наших”, — и, шествуя по долине, увидели издалика большой скит с отдельными хижинами (каливами): оные были бедны, и мелки, и тесны, по одному человеку едва вмещавшие. И здесь был полумрак, не видно ни неба, ни солнца, только густые облака вроде дыма покрывали окрестности. В каливах оных сидели монахи с лицами бледными и унылыми. Между ними я узнал иерея, соотечественника моего, которого я оставил отроком и который после принял священство. Путеводитель заметил удивление мое, сказал, что он был недостоин совершать великое таинство и как недостойно принявший

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

рукоположение находится теперь здесь. Еще узнал одного нашего собрата, который увидал меня, очень удивился и спрашивал, каким образом я очутился у них. Я же, видя его в таком злосчастном положении, много сожалел и спросил, как он живет тут, он отвечал, что об этом излишне говорить, ибо “сам видишь, как живем”. Тогда я рассказал о себе, как попал сюда, что вожатый провел меня этою дверью (я показал налево дверь). Я отвечал, что не знаю ничего и делаю то, что повелевает путеводитель мой. При этом я рассказал ему, что встретил и видел там. У меня явилось и здесь желание идти далее, чтобы видеть других, но и опять возбранил это вождь мой, сказав: “Возвратимся!”

И, вышедши оттуда, взошли вдруг на великолепный цветущий луг, покрытый множеством различных растений и деревьев, освещаемый светлою дневною звездою (солнцем).

Я очень был рад, что сподобился снова зреть вожаденный свет солнца. За великим этим лугом виднелось огромное море, и на

вопрос мой водивший отвечал: “Это океан...”
Этим видение окончилось, и я проснулся».

Руссик, 1888 г.

Возвращение от смерти

У нас 24 января (года не обозначено) умер от удара один монах, взят был Ангелами, но с половины пути воздушно-го возвращен и опять ожил, после передал нечто из виденного о загробной жизни.

Молодой монах именем Афанасий, с год как постриженный, заболел; у него образовался нарыв в горле. Когда ему было довольно трудно, он испросил благословения произвести сильную испарину и припаркою помочь своему горлу. Вследствие чего ему дана была келия с печкою, и он истопил ее как можно жарче, сверх всего пораньше закрыл, дабы скорее и больше нагрелась келия, и, имея нужду сходить в больницу, прилег на четверть часа, после чего хотел начать

свое лечение. Но не прошло и пяти минут, как дверку печки растворило (он слабо притворил и щеколдою не укрепил), и сильный газ (хотя без чада) разлился по маленькой келии. Не чувствуя еще никакой боли, он пролежал несколько минут и затем встал, чтобы дверцы затворить и форточку в трубе открыть, а вместе и дверь келии растворить, пока выйдет сильный газ, который он ощутил в полной силе, но, когда встал, почувствовал удар в голову <...> подошел к двери, но не смог уже отворить ее, упал, [почти] лишившись чувств. Хотел вскричать, но сил не было, он только чувствовал, как судороги стали перебирать его пальцы, с ними открылись конвульсии, в это время он простонал.

Вдруг [видит:] подходят к нему два Ангела в виде прекрасных юношей и говорят: «Пойдем с нами!», затем растворили дверь — и они пошли. [Лишь] выступили в коридор, как стали подниматься по воздуху и потом понеслись по облакам, кои так

мягки казались ему под ногами, как самые нежные бархатные ковры.

Едва только вступили в воздушное пространство, как встретили их толпы бесов, в самых скаредных и зверовидных видах, злобообразных, а более всего было козлинообразных. Чем они выше восходили, тем более увеличивались полчища бесов, которые устремлялись на шедших, но Ангелы заставляли только плевать на них; все они [бесы] стояли на воздухе по левую руку [от отца Афанасия].

Вид Ангелов, их лепотозрачный вид, превосходит красотой всякое описание [, рассказывал отец Афанасий]. У нас изображают их на иконах, но похожего, кроме молодости, ничего нет; одежда на них была из такого драгоценного газа или крепа, что более походила на воздушное одеяние самого белейшего цвета; препоясаны они были крестообразно голубыми орарями наподобие иподиаконов, только орари лежали не тесно на плечах, как у иподиаконов,

а [были] возвышенные, как бы на воздухе [находились], так что когда они делали какое-либо движение, то вся одежда шевелилась, как бы одушевленная, и ора-ри свободно соответствовали сотрясению одежды. Красота зрака Ангелов так приятна и божественна, что нахождение с ними отец Афанасий признавал за великую сладость, никак не хотел расстаться с ними и все старался более и более с ними говорить, но они часто отвлекали его, заставляя плевать на демонов.

За двадцать два дня пред сим событием, 2 января, скончался у нас иеромонах Троицко-Сергиевой лавры отец Варнава, постриженный пред смертью за несколько дней в схиму. Вот когда отец Афанасий, путеводимый Ангелами, неся на облаках выше и выше, вдруг издали увидел отца Варнаву, идущего по воздушным мытарствам, которого также сопровождали два Ангела, [они] отличались замечательною одеждою, ибо орари были у них унизаны

драгоценными камнями и по концам висели кисти кованого золота с драгоценными цельными камнями.

Когда [отец Афанасий и Ангелы] поравнялись с ними, то отец Варнава, видя трудность воздушных путей, строго произнес, обратясь к отцу Афанасию: «Ты зачем сюда?» А тот подумал: «Неужели я ему мешаю?» — но в это время и Ангелы, ведшие отца Варнаву, сказали Ангелам отца Афанасия: «Зачем вы его ведете? Ему еще рано!» Между этим отец Афанасий заметил, что у одного из Ангелов весь орарь был исчипан и камушки выдернуты, и их осталось немного — к кончику, а у другого только начато, почему он и спросил: «Отчего это так?» На это Ангелы сказали: «Да вот этим проклятым, — указывая на демонов, — которые требуют», и при этом [Ангел] отрывал и бросал по камушку, а отца Варнаву между тем то один Ангел, то другой подавали вперед, то есть проталкивали вперед, а сам он никак не подавался; они

[были] сзади отца Варнавы, подавая его вперед рукою, — то один, то другой. В это время заняла отца Афанасия одежда и орари тех Ангелов, и он подумал: «Вот если бы у нас в Руссике были такие орари, хотя бы один. Никто ведь никогда такого не прислал!» Лишь только он подумал это, Ангелы, с ним находящиеся, взглянули друг на друга и улыбнулись, и это повторялось много раз: лишь только он подумает что-либо земное, а они улыбнутся.

Пронесясь вперед мимо отца Варнавы, они вступили на некую ступень, из которой представлялся весь путь на небо. Вдруг им велено было ниспуститься, ибо в этот момент он стал чувствовать, что ему льют воду на голову и растирают; это было возвращение его к жизни.

Дивны дела Божии и Промысл Его о всех нас!

Время было пред бдением, почему братия отдыхали, знать или слышать о кончине отца Афанасия было некому. Один

из новопоступивших старцев, дядя отцам Иосифу (казначей) и Максиму (рухальный⁶⁴), которому паче других нужно было отдыхать, ибо ему нужно было вскоре занять чреду неусыпаемого чтения Псалтири, на которое он определен, в это время не спал и, будучи глух, сверхъестественно слышал внезапный стук, как бы падение кого-то. Так он вдохновлен был свыше и услышал, что как будто протопал кто. Он вышел из келии, побежал сказать эконому, там еще одному [брату], собрались к дверям и слышат хрип как бы умирающего; дверь же была изнутри задвинута. Напрягши силы, отворили дверь — задвижка отскочила; дверью же при отворении отодвинули тело упавшего отца Афанасия, которого замертво вынесли на террасу.

Принесли теплой воды, начали лить на голову, растирать виски и затылок. В это самое время Ангелам [было] велено возвратить отца Афанасия к жизни. Во время растирания Ангелы стояли при нем в головах

и сбоку — до тех пор, пока не привели его в чувство. [Придя в себя и] чувствуя ясность ума, он подумал: «Вот теперь-то я расскажу отцу духовнику, сколько дивных событий, таин и чудес в загробной жизни». Едва только он [так] подумал, один из Ангелов подошел и положил перст свой на уста его, и вдруг у него отошла память о всем виденном, так что он после мог рассказать одну только поверхность дела, которую и начертал.

Когда отец Афанасий открыл глаза и уже мог проговорить, Ангелы стали невидимы.

Это событие ясно начерталось в уме и сердце его и братьев, и если бы помнить одно это до гроба, то не нужно бы более никакого поучения или наставления.

Немалога удивления достойно, что на воздушных мытарствах он не видел, кроме отца Варнавы, еще другого старца, скончавшегося 11-го числа января, — схимонаха Серапиона. Мнится, что отец Серапион, страстотерпски протрадавши двадцать лет болезнь ужасную, которая до того истощила его плоть, что

тела ничего уже не оставалось, а лишь кости обтянулись кожей, и он постоянно [при этом] благодарил Бога, миновал без всякого препятствия все воздушные мытарства и ликует на небесах, приявши воздаяние за терпение болезни и благодарение.

Благодатное откровение
(Рассказ монаха
отца Вивиана)

Я родом из Рязанской губернии Сапожковского уезда Борецкой волости и села, крестьянин Владимир Андреевич Обухов. Мне в настоящее время от роду тридцать шесть лет. Родители мои, Андрей и Акилина, скончались уже лет двадцать назад, жили очень благочестиво. В нашем роду мои тетки, родные сестры родителя, были монашенками. На родине в живых есть у меня два родных брата, женатые и имеют детей.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Дома я занимался крестьянскими работами совместно с братьями; гулять не любил, а имел прилежание читать книги духовные (кое-как выучился сам и читать), посещал храм Божий. В плотские грехи по милости Божией не впадал; имели намерение меня женить, но я уклонился, потому что еще в юности был расположен оставить мир и быть монахом на Афонской Горе. Затем поступил в служение на Кавказскую железную дорогу — в ремонт, получал хорошее жалованье — в год по триста рублей, — из которого посылал братьям в уплату податей, и в продолжение восьмилетней моей службы я им выслал шестьсот рублей. Не имея возможности ходить в церковь из-за неотложных обстоятельств по службе, я часто скорбел и, наконец, уволился со службы, дабы оставить и совсем мир и уйти в монахи. Когда я прибыл домой и родные, узнавши, что я бросил службу, набросились на меня с руганью, я их спрашиваю: «Что я вам сделал дурного, что вы меня

так браните? Смотри, Алешка, ты с братом Николаем ответишь на Страшном Суде Божиим. Это так не пройдет вам». А они на мои слова расхохотались.

Перед окончанием моей службы на Батаевской станции близ Ростова я встретил странничка, среднего роста, с седенькой бородкой, по виду похож на святителя Николая Чудотворца. Я его спросил:

— Куда идешь?

А он ответил:

— На Новый Афон.

Я его вторично спрашиваю:

— А был на Старом Афоне?

— Был, — говорит, — в 1887 году. Ну, брат, там чисто рай земной!

— А я все подумываю оставить мир и идти на Афон, да вот все не соберусь.

А он и говорит:

— Не откладывай, иди скорее, Матерь Божия тебе поможет.

— И как тебя, дедушка, зовут?

— Николаем, — отвечает старик.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Я как-то взором отвернулся, а потом смотрю: странник-то мой исчез! Кругом спрашиваю сторожей, не видели ли, но никто его не видел. С тех пор я и порешил положительно идти на Афон; собрался в две недели и, простившись с родными, немедленно поехал.

С Божией помощью я благополучно достиг до Святой Горы Афона, остановился в обители святого великомученика Пантелеимона в 1893 году, в октябре месяце. Обошел часть монастырей Святой Горы, [а] возвратившись в обитель, стал проситься у архимандрита Андрея⁶⁵ о принятии меня в число братии, но получил положительный отказ. Игумен говорит: «Брат Владимир, у нас нет келий и послушаний». Я несколько дней спустя вновь пошел проситься, и — слава Богу! — батюшка принял и послал на послушание на Крумицу.

На Крумице дали мне общее послушание, и жил на архондарике. Потом был три года в столярной, затем перевели в хлебную, в которой тружусь четвертый год. Был

вначале пострижен в рясофор, а через полтора года постригли в мантию; постригал мой духовник отец Мелитон и назвал меня Вивианом. Имею теперь и келию, правило исполняю монашеское; иногда придет охота помолиться, то становлюсь на колени, кладу поклоны, иной раз и руки подниму кверху и молюсь собственными молитвами, как умею, особенно прошу Бога, чтобы избавиться от вечной муки.

Бывают минуты, что, сидя и лежа, размышляю о смерти, о Суде, об аде, Царствии Небесном, о страдании Спасителя и сетую о грехах своих; иногда приходят и слезы от молитвы и размышления, но редко случаются. Во время церковных служб иной раз занимаюсь и размышлением духовным; случается, надумаешься и о мирском вдоволь и в это время, конечно, ничего не слышишь, что поют или читают, а иногда и совершенно задремлешь.

В келии читаю книги: Святое Евангелие, Псалтирь, Апостол и различные листочки⁶⁶;

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Апокалипсиса и мытарств Феодоры не случилось ни читать, ни слышать. Когда читаю или слушаю, многого не понимаю, но об этом не скорблю. За старческие молитвы живу хорошо: благодушно время провожу, в душе моей радостно, хотя и случаются скорбишки, но скоро проходят.

Дивный мой сон

В 1901 году, в конце сентября месяца, день не упомяну, после слушания в церкви повечерия я пришел в свою келию. Канончик монашеский протянул, стал ложиться спать на постель, оделся одеялом, особенных дум не было, и вскорости заснул, около третьего часа ночи.

Сознание мне представило весьма ясно, что я нахожусь на Крумице внутри корпусов, а братия были на послушании разном. Был день очень светлый, затем стало смеркаться, время сему длилось два часа, и увидел я, что звезды с неба стали падать сильно, как

бывает метель или дождь. Братия вдруг все бегут с послушаний к своим келиям в слезах и великом страхе с мыслями, что настал свету конец. Я стою и их утешаю: «Ведь вы были при деле», но они не обращали на меня никакого внимания. Затем кругом стало все изменяться: горы двигались, Крумица со строениями в прах претворилась, виноградник исчез, образовалось громадное поле; загремель сильный гром, засверкала молния, заблистал свет. Велий ужас напал на всех, все плакали, а я почему-то нет и не особенно боялся. Вдруг явился светоносный Ангел — среднего роста, на вид красивый, лицо подобно девическому, одет в длинную светлую одежду вроде диаконской. Подошел ко мне и говорит: «Володя, пойдем на небо». Я ничуть не смутился и охотно молча последовал за Ангелом по направлению на юг. Дорóгой Ангел и говорит: «Володя, я прежде покажу адские мучения». Я молчу, и мы поворачиваем на запад, а братия все остались на месте, неутешно рыдая.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Зрение ада

Стали спускаться куда-то вниз. Там окружила нас непроглядная тьма; вдали видны какие-то огни, вроде костров: иные очень ярко горят, другие чуть заметно. Ангел мне говорит: «Это разные адские мучения».

Немного севернее я увидел огненную реку, протекавшую в каком-то овраге — глубоком и широком; протянулась [она] очень далеко, и конца глазам не видеть. Брызги от kloкочущего огня летят кверху приблизительно на версту и опять в реку падают. Я ужасался и трепетал, думая, чтобы не попасть и самому [в сию реку], Ангел и говорит: «Володя, эти муки для жи-дов и других неверных». В реке никого не видеть мучающихся и не слышно ничего, кроме страшного шума от kloкота-ния огня в реке.

Затем Ангел говорит: «Володя, теперь пойдем и на небо».

Небесные тайны

Пошли от ада по направлению к югу, стали входить на высоту, но как входили: ногами или по воздуху, — не знаю, тогда не обратил на сие внимания. Шли на первое небо быстро. Дорóгой я заметил, что на северной стороне — толпа демонов, числом около двадцати, они по воздуху растягивали сети, которые походили на рыболовные. По виду демоны подобны людям, но черные. Так как я от них был на громадном расстоянии, то и не мог их рассмотреть хорошенько, какие они, кроме лишь того, что они по воздуху сами мотались.

Первое небо

Вышедши на небо, я узрел громадную равнину, так что и концов не видно. Свет там как у нас день, ни солнца, ни звезд не видно, но видно, что над нами еще есть небо. <...> Глазам представилось, что на равнине расположены озера с водой шириной около

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

шести сажений⁶⁷, длиной — конца не видно; между озерами промежутки в пятнадцать сажений. Озер очень много, и все расположены к востоку; в пустых местах растет трава подобно нашей, и земля не имеет различия от нашей, но вот удивительно: вода в озерах от краев поднята на два аршина⁶⁸ в высоту, стоит тихо и не проливается.

Я спросил своего спутника: «Святой Ангел, скажи мне, для чего эта вода?», и он ответил: «Володя, из этой воды происходит дождь на землю, а вон из той воды, — показал на одно озеро, — происходит град». По виду это озеро [было] бурным и белым, как соль белая. Затем Ангел говорит мне: «Пойдем на вторые небеса». И мы стали восходить.

ВТОРОЕ НЕБО

Когда взошли на второе небо, взору представилось то же, что было и на первом небе, но воды было меньше, больше зеленой травы, кругом озер растет низенький камыш. Мы шли по проторенной узкой дорожке всё

на южную сторону. Ангел говорит: «Володя, нам подобает идти еще выше».

ТРЕТЬЕ НЕБО

Очутившись на третьем небе, мы повернулись лицом к востоку, и я узрел: стоит или висит там громадный балдахин длиною сажений, может быть, около десяти или более, весь в крестах, по виду различных, и крыша [у него] белого цвета, наподобие купола, и вся в крестах, которые по виду и величине подобны престольным. Под балдахином стоит большой престол; что на нем лежит или сидит, я не мог рассмотреть, так как был на расстоянии более десяти сажений и потому еще, что вокруг престола стояло множество Ангелов: по виду — более ста, по наружности — дивной красоты, в различных разноцветных одеждах. Пели Ангелы «Тебе поем» до конца; слова «Молим Ти ся Боже наш» очень долго повторяли.

Я весь ушел в слух от сладости пения. В это время Ангел мой говорит: «Володя,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

если бы ты был здесь с телом, то от сего пения растаял бы как воск». Правда, что запение было! На органах наших и подобного ничего нет. Ангел мой говорит голосом человеческим, но приятным и очень нежным. Мы пошли к востоку по золотой дороге, мимо деревьев, которых было очень много; деревья небольшие, зеленые, а что на них растет — не знаю. Под иными деревьями стоят престолы золотые, подобно тому как у нас в алтаре. В саду множество золотых домов, и все окружающее представлялось вроде городка.

Но хорошо, не обратил внимания на дома: имеют ли окна, двери и сколько их, а равно никого не заметил живущих, кругом тишина. Имеются там и поляны с растущими деревьями, на которых листья белые. Что еще удивительного там, на третьем небе, [так это] небеса разноцветные, такие красивые, что не нахожу слов, чтобы передать. Ангел сказал: «Володя, пойдем на четвертое небо», — и мы стали подниматься к востоку.

ЧЕТВЕРТЫЕ НЕБЕСА

Когда вышли на оные, то я обратил взор на северную сторону. Очутился в некоем мрачном корпусе, шли длинным коридором, по сторонам видны были маленькие мрачные келии, по видимости их было очень много; вместо окон есть какие-то мрачные отверстия, в которые свет мало проходит, дверей совершенно нет, одни косяки. В каждой из келий находился человек мужского пола в грязных длинных черных одеждах. Лица их были унылые, мрачные, нехорошие; они ходили по своим келиям, смотрели на стены и потолок. Жалея их, я советовал им пройтись куда-нибудь, а они ответили: «Ангел наш воспретил удаляться отсюда, а то еще хуже будет». Ангел мой сказал мне: «Пойдем дальше».

ПЯТЫЕ НЕБЕСА

Взошедши на сие небо, я узрел в различных комнатах мучающихся — кого распостертого на навозной куче, другие —

оборванные, в мрачных комнатах, лица их черные, унылые; слышен и плач. Мы вошли в одно помещение: духота нестерпимая. Я узнал одну женщину — ростовского дорожного мастера жену по имени Мария, которая неутешно рыдала. Я подошел к ней и говорю: «Зачем сюда попала?» А она говорит: «Я померла от холеры. Ангел взял душу и полетел сюда». И затем, обратясь ко мне, говорит: «Володя, помолись за меня Богу, не переведут ли меня в другое место, а то некому за меня и помолиться».

Проходя мимо куч навозных, я спрашивал там сидящих, за что их тут поместили. Они же ни слова не выговаривали, руками же закрывали лица свои, стыдясь меня.

В первый раз видел я все сие три года тому назад и никому не говорил, а теперь, когда вновь увидал, то все видение было в прежнем виде, за исключением того, что Марию, за которую я постоянно молился Богу, уже перевели в другое, лучшее помещение, дали хорошенькую комнатку, под

окном растет садик, одета она довольно прилично, лицо приятное и радостное⁶⁹. Она мне сказала, что ее недавно еще перевели, и Ангел ей говорил при переводе: «За тебя Богу молятся, а то бы сидеть до Страшного Суда пришлось». Мария говорила мне: «Ведь поделом мне и наказание, я ведь никогда о Боге не думала, лишь веселилась на вечерах и гуляньях и умерла во время холеры». Ангел говорит мне: «Володя, пойдем до шестого неба». И я следом за ним стал возвышаться к небу, которое было очень близко, так что мы скоро [его] достигли.

ШЕСТОЕ НЕБО

Когда очутились мы на небесах, прямо мой взор уставился к югу, где я увидел как будто город, состоящий из небольших домиков, довольно приятных и светлых. Кругом город окружают на большое расстояние зеленеющие луга. В городе, а также по лугам видны солдатики в военной красивой форме, все одного среднего роста, лицами

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

красивые, иные стоят у домиков вооруженные, вроде часовых.

Обозревая восточную сторону, я узрел город, такой же, но покрасивее здания военных. Его населяли монахи, которые прогуливались по оному и лугам. Одежды на них чистые, но черные, обычные, монашеские.

В этих городах свет очень яркий, солнца не видать, небо обычное, как наше, голубое. Я дивовался на эту красоту, Ангел говорит мне: «Володя, подобает нам идти до седьмого неба», — и мы отправились.

СЕДЬМОЕ НЕБО

Очень скоро достигли мы неба по направлению к юго-восточной стороне. Я был поражен необыкновенным светом, который происходил от востока, несравненно светлее нашего солнца, и я спросил: «Ангел святой, что это на горах воссияло?», а Ангел ответил: «Володя, это Вышний Горний Иерусалим. Там в нем живет Сам Господь

наш Иисус Христос». По мере приближения к святому Иерусалиму я стал обонять чудное благоухание, которое несло, как облака из Иерусалима, по всей окрестности на громадное расстояние. Стал рассматривать Иерусалим, увидел какие-то церкви, величиной подобно святой [лавре] Киево-Печерской, кровли крыш были подобны куполам, на которых происходило блистание. На храмах были кресты обычные, как и у нас на церквях, но только сияющие. Эти святые храмы были расположены рядами, а сколько рядов и храмов — не знаю, лишь малую часть было мне видно издалека. Храмы все стояли рядами к востоку, и конца им не видать. Между храмами улицы шириною в сто сажень. В Иерусалиме двенадцать больших врат, и мне думается, что храмы расположены от врат. Не доходя до Иерусалима расстояния с одну версту, я увидел дивное и для ума немислимое — испытание дел человеческих [, которое] Господь производил.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

СТРАШНЫЙ СУД

Встали мы с Ангелом по правую сторону Иерусалима, так что Иерусалим я зрил стоящим на воздухе и под ним ничего нет основания, попросту сказать: стоит на воздухе. Мы же стояли на земле, которая подобна нашей земле, но ни травы, ни деревьев на ней видно не было. Пред взором раскинулась необъятная равнина, по которой двигалось неисчислимое множество народа — вся вселенная! Шли только от запада и юга, а с северной стороны ничего не было видно, и все приближались к нам. Я стоял пред Престолом Божиим не далее как в пятнадцати саженьях и зрил сидящего Господа нашего Иисуса Христа.

Престол по виду золотой, блестит, величиной более наших, которые стоят во алтарях, на Престоле стоит трон, как пишут на святых иконах, и на оном восседает Господь Бог наш.

В это время я радовался духом, страха не ощущал. По правую сторону Господа стоит

Царица Небесная, роста среднего, одета в золотые одежды. К сожалению, в Богоматерь хорошенько не всмотрелся, все внимание мое было приковано к Господу и Иерусалиму, и дивился [я] всему этому чудному.

По правую сторону Господа и позади Царицы Небесной на близком расстоянии стоял дивной красоты Архистратиг Божий Михаил, но в чем одет и имеет ли оружие — не знаю, по виду он очень красив. Позади Престола Господня стоит великое множество Небесной Силы — Ангелов всех родов; по виду [они] роста человеческого, все ровные, но одежды у всех различные, все они стояли благоговейно — в страхе.

По левую сторону Господа как будто стоял святой Иоанн Креститель, но хорошенько в памяти не осталось — не помню.

Впереди Престола, немного пониже, стоит, должно быть на воздухе, большой величины крест, испускающий дивное сияние; по правую сторону креста на чем-то висит красная одежда, лежит терновый венец

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и еще что-то лежит — не рассмотрел хорошенько. Я спросил своего спутника: «Ангел святой, для чего это крест стоит тут?» А он говорит: «Володя, это для обличения жидов; на сем кресте они распяли Господа». Удивляясь кресту и всему окружающему, я заметил, что шедший народ уже приблизился к нам; все стояли в большом трепете, кругом воцарилась тишина. Народ стоял на расстоянии пятнадцати саженьей от Господа.

Когда воцарилась тишина, то Царица Небесная отверзла Свои святые уста и рекла: «Ищите прежде Царствия Божия, и вся приложится вам!» Сколько было нежности в словах и слабости — выразить трудно. За сим и начался Страшный Суд.

Я смотрел с великим вниманием, следя за всеми действиями Суда. Ангелы стали по одному подводить ко Престолу Божию. Прежде Ангел ставил человека на какой-то круг, устроенный в земле, величиной не более сажени, цветом как железо; круг в это время поворачивал человека лицом прямо

ко Господу. Затем, сойдя с круга, [человек] проходит маленькую порточку⁷⁰, от которой идет некий частокол по сторонам. В порточке вместо двери утвержден на столбике крест, который вертится, когда порточку проходят, и затем (человек) встает у самого Престола. Ангел повелевает кланяться Господу и сам отходит назад на расстояние пяти сажений. Человек остается один пред лицом Судии — Господа Иисуса Христа. Господь с ним разговаривает, мы, предстоящие, ничего не слышим; затем скорое следует решение, и человека отводят в уготованное ему место — отводит тот Ангел, который и привел его. У каждого человека — свой Ангел. Суд очень скоро идет. Взглянул я на народ в это время — и что же? У иных лица мрачные, темные, волосы стоят дыбом, одежды на них мирские, разноцветные. Посреди народа ходят множество Ангелов и некоторых выводят из среды и ставят по правую сторону Суда. На Суд подвели много монашествующих, кои были в обычных одеждах,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

в рясах и наметках, лица их были светло-радостные. По правую сторону суда я заметил нашей обители монахов: С., П. и Т. Лица их были веселые, но как их судили — не видел; после меня судили, должно быть.

Смотрю, идет человек какой-то один, без Ангела. Подошел к Престолу, поклонился Господу и что-то стал с Господом разговаривать, я его слов не слышал, но слова Господа ясно слышал и запомнил. Ангел мой, указывая на этого человека, мне сказал: «Это идет еретик Македоний». Слышу, Господь говорит Македонию: «Иди в муку вечную!» Македоний что-то ответил. Господь ему опять говорит: «Если Я тебя прощу, то Святой Дух не простит!» Затем рек: «Подожди, сейчас сойдет Святой Дух».

Я невольно обратил свой взор к Иерусалиму и вижу, что оттуда стало спускаться беловатое облачко небольшое, остановилось над Престолом, из облачка вылетел белоснежный голубь и сел на митру Господа Иисуса Христа и заговорил обычным

человеческим голосом, слышным и нам: «Ты меня хулил и не признавал, отойди от меня, и ненавижу я тебя», — и моментально его не стало, а Святой Дух и облако невидимы стали⁷¹.

Предстало: несут множество детей христианских родителей, но некрещеных. Господь их посылал в муку вечную, но они умоляли его, говоря: «Мы не виноваты, что нас родители не крестили». Господь смилостивился и велел их отвести на запад и дать места с малым утешением.

Слышал, как Господь говорил с Престола праведникам: «Идите, благословенные Отца Моего, в уготованное место от сложения мира». Народ стоящий плакал, а Господь говорит: «В аду и сатана кается, но без пользы, время прошло».

Дошла очередь и до меня, святой Ангел мой сказал: «Володя, пойдем до Господа». Я пошел не робея, как будто бы еще с радостью, встал на круг, который живо повернулся, и я прошел через порточку

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и очутился на пол-аршина от Престола, который вышиной был мне по грудь. Святой Ангел сказал мне: «Поклонись Господу Иисусу Христу». Я тотчас исполнил и, вставая от поклонения, заметил, что Ангел уже ушел назад. Смотрю я на Господа: сидит Он на величественном троне, в одежде зеленой и красной (по всей вероятности, две одежды разного цвета), на главе митра архиерейская, вся в камнях, волосы, белые, волнистые, лежат по плечам, лицо светлое, приятное, взор кроткий и тихий. От Господа как будто бы не было особенного яркого света, должно быть ради грешных, кои не могут взирать на всю Славу Божию. Но Господь Сам уж [очень] хорош, и выразить немислимо, так бы все и смотрел на Него. Лице Спасителя в бородаке, подобно как пишут на святых иконах, но несравненно красивее. Подошел сзади ко Господу Архистратиг Михаил и что-то разговаривал с Господом. Я слышал их разговор, но ничего не понял: на ином каком-то наречии

говорили и не по-русски. Архистратиг отошел на свое место, а Господь, оставив Свой взор на меня, грешного, и любезно, тихо сказал:

— Это ты, Володя, пришел?

А я говорю в ответ:

— Да, это я, Господи!

Едва выговорил чуть слышно эти слова, какая-то робость овладела мною, но в душе было сладостно. Потом Господь сказал мне:

— Володя, тебе подобает идти во ад.

А я отвечаю:

— Господи, я не знал ничего.

А Он в ответ говорит:

— Подобает тебе, Володя, во ад идти.

А я вновь отвечаю:

— Я не знал ничего.

В это время я не понимал, что я Господу говорю и для чего <...> был вне себя. Господь мне говорит:

— Я знаю, что ты ничего не знаешь, Я ведь знаю тебя, когда ты и не родился.

Я немного поосмелился и говорю:

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

— Господи, вижу кротость Твою и никуда не пойду от Тебя!

Господь на мои слова немного склонил голову, улыбнулся и сказал так, что выразить трудно:

— Дайте ему первое место.

В одно мгновение приблизился ко мне святой Ангел мой и сказал:

— Поклонись Господу.

Я поклонился и встал, с радостью взирая на Господа. Господь говорит мне:

— Володя, Я тебя не пошлю во ад, Я тебя только постращал, Я почти всем так говорю. Иди, тебе уготованы два места.

Мы с Ангелом от Престола пошли на правую сторону по широким ступенькам по направлению к Горнему Иерусалиму, Суд же пошел своим порядком.

Скоро достигли до площадки, которая простирается до стен Иерусалима; в ширину она верст десять, по виду золотая, разукрашена разными узорами, цветами и клеточками, очень хитро и мудро устроена.

Остановившись на площадке, Ангел подал мне пояс и велел им опоясаться; пояс по виду золотой, шириной в два вершка⁷², и когда я стал опоясываться, то ощутил на себе шелковую длинную одежду. Взирая на нее, я был поражен лепотою ее: она была темно-красного цвета и вся разукрашена цветами. В правой руке явился, не знаю откуда, золотой крест, эмалированно разукрашен, величиною подобен крестам, лежащим на престолах. Как-то невольно взялся за голову и на оной ощутил надетую архиерейскую митру. От радости чуть не растерялся, размышляя о всем совершившемся надо мною. Я и не заметил, как подошел к нам двадцать один человек, одеты [они были] подобно мне и имели в руках одинаковые кресты. Нас расставили подобно солдатам — попарно. Сбоку, с востока, возле нас явился святитель Христов Николай Чудотворец: лице его — обычно как пишут на святых иконах, но одежда несравненно краше, вся золотая; митра белого цвета

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и вся в камнях. Вслед за нами идут [другие] большою партией, в руках имеются также кресты, но по виду не так раскрашены, как у нас. Это меня заинтересовало, и осмелился я спросить святого Николая, почему у тех иные кресты, не такие, как наши. Он тихо отвечал: «Это другой чин, они назначены в иное место». Святитель нам говорил, что теперь хорошо спастись, а в бытность мою очень трудно было. Святитель остался на площадке, а мы, двадцать два человека, вместе со своими Ангелами пошли к святым вратам Иерусалима.

Врата величиною и шириною подобны обоим иконостасам — Покровскому и Александро-Невскому⁷³, пожалуй, и побольше. Сверху врат, подобно радуге, разноцветное сияние проходит; врата унижены маленькими разноцветными камнями так красиво, что и выразить немислимо; они затворены, и никто в них не проходит. У врат стоят два Ангела в красных одеждах, видом как огненные, власы подобны златым,

распущенные и длинные; над воротами есть тоже стоящий Ангел; в их руках вроде огненных мечей. Всего врат в Иерусалиме двенадцать — по три с боку, и все они по виду схожи, толщина их — полторы четверти [сажени]. Мы шли мимо всех врат по ограде (стене), которая вся золотая, вышиною полторы сажени; в стене есть и маленькие порточки. Я заметил на двух углах Иерусалима, внутри, вроде высоких башен, видом величественных; от них происходит сияние солнечное, они, подобно храмам, большие. Возле башен сих стоит множество Ангелов в различных благолепных одеждах; тут есть Ангелы вроде отроков с крылышками. Мне подумалось: и сколько же их тут? И сам себе ответил: тьма-тьмущая. Кругом расположены сады на громадное расстояние, деревья высотой так велики, как будто бы ростом от земли до неба, видом они схожи с кипарисом и зеленые цветом; свет там необыкновенный. Идя к третьим маленьким воротам с южной стороны, мы заметили, как

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

души усопших шли через порточку внутрь Иерусалима для поклонения Господу. Души по виду как человек, в различных одеждах, идут с великим страхом, их сопровождают святые Ангелы; назад сими дверями не возвращаются.

Внутренний вид Иерусалима

Не знаю, каким родом мы очутились в Иерусалиме, должно быть, прошли через порточку, в которую ранее проходили души, [и вот] идем мы по широкой улице шириною в тридцать сажений, которая вся золотая. По сторонам стоят большие дома: золотые, серебряные и хрустальные крыши куполами, все различной красивой архитектуры; стоят они кварталами, как в наших городах, подобный план построек.

Мы шли по улице по юго-восточному направлению, товарищей моих развели по разным домам, я остался один со своим Ангелом; подошли к одному серебряному высокому дому, перед которым есть палисад-

ничек. Ангел и говорит мне: «Володя, это для тебя дом!» И мы вошли через ворота внутрь дома, все там осмотрели, но вспомнить не могу, сколько там комнат, и какие, и что там есть. Вышли оттуда прямо в сад, примыкающий к дому с задней стороны. Сад имел деревья различной величины, но не большого роста — с полторы сажени в высоту; на некоторых висят обыкновенные яблоки, издающие ароматы, по виду светлые, на иных деревьях какие-то другие плоды.

Между деревьями стоят дома различной величины и различного цвета: светлые, белые, серебряные, и от них какое-то происходит сияние. Всех домов более ста, и в окрестности всё представляет небольшой городок. Я удивлялся всему виденному и говорю Ангелу: «Ведь это мне много?» А Ангел ответил: «Володя, тут будут участниками весь род человеческий, который свои части потеряли по грехам, но праведникам многим достанутся города». По саду не очень долго ходили, в домики не заходили, я любовался

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

всем виденным, теперь сожалею, что яблочков не покушал.

Ангел вывел меня из моего сада на какую-то улицу, от мостовой происходило сияние от золота; затем поворотили путь на восток, прошли скоро до рощи, имеющей чудные деревья, которые росли рядами по направлению к востоку. Деревья по виду толщиною две четверти в обхват, высота шестисаженная, листья белые как снег, по виду и величине подобно тополевым. И вот что меня крайне удивило: в роще тишина мертвая, ни малейшего ветерка, а листочки с веточками колеблются, и от шелеста листьев происходит звук, подобный музыке, — но как сравнить с нашей музыкой? Игра там далеко превосходит наше понятие. Слух мой ушел весь в эти дивные сладостные переливы, что-то сердце мое чувствовало радостное в игре, но ум не понимал смысла играемого.

Ангел повел из рощи в улицу и, показывая роскошные дома, говорит: «Тут живут

мученики». Дома их с палисадниками, и под окнами садики. Подойти к ним близко нельзя, потому что обнесены золотым частоколом и порточка заперта изнутри. Домов очень много, и, по словам Ангела, в каждом живут по несколько человек.

Рядом с домами мучеников живут подвижники. Дома их почти одинаковы по виду. Смотрю: у одного дома стоит какой-то человек с Ангелом; стал стучаться в дверь, которая на стук отворилась, кто-то вышел и спрашивает:

— Что вам надобно?

— Позвольте нам войти внутрь и посмотреть тут живущих и послушать их пение.

Мы с Ангелом остановились, ожидая, чем окончится у них разговор. В это время было слышно сладостное пение из дома, перед которым стояли. Отворивший двери сказал:

— Здесь живут подвижники, которые весь век свой подвизались.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Дверь затворилась, Ангел того человека и говорит: «Пойдем-ка подвизаться, а то мы с тобою еще не потрудились».

Мы пошли дальше, зашли в Гефсиманский сад, где встретили множество Ангелов неизреченной красоты; там летают какие-то головки с крылышками и пели что-то вроде стихир, в промежутках прибавляли «Аллилуйя», и долго пели, от [их] пения так и тает сердце, трудно выразить все чувства, какие наполняли мою душу. Затем пошли дальше по улице. Вышедши из сада, дошли до квартала, где живут праведники, они занимают множество домов. Громадные строения были раскрашены различными красками, из окон смотрели мужчины и женщины в белых порфирах, у женщин на главах — белые покрывала, — что за красота лица их! Белые, радостные, так и хочется все смотреть на них. Слышу, они говорят: «Это идет Володя!» — а мне подумалось: пение церковное. Меня ждут праведники:

оно так и выходит, что из окон они смотрят и ждут спасающихся.

Идя далее к востоку, я видел какую-то реку, протекавшую по Иерусалиму, на дне коей были видны камушки с крестиками. Дошли мы, наконец, до площадки, на которой встретили святителя Христова Николая: видим, как ранее его видели. Я вдруг его и спрашиваю:

— И ведь у вас здесь очень хорошо?

— Да, Володя, очень хорошо. Я здесь живу давно, и здесь время тысяча лет как один день.

На площади стоит громадное золотое здание, по виду и конца не имеющее. Мы вошли внутрь, и перед нами открылась накрытая трапеза. Я обратился к святому Николаю с вопросом:

— Для кого же эта трапеза?

А он и говорит:

— Вот когда кончится Суд, то здесь будет обед для праведников.

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

Множество стояло золотых столов рядами так, что между ними есть и проходы; на столах лежит шестигранный хлеб ломтиками толщиной с магазинный сухарь; перед каждым местом, где должен сидеть человек, положены ягоды цветом как клубника, но гроздьями как виноград; по столам расставлены сосуды, подобные нашим графинам, с налитой жидкостью беловатого цвета. В трапезе хлопочут люди, как будто бы набирают на столы, но хорошенько в них не всмотрелся. От потолка трапезы происходит свет — разными цветами, на стенах отражается свет так красиво, что, смотря на оный, становишься как исступленный.

Святой Николай остался в трапезе, а мы вышли и направились к востоку по улице, минуя множество домов. Я спрашиваю своего спутника: «Вот сколько пустых домов прошли, для кого же они стоят?» Ангел ответил: «Господь ждет людей, но люди не каются, затем и дома стоят порожние, некого помещать. Давно бы был и Страшный Суд,

но потому и откладывается, что много есть свободных мест».

Вдруг видим: с невероятной скоростью с восточной стороны идет к нам по воздуху [машина] подобно нашей машине-паровозу, с прицепленными маленькими двенадцатью вагончиками, в спицах колес пышет огонь; от поезда так и блистает свет от золота, в окнах вагонов видны пассажиры с веселыми лицами. Поезд над нами промчался и скрылся из глаз в городе. Издалека мы увидели на углу одного дома кудрявое дерево, под которым стоит небольшой столик, накрытый зеленою скатертью; возле стола сидят двое и что-то рассуждают, один облокотился рукою на стол. Ангел говорит мне: «Видишь, сидят двое?» — «Вижу», — сказал я. «Это сидят святые Илия и Енох». Стали подходить к ним, и я слышу, они говорят: «Вот Володя идет». Я им низко поклонился, они встали со своих стульев и мне поклонились. Видом они мужественны, роста высокого,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

бороды длинные, по пояс. Мы, оставив их, пошли далее по улице; я очень был рад их увидеть, ведь люди-то они великие.

По улицам Иерусалима на углах стоят вооруженные юноши в длинных одеждах, по виду как воины, красивые, при поясах висят вроде мечей, — мы проходили близ них на расстоянии одной сажени. Встретились на улице с толпою людей, рассуждавших между собою, что нельзя за два или три года повесить, надобно потрудиться у вас и на земле, за малое время в чины не производят. Миновав их, мы наконец достигли дома длиною в пять сажень, высота симметрична строению; по виду он синеватый, но прозрачный, вроде стекла. Вошли внутрь, в комнатах я заметил висящие три люстры, а для чего они висят — не знаю, так как в Иерусалиме ночей не бывает, а постоянно день.

Вышли мы на балкончик, который обнесен решеткою точеною, синего цвета; балкончик длиной в две сажени и шириной

в два аршина. С балкона увидел я три озерка — в окружности лишь три сажени; примыкают они к самому дому. В одном озерке плавают четыре птицы вроде уток величиной, — но уж что за птицы красотой! Очень хорошо разукрашены перья! Я долго за ними следил, как они плавают. Перед балконом протекает большая река, вода в ней настолько прозрачна, что видно все дно, на котором лежат маленькие камушки, все разноцветные по виду, и от них вид реки представляет чудную картину. От дома до реки лишь четыре, не более, ступеньки. Берега реки золотые, с клетчатыми узорами, над водой возвышаются на три четверти аршина. Река шириною в пятнадцать сажений по виду. На той стороне реки раскинуты сады на громадных пространствах, деревья — небольшие, разнородные, есть кудрявые, золотистые, зеленые и белые. Все сие поражает взор.

Река пробегает по всему граду Иерусалиму, начала и конца ее не видать; струями

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

своими она омывала ступеньки сего дома, где мы стояли. Я спросил: «Ангеле святой, почему это в озерах вода тихая, а в реке она струится?» Ангел ответил: «Володя, это река Иордан, она постоянно струится, дом же этот, в котором находимся, для тебя уготован». С балкона я любовался соседними домами, они все различной архитектуры и цвета. Взирая на весь Горний Иерусалим, поражался я его видом и восхищался светом, происходившим от неба, которое было очень низко и как будто бы колебалось над городом, вроде того как веером на себя воздух веют для прохлады. Цвет небес — ни дать ни взять как наша радуга. Взирая на всю дивную красоту, я ощущал дивную нежную прохладу, подобно сравнить с нашей, которая бывает утром при восходе солнца, но несравненно превосходит приятностью. Воздух тихий, ароматический, благоухание происходит от садов, коими наполнен весь град, так и хочется подышать всею грудью. Боже мой, какие чувства и сладости сердца я ощущал

тогда! Еще что замечательно в Иерусалиме — то, что там двойные улицы: обычные и наверху между домами, как будто соединены полтарейки⁷⁴ между собою.

Умом своим размышляя и стоя на балконе, я непостижимым образом уразумел, что на Страшном Суде в это время подвели нашего монаха отца Т. До слуха моего дошло кое-что, но не так ясно, и уже нечто забыл, как будто бы отец Т. был чем-то неисправен, чего-то не хватало. Хорошо отпечаталось в памяти, что Господь сказал: «Иди к Володе», а отец Т. отвечает: «Где же я его найду?» А Господь вновь говорит: «Иди, найдешь».

Я задумался после сего и вдруг смотрю: перед балконом стоит отец Т., в обычной чистой монашеской одежде и в наметке, но без мантии, лице его приятное и веселое. Увидав меня, он всплеснул руками от радости, а я ему и говорю: «Не бойся! Иди сюда, мы будем жить вместе. Это дом мой». Отец Т. вошел к нам на балкон, я ему опять говорю, что мы будем жить вместе. Да это что! Ведь

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

у меня есть и еще дома, — да какие! Чисто город, и там будем занимать с тобою вместе. Я ему стал рукою показывать вдалеке стоящие мои дома, он же как там не бывал, то не знает которые, а я ему все показываю: да вон-вон они!.. И проснулся.

Радостно встал с постели, стал размышлять, что это значит. Что я видел, где это я был? Будто в Горнем Иерусалиме. Пробудился за полчаса до утрени, которая была около 7 часов утра, все видение происходило около четырех часов.

Когда я первый раз видел сей сон, то отца Т. тогда не видел, и другое, хотя все и видел, но перезабыл. Не помню, где мне говорили там и кто — Господь или Ангел, что вот, Володя, ты проживешь в обители лет пятнадцать или двадцать и опять будешь здесь. Я не знаю, что́ тогда: совершенно помру или опять будет мне откровение.

Все вышеизложенное написано 1 марта 1902 года со слов отца Вивиана и им

собственноручно подписано⁷⁵. [Далее в рукописи стоит подпись.]

«Вот это твоё и место»

Схимонах Варсонуфий, в мире отставной полковник Василий Алексеевич Юганов, из казаков, сын дьякона, рассказывал свое видение.

Летом 1893 года пришел я из церкви с повечерия в свою убогую келию, помолился Богу и сел на койку с целью, чтобы сейчас возлечь на свой убогий одр и заснуть до утреннего звона на обычный канон. Как только сел на койку, мне вошло в голову [такое размышление]. Вот, мол, я столько времени живу в обители, уже семь лет, каждый день бываю в церкви Божией, каждую неделю исповедуюсь и по милости Божией приобщаюсь Святых Христовых Таин, значит, уж я себе что-либо у Всевышнего Творца

да заработал; а жена-то моя Л. живет плохо, в церковь не ходит, Богу не молится, да и живет скверно, срамно и даже пасквильно. Ну что же за то ее ожидает? Конечно, вечная мука, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, ад — и больше ничего. О горе [ей]! Горе-то ее ожидает, несчастную, на том свете за ее скверную, безобразную жизнь. С этими мыслями я лег и как бы забылся и заснул. Что же я вижу? Вдруг воссияло в келии, и стал день. Отворяются двери, и входит какой-то молодой человек среднего роста, блондин, на голове волнистые волосы, весьма благообразный, в голубой рубашке и такого же цвета кушаке, в белых панталонах, берет меня за правую руку и говорит: «Да ты много кой-чего [не] знаешь, пойдем, я покажу тебе твое место». И как бы приподнял меня за руку, я встал. Когда встал, то он отпустил мою руку, и я пошел за ним.

Вышли мы из келии. Он шел впереди, а я за ним шага на три или четыре позади него. Как только вышли из келии, то нам

открылось зеленое поле, по нему-то мы и пошли бездорожно, прямо по хорошей мелкой зеленой траве, усеянной различными цветами с хорошим запахом. И шли как бы в гору, подымались все выше и выше к небу, и долго так шли, и, наконец, вышли на вершину сей горищи. Когда вошли, то воссияло солнце на востоке, а по первому [взгляду] солнца не было видно, но все-таки было очень светло. Солнце от земли было не выше чем на три аршина; я прямо смотрел в него, и глазам моим не было вредно.

Когда вошли на вершину сей горищи, то открылась прекрасная ровная местность, и трава росла подлиннее, как бывает обыкновенно во время сенокоса, также росли по ней цветы, и кустарники, и деревья, по которым мелкие птички перепархивали; кругом царила велия тишина, только лишь одно прекрасное пение порхающих птичек нарушало сию местность. К великому своему удивлению, вижу: среди сей-то громадной, а может быть и бесконечной, степи сидит моя

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

жена — на стуле, одна-одинешенька, и никого больше нет. Сидя, она наслаждается благоприятным воздухом и пением райских птичек, благодушно смотрит на восток, скрестивши руки на груди; одета она в хорошую, знакомую мне блузу, и вся одежда ее была приличная. Я ее увидал еще вдалеке, потому что место было ровное, нам нужно было проходить мимо нее. Невольно я посмотрел на себя — и что же вижу? Одет я в давно брошенный мой еще военный мундир, порванный под мышками, и в таковые же изорванные брюки, да и [иду я в] нечищенных и дырявых сапогах. Стыдно стало мне проходить мимо своей жены таким оборванцем, она меня никогда таким и не видывала. Что же, подумал я, делать? Хоть бы нам миновать ее как-нибудь и свернуть куда бынибудь, чтобы пройти мимо нее, не быв ею замеченным, а то вовсе срам. Только я сие помыслил, как мой провожатый отгадал помысл, сейчас взглянув на меня, как бы улыбнулся и принял полуоборот вправо, и мы прошли

близ нее сзади, так что она нас не видела. Она же пристально взирала на восток, как будто кого-то ждала оттуда. Со спутником мы шли долго по сей прекрасной степи, наконец вышли на сухую, песчаную, каменистую и невзрачную местность и подошли к большому, длинному чугунному погребу с чугунными громадными дверями, на которых висел большой плоский замок, был также и внутренний замок. Спутник мой отомкнул наружный плоский замок, а затем и внутренний, двери же как бы сами отворились, ибо они, как видно, от старости похилены⁷⁶ были вовнутрь, почему сами и отворились. Мы вошли вместе в небольшие сени, там оказалось другие таковые же двери, с таковыми же замками. Отпер он и эти двери, которые тоже похилились от старости вовнутрь, но отворились сюда, к нам. Тогда мой провожатый взял левой рукою за верхний угол железной двери и с трудом от тяжести отворил их, а правой рукою указал мне молча, чтобы я туда шел. Я переступил через порог,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

который был очень высоким. Вместе с тем я думал, что он последует за мной внутрь, вступит также через сей порог в сии двери, а вышло, что я и ошибся в своей думе. Лишь как только я переступил порог, он смотрит в полуотворенную дверь, придерживая ее левой рукой, да и говорит мне: «Вот это твое и место». И вместе с сими словами захлопнул двери, и слышу: «щелк, щелк, щелк» — и замкнул. И я, несчастный, остался в сем таинственном погребѣ, в котором чугунная дверь и чугунные стены. Меня обдала невыносимая вонь, смрад, страшный гул, неистовый крик, шум, кругом дым, от которого мне дышать не было возможности; я повернулся в левый угол, закрыл себе лицо и залился горькими слезами со словами: «Вот это твое и место».

Видя свое безвыходное положение в сей тьме крошечной, наполненной невыносимым смрадом, долго я проливал слезы. Насытившись ими, я очнулся немного, стал рассматривать сей погреб, думал, а может быть,

можно где-нибудь найти отверстие к выходу из него. Затем захотел и узнать, что это за шум, откуда сей огонь, дым и гул происходят; рассмотрел, что вниз идет лестница и в конце оной, полее, отверстие большое, из которого по временам выскакивал большой огненный клуб. Я осмелился спуститься осторожно по лестнице к отверстию, и, когда взглянул в оное, мне представилась громадная бесконечная горящая печь, а в ней горят множество людей — кто сидя, кто лежа, кто стоя, и они-то, несчастные, и кричат на разные голоса от невыносимых страданий. От них-то из сей печи исходит такой крик, сливаясь в какой-то дикий неистовый гул. В себе думал: «Я же, значит, выходит, как бы на загнетке только сей страшной печи».

Поднимаюсь я опять по лестнице и вижу при входе, у двери, на правой стороне, окошечко круглое величиною в старинный медный пятак, от него-то только и просвет ко мне. Я взглянул в него — и что же вижу? Опять, хотя уже и очень далеко, свою жену,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

сидящую на том же месте, где я ее, проходя, видел. Помыслы представили мне ее наслаждение, а я-то, несчастный, где нахожусь? — во аде! — [а] она сего не знает, и я опять залился горячими слезами, жалея о том, что я ей и не показался и не сказал, когда проходил мимо нее. Если бы я сказал, то уж она, наверное, подошла бы к сему окошечку и хотя бы утешила меня чем-нибудь, а может быть, и отомкнула как-либо в сем погребу дверь и освободила меня из сего критического положения.

И такие вот мои мечты и мой загробный заработок — «Вот это твое и место». Боже сохрани думать и даже мечтать о своем загробном заработке, а лучше считать себя хуже всякой твари, хуже всякой критики. Одному Всевышнему Творцу ведомо наше загробное положение.

Так я очнулся и не знаю, вышел ли я из сего погреба или нет!

[Тут вспомнил я событие, происшедшее со мной ранее, более тридцати лет назад.]

В 1859 году находился я на военной службе в Польше, в Варшаве, и там заболел грудью. До того у меня развилась сия болезнь, что я чувствовал, как бы у меня в груди большой рак (рана), так что харкал я какой-то сукровицею с примесью гнили; ни пить, ни кушать ни горячего, ни холодного нельзя мне было ничего от сильной боли в груди. С такой болезнью выехал из Варшавы до Бердичева на почтовых домой, на Дон. Ехать следовало через город Киев. И вот по приезде в Киев я прямо отправился в Киево-Печерскую лавру, где и остановился с тою целью, чтобы поговеть и, покаявшись в своих грехах, причаститься Святых Христовых Таин, если Господь благословит меня, грешного, еле-еле дышащего.

Начал я говеть, ходить в церковь к утрене, обедне, вечерне; и думаю: «Чтобы приготовить себя к принятию Святых Христовых Таин, надо поговеть хотя бы неделю». Так я и сделал. Стал усердно я молиться Богу. В это время у меня особенное желание

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

явилось к молитве, явились слезы и раскаяние во грехах, а умирать крайне нежелательно было. Чахотка же, знаю, болезнь неизлечимая, в груди рана у меня, а ведь ее, как доктора сказали, не залатаешь. Но все-таки, подумал я, избавиться милостию Божиею можно будет, в чем я никогда и нисколько не сомневался и не отчаивался, а всю свою надежду возложил на милость Божию и Царицу Небесную и начал усердно и слезно молиться Ей, просить Ее помощи и заступления, чтобы Она, Пресвятая Богородица, помогла в моей болезни и исходатайствовала у Сына Своего, Бога нашего Иисуса Христа, чтобы еще мне пожить сколько можно подольше на сем свете. Человек, думаю, я молодой, и не жил на сем Божиим свете, и, кроме грехов, ничего не имею. Так я молился Божией Матери и просил милости Ее и заступления о мне, грешном, чтобы Господь благословил мне пожить на сем свете.

Итак, в субботу я приобщился Святых Христовых Таин. Пришед из церкви в свой

номер, наскоро расстегнул у себя чекмень, ибо чувствовал сильную боль в груди, и лег на койку лицом вверх. Сейчас же и забылся и заснул — и что же во сне я вижу? Поистине можно сказать: чудны дела Твоя, Господи! На воздухе, против моей груди, является образ Божией Матери в серебряном кивоте и в серебряной ризе. Лучи от лика образа прямо ударили в мою грудь и больное место, на мою рану, и от лучей на груди и на самой ране образовался из серебряной нити крест величиною вершка в три и зашил мою рану. Видение было долгим. Очнувшись, я встал, и у меня сейчас же начался особенный какой-то кашель, с сукровицею и гниlostию, и почувствовал сразу легкость в груди, сердечную радость и почти не ощущал никакой боли. На другой день с великою для меня радостью выехал я почтовыми из Киева, чувствуя себя с каждым днем все лучше и лучше, и когда доехал до дому, то был совершенно здоровым.

Я вполне поверовал милости и заступлению Божией Матери о избавлении меня

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

от моей болезни, признанной докторами чахоткой неизлечимой, и до того стал здоров, что даже забыл совершенно о болезни, а грудь моя сделалась как каменная и как будто никогда и не болела, и я стал совершенно здоров, как и по сей день.

И что же? По выздоровлении приехал я домой, и пришел мне в голову помысл, что вот, я был в Киеве, молился Богу, говел, исповедовался и приобщился Святых Христовых Таин, видел совершившееся надо мною чудо Божией Матери и помощь Ее в моей болезни, да даже совершенное выздоровление по Ее уже милости, — так вот что выходит по моему заключению: что молитва моя, значит, Богом услышана, а если услышана моя молитва и получил я такое исцеление, то, значит, я освобожден и прощен от грехов моих и меня ожидает прекрасная загробная участь — Царство Небесное, и больше ничего. Теперь хоть бы мне и умереть поскорее, пока еще я не совершил после последнего моего покаяния никаких грехов. С таковыми

помыслами я прилег, забылся и заснул — и что же видел?

Во сне то же [, что и ныне]: тот же погреб с чугунными дверями, стенами и ту же горящую печь, с тем же стоном, гулом и горящими людьми и со словами ко мне: «Вот это твое и место». Погреб, в котором я точно так же тогда, как и теперь, был захлопнут и защелкнут, с той только разницею, что тогда видел я больше, нежели теперь: тогда мне показывали грешников, да уже не знаю как, потому что в то время не записал, а сейчас и не припомню. Припоминается последнее: что был в самых жарких и самых холодных местах, и местность как-то была все уступами сделана, и люди грязно одеты или полуодеты, в какие-то хламиды или накрыты какими-то грязными и дырявыми попонами, и [они] шли, на уступах садились и завертывались от сильного холода в свои одежды, а некоторые были вообще без одежды — нагие. Я спросил, что это за люди. Мне сказали: «Это бывшие богачи,

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

и что они пожертвовали нищим, в том каждый из них и одет: кто попону с лошади уже никуда не годную пожертвовал своему кучеру — в нее он и одевается, а кто и сего не дал, то и совсем голый стоит и трясется от холода». Однако же должен сказать, что там так холодно и морозно, что и в хорошей теплой шубе едва там долго выстоять можно.

Теперь о том, что я шел в своем еще военном мундире. Что это за изорванный мой военный мундир и как он на мне очутился, как я в мундир сей оделся, я не знаю, а только знаю, что когда-то прежде, еще в молодости, пожертвовал я его своему товарищу. Случилось же сие пожертвование таким образом (порядком). Получаю я однажды записку такого содержания: «Любезный товарищ В[асилий] А[лексеевич]. Вот полтора месяца, как я пролежал в госпитале, в настоящее время совершенно здоров. Будь так любезен и добр, пришли мне свой чекмень, брюки, шапку, сапоги, белье да из денег что-либо, а то мне одеться совершенно

не во что, я совсем голый, а выходить из госпиталя надо, потому [что] здоровому офицеру, сам знаешь, нечего в госпитале делать». Ну уж, думал я, выручу же товарища. Достал я с полатей давно заброшенный мною чекмень, брюки, шапку, сапоги, белье, завернул да и послал ему: нá, мол, товарищ, тебе то, что мне негоже. Должен я сказать, что товарищ мой был человеком молодым и воспитанным, кончил курс в кадетском корпусе, но имел слабость к выпивке, и если запьет, то уже все, что есть в кармане да в квартире, пропьет. Пьянство его и довело до сего несчастного положения: подняли его, лежащего на базаре в одной рубахе, в которой уже и клочков-то не соберешь, да и привели в госпиталь, в котором он и пролежал полтора месяца. Так вот в этом во всем пожертвованном я себя и видел идущим.

И что же имею еще сказать? Дня через три или четыре я встретил его совершенно здоровым и одетым во всем новом. Говорю ему:

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

— Что же ты, товарищ, писал мне, что тебе одеться не во что, что ты совершенно голый, а теперь так скоро оделся во всем новом?

— Ты, верно, подшутил надо мною, — он отвечает. — Да что ты, ведь это все твое же на мне.

— Как же, — я говорю, — так?

— А вот как. Я попросил сестер милосердия, чтобы они взяли на себя труд и привели все сие, присланное тобою, в порядок. Они взяли, позашили, вымыли мылом как следует, выгладили утюгом да и отдали мне, ведь женщины, знаешь, умеют обделывать сии дела. Если не веришь, так вот твои даже приметы. — Расстегнулся, и действительно я убедился, что это мой тот самый мундир, который я ему отослал.

Так вот я себя видел идущим не так, как его привели в порядок, а каким я отдал, дырявым и изорванным.

Еще о чугунном погребке, в который я допрежде был всажен. Помню, что тогда я из него вышел и пришел опять в свою спальню,

сел на стул, весьма будто бы усталый. Когда сел, то увидел себя лежащим на койке и стал сему удивляться: как же это так — я сижу на стуле и я же лежу на койке? Смотрю с удивлением на лежащего себя самого и недоумеваю, как это так выходит, что я в двух лицах. Потрогал лежащего рукою — он мертвый, и от него какой-то сырой запах. Я прислонился к его лицу и как бы прижался к нему — и вместе с тем проснулся.

При разговоре тогда с одним духовным лицом о сем видении и о том, как нас двое образовалось, он мне объяснил, что это душа выходила из тела и была водима по мытарствам, а что прислонился и прижался к лицу его, значит, вошел опять в свое тело и проснулся.

Теперь о блузе, в которой [в сем последнем сне] я видел свою жену; имею сказать, что она пожертвовала ее одной нищей старушке. Случилось сие так. Была у ней старенькая блуза. Она ее вымыла, высушила, выгладила утюгом, обложила рюшею, и вот как раз кончила сию операцию, приходит

*Из рукописной книги
«Афонский сборник замечательных происшествий...»*

нищая старушка и просит милостыньку да из платья чего-нибудь. Она и спрашивает ее:

— А что, у тебя в доме из молодых кто-нибудь есть?

Та отвечает:

— А как же, есть у меня внучка-невеста.

— Ну так погоди же, — говорит. Взяла, завязала сию самую блузу в узел, вложила туда же белье, чулки и свои полусапожки да и отдала ей, говорит: — Вот, на́ же все сие твоей внучке.

Старуха осталась весьма довольна, возблагодарила ее и ушла.

Так вот жена моя и сидит теперь в сей чистой и приличной блузе в прекрасной степи, наслаждаясь приятным воздухом и пением райских птичек, а я-то, окаянный мечтатель, где? Во тьме кромешной — «Вот это твое и место».

Из записок
иеросхимонаха Агафодора
(Буданова)

Тексты публикуются по: АРПМА (Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне). Оп. 15. Д. 18. Док. 501: «Воспоминание былого» (Л. 163–169, 181–188, 190–196, 199–200, 210); «Собрание разных молитв, писем и других записей» (Л. 98–109).

Один благочестивый монах размышлял, в чем состоит ходатайство Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа. И вот однажды он причастился Святых Христовых Таин и, придя домой, лег отдохнуть, крестообразно сложив на груди руки. Увидел во сне, что Ангелы возносят душу к Пресвятой Троице. Душа поклонилась, и Господь Иисус Христос, указывая на нее, сказал: «Отче, благослови!» Бог Отец тотчас благословил ее, и она была отведена Ангелами в назначенное место. Потом видит: Ангелы представили другую душу, которая тоже поклонилась. Тогда Господь Иисус Христос также указал и на сию со словами: «Отче, благослови!», но ответа не последовало. Господь Иисус Христос

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

повторил сии слова. Тогда Бог Отец благословил и сию душу, которую также отвели в указанное ей место. Затем привели третью душу, которую также просил Господь Иисус Христос Своего Небесного Отца благословить. Но ответа не последовало, хотя Господь и повторил Свое ходатайство. Тогда Господь Иисус Христос встал с трона и, поклонившись Богу Отцу, сказал: «Отче, благослови и сию душу!» Тогда Бог Отец благословил.

Вот в чем состоит ходатайство Господа нашего Иисуса Христа, почему Он сказал, что «к Отцу придут только Мною...», *Аз есмь дверь* (Ин. 10:9).

Преблагий Бог, «не хотяй смерти грешника, но якоже обратится и живу бытии ему», не оставляет и поныне являть Свою милость и откровение о загробной нашей участи, вразумляя и предостерегая нас от пороков и всего душевредного, дабы мог всякий спастись и в разум истинный прийти.

* * *

Брат Ф., поступив в монастырь после Крымской войны, в которой он был ранен, по прожитии двух лет в оном снова возвратился в мир. Но прожил там несколько лет и опять решился поступить в монахи. Игумен Макарий не хотел его опять принимать, но духовник отец Иероним (старец отца Макария) отнесся снисходительнее и назначил ему послушание (на виноградник — помогать повару), где он и проживал послушником. Старший же повар был характера сурового и часто бранил его, а однажды прогнал его совсем. Сей брат Ф., будучи столь опечален, поплакал от скорби и лег на постель свою в своей келии...

Смотрит, в келию вошли два человека: один светлый (белый), в диаконском стихаре и перекрестном ораре, а другой мрачный (черный). «И вот белый сказал [рассказывал сей брат] мне: “Пойдем!” Я встал, не понимая, куда они меня зовут. Они пошли по воздуху и меня с собой повели. Я взглянул

на постель свою и увидел самого себя лежащим на ней. Значит, тело осталось на кровати, а по воздуху пошла душа. Вскоре мы приблизились к какому-то саду, в котором находилась стена с воротами, в которые мы и вошли. Там внутри мы увидели множество бесов, которые стояли вдоль стены и в руках держали хартии исписанные, на которые указывали мне и обличали меня в содеянных мною грехах, в раскаянных и нераскаянных. Ангел, указывая мне на нераскаянные мои грехи, сказал, указав на крепость: “Покайся вот в этих грехах, а то вот там будешь, ибо эти грехи — нераскаянные”. Бесы же подняли крик: вот он делает то и то, перечисляя мои грехи, и вслед за тем стали вручать свои хартии стоящему возле меня бесу, который, получая из их рук оные, клал их на весы, а Ангел на другую сторону клал добродетели: я когда-то спас трех людей — двух утопавших и одного замерзшего; клал на весы мои скорби, мой плач, когда я малым еще падал и ушибался, когда мать забывала

накормить, обижали другие меня, наказывали в школе и вообще, когда меня били и обижали; когда подавал милостыню, кормил сирот и сестер. Также болезни мои были сочтены за добродетели: мне проломили голову на первом году — лицо было ободрано, голова была проломлена; и еще раз проломили — в сражении был оглушен прикладом неприятеля, и другие труды на войне; был в плену у разбойников, которые принуждали остаться у них жить (в Сибири), а женщины, с ними живущие, принуждали ко греху, — отказ на то и другое сочтен за добродетель. Спас я двух сестер своих от поругания, а мать, которую злой человек хотел столкнуть в подвал и отнять деньги, от смерти, но я сам столкнул его туда, а мать спас — это сочтено было за великую добродетель; мать же от страха чрез неделю умерла. Все болезни от детства, которые я перенес без ропота, были положены на весы в число добродетелей. Странствование на богомолье (когда только ходил с усердием

помолиться) — добродетель. Соблюдение постов — большая добродетель; сожаление о беде людей и любовь ко всякому человеку почитаются добродетелью, и даже милование скота. Воздержание и пост — за добродетель. Спас утопавшую девочку. Было показано мне, что за спасение других и меня спас святой Николай от потопления. Было положено на весы и мое терпение напастей и огорчений. Но, несмотря на то что было довольно всего этого положено на весы, грехи мои все-таки перетянули.

Тогда Ангел сказал: “Принесите-ка его платок”, который по принесении тоже был положен на весы к добродетелям, и вот он-то перетянул все грехи. Платок этот был смочен моими слезами, когда я был еще в миру молодым (двадцати лет) и хозяйка, у которой я квартировал, не сумев принудить меня ко греху, избивала меня, отчего я много плакал, ибо мучила меня три дня. После одного из побоев я, плача, заснул в темном чулане, положив платок, смоченный слезами,

около себя; его увидала случайно служанка, отворив дверь ко мне... Быв от вида платка изумлена, [служанка] рассказала другим ею виденное, ибо платок сиял, как солнце.

Грехи мои, положенные на весы, были следующие. Ругание людей и скота матерными и черными словами, ненависть к людям; невоздержание в пище и питии; воровство даже и ничтожных вещей, как то: яблоков (в детстве), брание без спросу чужого, дров, сена для скота; перемена пищи — себе лучше, а другому подменивал похуже; спор; ругание; драка и проч. и т.п.

Судили меня в двух судах: в мирском и монашеском. За дела до поступления в монастырь судили в мирском суде, а с поступления в монастырь судили в монашеском суде, хотя я был еще не пострижен в монашество и некоторые плотские грехи делал уже по выходе из монастыря в миру, но судили как монаха. В мирском суде меня оправдал мой слезами смоченный платок. Но монашеский суд меня осудил во ад

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

на мучение, ибо не нашлось у меня ничего такого, что бы могло в этом оправдать меня. Когда взошел в монашеский суд, то в оном находилось трое судей: умерший игумен Герасим, тоже уже умерший духовник Иероним и игумен настоящий отец Макарий. Отец Иероним, увидав меня, спросил: “Отец Макарий, что же ты его не постриг?” Но отец Макарий ответил: “Я его не принимал”. — “Да я принял его”, — ответил отец Иероним. Затем начался между ними как бы спор, во время которого вдруг растворились двери, и взошел святой великомученик Пантелеимон, который, обратившись к ним, сказал: “Оставьте спорить — я его принял”. Тогда прекратили спорить и начали меня судить. Перебрав все мои грехи, сделанные мною со времени поступления в монастырь, меня судили.

И затем вывели вон, и мы отправились в крепость, на которую мне было ранее указано. Отворили железные ворота, и меня ввели туда: там было целое озеро с кипящим

дегтем или черной смолой, дым от которого восходил до неба и стоял вверху, как черная туча, над которой летали какие-то белые существа, как бы лебеди, но мне сказали, что это Ангелы. Когда меня бросили в это озеро, тотчас облепили меня черви, большие, как ужи, и стали грызть, отчего, а также от кипящей смолы я терпел невыразимую боль. Не знаю, сколь долго это мучение мое продолжалось, но вдруг двери крепости снова растворились, и туда взошел святой великомученик Пантелеимон, который торопливо спросил про меня: не приводили ли сюда меня? И, получив утвердительный ответ, сказал: “Не время еще, он должен опять возвратиться к жизни”. Тогда один из летавших вверху над озером Ангелов спустился и извлек меня из этого мучения и сдал святому Пантелеимону, который и вывел меня оттуда.

Когда мы шли еще к мирскому судилищу, то дороги шли среди сада, в котором было много гуляющих, и мирских и духовных,

на дорожках стояло много белых диванов для сидения, пели очень хорошо птицы. Я спросил, не рай ли это. “Нет, это только преддверие его, а рай — там вдали”. Деревья здесь были плодовые всякого рода, необыкновенного вида: яблоки величиной с арбуз и т.п. Этим же садом шли и по выходе из первого судилища до второго, монашеского.

По выходе из второго суда, когда я был осужден на мучение за плотские грехи, бывшие по возвращении в мир из монастыря, дорога шла не садом, но горным лесом, среди которого на некоторых обгорелых пнях висели старые монашеские наметки, между пнями обгорелыми попадались и монахи, которые имели печальный вид, ветер развевал полы их ряс и наметок. Когда же я был освобожден от мучения, то монахи некоторые, знакомые, подходили ко мне и просили помолиться. Ангел повел меня по освобождении от мучения по всей местности. В одном месте показал мне родного моего брата, лежащего связанным по рукам

и ногам, который умер молодым еще (двадцати лет). А когда проходили мы мимо рая, то мне вдали указали на другого моего брата, находящегося в раю. Этот брат был убогий и юродивый, все им гнушались, гнали и толкали. Умер он двадцати пяти лет. Там имеют некоторые наши монахи себе жилище. Над раем был необыкновенный свет белый. Деревья необыкновенной красоты, листья зеленые и цветы огромной величины, как шапки. Проходя далее, мы подошли к замку с железными воротами — там внутри был невыразимый крик и плач. “Здесь заключены самоубийцы, — сказал мне Ангел, — и ваш один здесь есть...”

Таким образом окончив наше шествие, мы подошли к тому месту, откуда начали, и мне приказано было опять войти в свое тело. Об[ми]рание это продолжалось с час или более».

После того брат, ожив, рассказал об этом игумену Макарию и своему духовнику. Прожил еще лет пятнадцать, исполняя разные

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

послушания, и был пострижен уже в полный постриг монашеский.

* * *

Случилось однажды, что в одном месте собрались несколько православных крестьян, и между ними был и татарин, который насмехался над молением христиан, показывая, махая рукою, как они молятся. Тогда один простой, но благочестивый крестьянин сказал ему: «Мы изображаем в знамении креста Пресвятую Троицу: Отца — когда рукою касаемся головы; Сына, сошедшего с небес и воплотившегося от Девы Марии, — когда показываем рукою чрево; и Духа Святого — когда проводим линию с правого плеча на левое, говоря: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь”», — и при этом осенил себя крестным знамением. Лишь только это совершил, как татарин сей пришел в такой страх, что выскочил из избы и бросился как сумасшедший бежать, невидимой силой гонимый. Это же самое почувствовали

и все, видя его в таком ужасе. Так Господь засвидетельствовал силу креста таким вразумлением и назиданием.

* * *

Однажды со мной был такой случай. Я ночевал на Стефановской келлии и на другой день служил. Там жили наши ученики (по-гречески учились).

После литургии, когда надо было обедать и стол был готов, живший в старом доме монах не дал для стола вина; меня просили поговорить с ним, чтобы отпустил. Я, [поначалу] бывши в спокойном состоянии, расстроился от упорства этого монаха, который почти с руганью отказался дать вина, хотя отец игумен и приказал ему давать [вина]. Я же, идя от него к себе, взволнованный, укорял себя, говоря: «Не должно мешаться в другие дела священнослужителя, а лишь знать свой алтарь».

Недели через три пришлось мне и опять там заночевать. Ночь была настолько темна,

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

что рядом не было видно какого-либо предмета. Во время ужина слышался стук в дверь. Сидевшие за столом сказали, что это, верно, юродивый пришел. Я предложил им впустить его, но они воспротивились, что-де будет он шуметь. «В таком случае дайте ему поесть там, снаружи», — сказал я и затем послал повара-грека спросить его, и если попросит поесть, то снести ему. Вскоре повар возвратился и сказал мне, что сей юродивый требует меня. Я почудился: откуда он знает, что я здесь, не зная меня вовсе? Отворяю дверь, и он на корточках подполз ко мне и прямо сказал: «Ты поп, благослови меня!» В такой темноте — и он узнал меня, когда я его совсем не вижу в темноте такой! «Ты знаешь, каким должен быть поп?» — начал он говорить по-гречески мне. «Каким?» — спросил я. «Он должен знать лишь только алтарь свой, а в другие дела не входить, ибо с ним Ангелы служат». — «Разве ты видал их?» — «Видал». — «Какие же они?» — «Такие, как диаконы, когда

крестообразно опоярjami препоясаны, и разговаривают между собою тихо, как бы шепотом». Сказав это, юродивый прыгнул в виноградные кусты и что-то запел.

Все это он сказал, как бы подтверждая мои мысли, когда я, укоряя себя и жалея, что вмешался в спор с тем монахом из-за вина, выразил мысль, что священнослужителю надо беречь себя от всего, что только может расстроить его и нарушить душевный мир, а знать только свое алтарное служение и в другие дела не вмешиваться. Это случилось в [18]80-х годах.

* * *

Около того же времени бывший и еще один случай припоминаю. На Афон прибыл из Иерусалима поклонник Иаков, который рассказал о себе следующее.

«Когда я вздумал съездить в Иерусалим, денег у меня не было, и я поэтому решился продать лошадь и корову и еще что-то из своего хозяйства, но потом раздумал:

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

жалко стало разорять себя. Слышу же голос: “Человек, взгляни на весь мир Божий, не Моя ли рука все это создала? Неужели у Отца Моего не хватит на дорогу тебе?” Тогда я решился на [сельском] сходе объявить свое желание, и, лишь только заявил [о нем], тотчас со всех сторон посыпались мне деньги, и я набрал двести рублей. И вот с сими деньгами отправился в путь, не тронув своего хозяйства.

Из Яффы до Иерусалима я шел пешком. Вдруг подъезжает фургон, и господин пригласил и меня сесть. При приближении к Иерусалиму я хотел было один рубль дать, но господин не взял, а, напротив, мне дал еще двадцать пять рублей. В Иерусалиме, желая пожить [здесь], я нанялся в кузницу за пять рублей в месяц, но хозяин по окончании месяца дал мне пятнадцать рублей, так что я везу домой деньги».

Он рассказал еще, что однажды с товарищами вздумал сходить в Киев; с ними была старушка, сумку которой они по очереди

несли, ибо она была слаба, да и больна. «Мы как-то сели отдохнуть на дороге, и вот слышу голос: “Человече, коснись рукой этой старушки”. Но я недоумевал и ничего не предпринял, ибо сидел рядом с ней и плечом касался. Этот голос повторился и еще два раза, тогда я после третьего раза встал и взял за руку ее, сказав ей: “Ну пойдем, баб”. Она встала совершенно здоровой и пошла с нами, сумку свою несла уже сама».

«Что это такое?» — спросил меня он. «А ты что сам думаешь об этом?» — «Да и Господь ведает». — «Так и думай, и более ничего», — ответил я ему. Явное чудо исцеления, но я не стал ему этого говорить, чтобы он не возомнил о себе.

«Я вот вижу бесов, — еще он сказал, — с десятилетнего возраста, как и голос, вразумляющий меня. Так как у меня земли своей мало, то я нанимаю у соседей, и вот когда это условие делаем, то выпьем по рюмочке, а если вздумаем по второй, то голос тотчас останавливал: “Довольно тебе одной!”»

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

Иногда останавливал ссорящихся, а они на него же набросятся с руганью. «А голос мне говорит: “Оставь их, не послушают они тебя”. Бесов же вижу, как они искушают человека. Иногда они ходят толпой за кем-либо, подставляют ему ногу, чтобы он спотыкнулся и выругался по-матерному или черным словом, так что после ругательства они весь день окружают того, садятся ему на плечи; также это бывает и если кто встанет от сна, не перекрестится и не сотворит молитвы».

У него четыре соседа больные и старые, почему и не могут сами себя прокормить и заготовить дров на зиму, а поэтому сей <...> на зиму берет их всех в свою избу. Однажды он услышал со двора крик маленького (двухлетнего) своего сына и, чтобы узнать причину, вошел в избу, где малютка сидел и кричал в страхе, по избе же ходил бес, видя которого дитя кричало. На печке же лежал старик и ругался по-матерному, и бес полез туда к нему. [Рассказчик] стал унимать

[старика], чтобы не ругался, но тот продолжал ругаться. Жена же унимала [Иакова], чтобы оставил старика: какое-де дело нам до него. Она не видала беса. Но [он] сказал ей: «Как — какое дело? Через матерные слова его в избу пришел бес, и вот дитя, видя его, и кричит».

На пароходе на возвратном пути <...> тоже видел много бесов. «Но на Афоне не вижу», — сказал он.

* * *

Однажды я был на дальней арсане¹ Крумицы и, отслужив там в церкви святых Петра и Тихона в субботу Святую литургию, предложил старшему — отцу Григорию — послужить и на следующий день, в воскресенье, но он ответил: «Нам нужно только в субботу, чтобы приобщиться». Оставшись недоволен таким его ответом, я решил пойти на ближнюю арсану (Камену) и послужить там у Иверской Божией Матери. После же обеда я лег отдохнуть и увидел сон. Будто

нахожусь в церкви (по виду как в Царьграде при русской больнице), посреди которой стоит рака, в которой почивает святитель Петр, митрополит [Московский]. Я стал пред сими святыми мощами молиться, а потом хотел приложиться [к ним], но в то время, когда клал поклоны, святитель Петр встал и сел в раке, а меня стал манить рукой к себе.

Я, испугавшись, хотел было бежать, но какая-то сила привлекла меня к нему, и он, положив на мою голову одну руку, а другую подняв кверху, произнес: «Призри, Боже, на моление раба Твоего...» У меня отлегло от сердца, и я проснулся. Вскоре после сего стали читать вечерню. Я же, забыв о сне и приложившись ко престолу и иконам, стал в церкви же прощаться с братиею, а когда подошел к отцу Григорию, [он] тотчас сказал: «Останься на завтра послужить». Но у меня не прошло еще неудовольствие на его прежний ответ, и я ему ответил: «Нет, я уже решил пойти к Иверской Божией Матери и там послужить».

И так ушел я, забыв вразумление святителя Петра, но доро́гой вспомнил сон, который ясно мне показал, что надо бы было остаться, и я остановился в недоумении, не зная, на что решиться: назад идти не хотелось, [так как] прошел уже с версту, да и неприятное впечатление еще не исчезло, но, с другой стороны, сон говорил, что я должен был остаться и послужить у святителя Петра, который молился за меня. Постоял несколько я с мыслию: «Ведь я иду тоже служить», преодолел сию борьбу и пошел далее, но чувствовал, что я делаю усилие над собой, и оставался беспокойным. По прибытии в монастырь я рассказал о сем отцу Макарию, который заметил: «Какого еще надо вразумления!» С того времени при всяком случае, когда бывал я там на арсане, то всегда служил и просил прощения у святителя Петра за свое ослушание.

Сей святитель Петр при случившемся там пожаре ходил и кропил святой водой, и пожар почти сам потух. После искали его,

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

но никто не знал, что это святитель Петр. Небольшой старичок с кувшином святой воды в руке и в епитрахили покропил и сделался невидим².

* * *

Монах Андрей, живя еще в миру и имея свой винокуренный завод, сидел однажды на улице около своего дома и видел, как посреди улицы идет знакомый ему человек, которому он и поклонился: «Здравствуй-де, Иван Иванович», — но сей не отвечал ему на поклон, пошел дальше скорым шагом.

Это удивило отца Андрея, и он тоже скоро пошел за ним, называя по имени и прося остановиться, но тот побежал от него. Отец Андрей, видя, что с другом его что-то неладно, стал кричать ему: «Перекрестись!» После долгого преследования наконец тот перекрестился и остановился, и отец Андрей, догнав его, спросил: «Что с тобой?» Иван Иванович рассказал ему подробно всю истину: «Я должен одному двести рублей,

но заплатить нечем, а тот требует с угрозой, я поэтому решился повеситься и, только лишь взял веревку, положил в карман, вижу, ко мне подошли два человека и, взяв меня под руки и сказав: “Пойдем с нами”, повели меня, не давая мне остановиться. Когда же ты стал меня звать, они побежали со мной, и я едва мог освободить руку, чтобы перекреститься, и, как только это сделал, они исчезли». Затем он вынул из кармана веревку и отдал ее отцу Андрею, который, взяв ее, повел его к себе в дом.

Проходя же мимо большой печи (где гонится спирт), отец Андрей взял веревку и бросил [ее] в печь. Из печи же вышло наружу пламя столь великое, что наполнило все то помещение здания, где была устроена эта гонка спирта, но никого не обожгло. [Дома] отец Андрей вынул из стола двести рублей и дал своему другу расплатиться за долг. Получив сии деньги, зарыдал Иван Иванович, как ребенок, припоминая, что он чуть не погиб навеки.

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

В сию ночь отец Андрей, вышедши на двор свой, увидел, что над его домом и всем двором свет, а затем увидел (на самом деле) отверзшиеся небеса и во свете Пресвятую Троицу: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Господь Иисус Христос держал в руке необыкновенной красоты венец и сказал: «Кто избавит человека от смерти и гибели, тот получит сей венец; он во всю жизнь не будет болеть» — и другое многое сказал, не припомню.

Отец Андрей дожил до девяноста лет бодрым и здоровым. Свет этот видели и другие домашние его и еще один живший на краю селения, который и приходил узнать после, отчего этот свет был, но Пресвятую Троицу видел только отец Андрей.

* * *

Так было и еще следующее.

В одном месте две сестры (двадцати и семи лет) молились, стоя на коленях; младшая вдруг видит, что входит к ним Господь

и, подошедши к ним, погладил их обеих по голове и что-то ласковое им сказал. Младшая одна видела это, а старшая не видала. Тогда младшая заговорила: «Это у Тебя, Господи, что такое в руке?» — «А это, — ответил Господь, — я хочу к себе взять твою сестрицу, — по второму году еще [она была], — так это для нее новая одежда». В эту же ночь этот ребенок умер. Господь повторил еще: «Молитесь, молитесь...» — и тем же ходом оставил их. Вскоре после этого обе сестры ушли в монастырь.

Сообщил это их брат, поступивший в наш монастырь и сделавшийся монахом. Вид Господа был одинаковым с изображением на иконе.

* * *

Детям до десятилетнего возраста бывают откровения, а также и то, что бесы не прикасаются к ним и не имеют над ними власти. Наш монах В., живя между обществом, где встречаются разные чернокнижники

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

(колдуны), имеющие сношения с бесами [испытал следующее].

В одном доме, куда он как-то пришел, его приняли и просили немного подождать. Он сел около стола, на котором лежала рукописная книжка, и начал ее читать... Вдруг его стало сильно трясти, книжка выпала из рук; немного подождав, он снова взял ее в руки и стал читать, тогда он и опять затрясся. Он оставил читать и спросил служителя, что это за книжка в оранжевой обложке. «Это черная магия», — ответил тот. «Меня вот всего затрясло, когда я ее стал читать». — «Да и сами колдуны тоже трясутся при чтении ее». — «Но как же ее пишут?» — «Они заставляют детей не более десятилетнего возраста писать, а если старше, то и тех трясет».

Этот монах Варсонуфий был испорчен злыми людьми. Однажды он был в доме таковых, и вот на прощание ему поднесли небольшой узелок в платке со словами: «А это вам на дорожку». Когда он шел

домой, то, опустив руку в узел, достал оттуда одну черносливинку и съел ее, не перекрестившись: как огнем она обожгла пищеводное горло до самого желудка.

И вот с того момента до самой смерти он чувствовал около сердца как клубок. Когда он крестил это место, тогда клубок уходил в правый бок, а если и там перекрестит, тогда уходил на спину, где рука не могла уже образовать крестное знамение, а потом клубок этот снова приходил к сердцу и здесь оставался, пока тот не перекрестит его.

Стал отец Варсонуфий читать Иисусову молитву с верою [в то], что Господь [обещал,] сказав: верующие в Меня *именем Моим бесы изженут* (Мк. 16:17), вниманием же ума стоял в сердце, тогда клубок уходил в правый бок. Поняв, что Иисусова молитва так же прогоняет, как и крестное знамение, бесов, отец Варсонуфий стал всегда читать умно-сердечную Иисусову молитву и тем прогонял от сердца клубок;

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

от времени же столь привык к ней, что молитва эта сделалась непрестанной: даже и во сне он чувствовал, что продолжает ее читать.

* * *

Иной случай чуда от крестного знамения. Один человек благочестивый шел в Троицкий день после литургии с букетом цветов. В одном доме чрез окно пригласили его зайти к ним. Здесь поднесли ему угощение — рюмку вина, которую он и принял левой рукой; хотел было перекрестить рюмку правой рукой, но она держала букет, тогда с верой самим букетом сделал над ней крестное знамение... Рюмка разлетелась в мелкие части, и в руке осталось лишь дно рюмки... Он поспешил уйти из этого дома.

Он вспомнил, что в сем семействе он сватался, а потом разошелся, и вот здесь было приготовлено ему мщение — намеревались его испортить, но крестное знамение спасло его от беснования.

* * *

Одна бесноватая старушка (испорченная злыми людьми) попросила у странников из Иерусалима кипарисовых стружек, каковых у них не оказалось; но некоторые из них захотели пошутить: набрали стружек обыкновенных, сказав ей, что они кипарисовые. Старушка же приняла их с верою, что они кипарисовые, и, вложив их в стакан с водой, выпила, перекрестившись, сию воду, как бы святую. Бес же, не вытерпев, вышел из нее, вскрикнув: «Не щепки меня выгнали, но вера твоя».

* * *

Один монах рассказал, что в их селе мужичок по нужде повел зимой в город продавать корову свою, но не продал и на возвратном пути был застигнут в лесу метелью, так что не видно было от снега и дороги, а между тем день склонился уже к вечеру, и он не надеялся доехать домой, так как корова была привязана за сани и не давала

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

ходу лошади. Мужичок стал молиться и просил святителя Николая Чудотворца помочь ему. Тогда корова сама подошла сбоку к саням и легла в них. Тогда лошадь побежала рысью, ибо корова не тормозила уже, и они успели доехать в свое село до наступления тьмы. Молитва с верой — спасение наше.

* * *

Отец Макарий (игумен) поведал нам, что он знал одного благочестивого доктора, который, зная, что для здоровья необходимо воздержание в пище, избрал один день (пятницу) в неделю поститься и это делал во весь год каждую неделю, ничего не вкушая в сей день, делая вместе с тем честь и страданиям Господа. У него был случай чуда над больной женщиной. Пришедши к ней, безнадежно больной, и видя, что ей осталось не много жить, назначил ей лекарство, чтобы не повергнуть ее в совершенно безнадежное состояние при малолетних ее

детях. Скатав из хлеба горошинки и вложив их в бумажку, подал ей со словами: «Вот пилюли, принимай их через час по одной, читая три раза “Богородице Дево, радуйся” и прочее при каждой пилюле, и будешь здорова».

На другой день доктор, посетив больную, нашел ее совершенно здоровой.

Она при входе его поклонилась ему, благодарая за лекарство, которое она принимала по назначенному способу. Он ей ответил: «Благодари Царицу Небесную, Она тебя исцелила».

* * *

Семилетний мальчик, быв в параличе, вдруг однажды попросил святой воды, и когда ему сказали, что в доме нет, тогда он окунул свой нашейный крест в воду и выпил ее и сделался совершенно здоров. «Вот святая вода», — сказал он. Вера совершила чудо. Все доктора, узнав это, удивились.

*Из записок
иеросхимонаха Анафодора (Буданова)*

* * *

Пастух сорока лет пас в своем селе скот и когда уходил, то стадо свое ограждал крестным знамением, даже и на ночь оставлял его без охраны, веруя, что сила крестная сохранит лучше, — что и было, ибо за сорок лет ни одна овца не пропала. Такова сила веры и преданности Богу.

Из публикаций
в журнале
«Душеполезный собеседник»

Помощь свыше в минуты опасности¹

Сохранение от грома

Раз вечером, лет десять тому назад, возвратился я с Кареи и застал врата монастырские запертыми. Ключи от врат после повечерия относятся к отцу игумену; нужно было ждать до утрени, начинающейся в полночь, почему я пошел переночевать на пристань, где есть дом для отдыха запоздавших. Время было осеннее, а в осенние и зимние месяцы здесь бывают в иной год страшные грозы. И в то время случилась такая гроза. Когда прозвонили к келейному правилу (за час до утрени), я в ожидании отверстия врат пошел к монастырю

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

и сел у врат возле образа святого Пантелеимона, прося его заступления. Между тем гроза, быстро несшаяся с севера, была уже над обителью. От сильных ударов сотрясались каменистая почва, но у меня почему-то не было тогда ни тени страха, хотя я, многогрешный, и побаиваюсь гроз.

После одного очень сильного удара вдруг слышу я приближающиеся ко мне скорые шаги и громко говорящего по-эллински: «В обители сей отцы — святые. Молитвами святых отцов Господь да сохранит тебя!» Последние три слова произнесены были трижды, поспешно и с особенною какою-то сострадательной заботой. Голос был сладкозвучнейший, какого мне никогда не случалось слышать: походил оный на колоколец из чистого серебра или золота. Затем слышу тот же голос по левую от меня сторону, как бы препирающийся с кем; произношение (по-эллински же) было до неимоверности быстрое: слова лились безостановочно, как горный поток; тон речи был важный,

повелительный. Стараясь расслушать, что говорилось, я за быстротою произношения только отчасти мог понять, что речь касалась моих немощей. Но вскоре раздался новый громовой удар, подобный пушечному выстрелу, и быстро пролетела возле меня на земле широкая огненная струя и разлилась у ног моих в виде крупных синих капель. И теперь я был по-прежнему без всякого страха и смущения и даже любовался катавшимися между круглых камней огненными шариками. Сладкозвучнейший же голос и при ужаснейшем ударе не умолкал; впрочем, вскоре после удара я забылся и очнулся уже по прочтении в монастыре полунощницы, когда снова запираются врата до окончания утрени. Синего огня уже не было видно и никакого голоса у врат не было слышно.

Вошедши целым и невредимым в обитель, я рассказал старцам и некоторым из братьев о случившемся. Хотя при бывшей тогда непроницаемой тьме я не мог

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

рассмотреть хорошо избавившего меня от беды смертной, но твердо уверен, что защитником моего недостойнства был святой великомученик Пантелеимон. С того времени к келейному своему канону я прибавляю две молитвы, взятые из слов защитившего меня: «Молитвами святых отец обители сея, Господи, сохрани меня» и «Святой великомучениче Пантелеимоне, молитвами твоими и отцов Господь да сохрани меня!».

Избавление от града

Года через два после вышеописанного происшествия случилось быть мне в соседнем монастыре — Ксиропотаме. День был тогда жаркий, а ночью светила полная луна, и я порешил пойти обратно ночью, чтобы поспеть в обитель к утрени. На половине дороги я увидел на севере тучу; при сильном ветре ее гнало в нашу сторону. Когда вышла туча из-за хребта, облака белели и слышан

был шум: я понял, что туча с градом, почему удвоил шаги свои.

Недалеко от обители, на границе нашей земли с ксиропотамской, сходятся несколько дорог. В наступившей темноте я потерял настоящую большую дорогу и, как ни старался, не мог найти: раз пять прошел взад и вперед и вижу только боковые дорожки. А туча уже близко; шум от падающего града слышу все яснее и яснее. Тогда, вспомнив прежнее избавление свое, со слезами возопил: «Молитвами святых старцев, отцов и братий моих, Господи, сохрани меня и избавь от искушения!» Едва я произнес это, как вдруг не стало видно перекрестных дорог и очень ясно обозначилась дорога, ведущая в обитель. Возблагодарив Господа, я в великой радости полетел как птица и едва успел войти под навес монастырской кузницы, как ударил очень крупный град с громом. Живший при кузнице старец принял меня и дал место для отдыха.

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

Избавление от расслабления и смерти

При слабом от юности телосложении, я стал чувствовать на шестом десятке лет жизни ослабление сил, свойственное старикам. Два года тому назад, 7 августа, на память открытия мощей святого Митрофана, пробуждение мое к утрене сопровождалось небывалым у меня расслаблением: как ни усиливался, не мог встать. Сожалея о своем непотребстве, я слушал пение в келье своей, находящейся под правым клиросом Покровской церкви. Когда начали петь полиелей: «Хвалите имя Господне», какой-то тайный голос говорит мне: «Встань и иди в церковь; святой Митрофан подаст тебе силу». С большим усилием встаю и вхожу на хоры (на них не поют певчие), чтобы там слушать пение и чтение сидя. Когда священнослужители начали петь: «Величаем тя, святителю отче Митрофане», по телу моему пробежал

как бы электрический ток, сердце исполнилось радости, я почувствовал силу: пробую встать, встаю легко, пошел к перилам хорным, прошел с необыкновенной легкостью, как бы помолодел. С того времени легкость не оставляет меня. Чтобы не случилось впредь подобного расслабления, я прибавляю на келейном каноне такую молитву: «Святителю отче Митрофане, оживляй мене в старости, якоже в юности оживил мя еси».

Не знаю, известно ли вам [писано к родным. — *Авт.*] об исцелении меня святым Митрофаном в юности. Во всяком случае, для объяснения слов: «якоже в юности оживил мя еси» — считаю нужным прибавить следующее. В церкви родины моей вскоре по открытии мощей святого Митрофана устроили во имя его придел. Когда заказали иконостас, в одно утро у священника оказалась благолепная икона новоявленного святителя, неизвестно кем принесенная или привезенная (большого

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

размера); по изготовлении иконостаса она пришлась как раз под меру. При иконе были положены дорогие воздúхи с изображением жизни и открытия мощей святого Митрофана. Через несколько времени после освящения придела случилось мне сильно захворать; пролежав месяца два, я был при последнем издыхании: стали готовить одежду и позвали священника читать отходную. В это время над изголовьем я увидел старца со светлым, веселым лицом, в мантии архиерейской, во всем подобного изображаемому на иконах святому Митрофану. Он тихо спросил меня: «Желаешь ли быть здоровым?» Я отвечал: «Желаю». — «Обещайся по выздоровлении отслужить молебен святителю Митрофану». — «Обещаюсь», — сказал я, и он, благословив меня, сделался невидим. С того часа я очень скоро стал поправляться, так что, к удивлению всех, на третий день уже ходил свободно.

Избавление от смертельного падения

Особенно памятным для меня осталось избавление от внезапной смерти помощью святой великомученицы Варвары. Случилось это тридцать лет тому назад на участке земли монастырской, называемом Кромица², в сорока верстах от обители. Чтобы лучше разъяснить, как это случилось, неизбежно [нужно] войти в подробности, быть может и неинтересные для вас, а потому при чтении вооружитесь терпением.

На Кромице построен скит с большим виноградником и есть несколько отдельных келлий, то есть домов с церквями. В одной из таковых келлий пробыл я с неделю; пред возвращением в обитель пожелалось мне набрать морского укропа (цвет и крупные семена его и по виду, и по вкусу как у обыкновенного укропа, но листья толстые, сочные, похожие на масличные). Трава эта, растущая в изобилии на Кромице, стелется

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

по камням морского берега большими кустами; листочки собирают, маринуют и подают в постные дни на трапезу. Отправясь за растением утром, я обещался возвратиться к обеду. Чем далее иду по берегу, тем укроп попадаетея обильнее и полнее листьями. На полверсте от келлии встретила меня скала над морем; по тогдашней молодости я легко поднялся наверх, откуда виднелось множество крупного критамона³. Мне захотелось непременно перелезть и спуститься вниз на берег, но другая сторона скалы оказалась, как я увидел после, почти отвесной: только на середине ее было выпуклое место вроде прилавка, на который и сам не знаю, как слез я. Осмотревшись кругом, вижу себя как бы в западне: ни вниз нельзя спуститься, ни вверх подняться обратно, да и по бокам перешагнуть некуда; вдобавок внизу подо мной пенилось море, волнами ударяясь об острые каменья. В таком безвыходном положении я обратился к молитве⁴.

Между тем из келлии послан был послушник звать меня к обеду [с наказом], чтобы без меня он не приходил. Когда я откликнулся на громкий зов послушника, тот требовал немедленно идти с ним, «ибо отцы, — говорил он, — ждут тебя». Вместо ответа: «Сейчас иду» — мне следовало бы попросить звавшего скорее принести веревку, при помощи которой можно бы как-нибудь подняться наверх скалы, но тогда я, как немного еще лет проживший в обители, побоялся обеспокоить этим отцов и самого послушника, не могшего видеть, в каком я находился опаснейшем положении. Тут мне пришло на память, как я при проезде через Киев был в Михайловском монастыре у викарного владыки Аполлинария, как он, благословляя меня сребропозлащенным образком великомученицы Варвары, между прочим, сказал: «Сия святая, по данной ей от Бога благодати, да хранит тебя от нечаянной смерти». Поэтому я со слезами стал призывать великомученицу, что теперь

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

приспело время помочь ей мне при могущем случиться смертном падении. Усердно помолившись, я осенил себя благословенным образком святой Варвары и с верою приложился к нему. Затем при неумолкавшем требовании идти обедать я усмотрел с правой от себя стороны крутизну скалы [шириной] не более полуаршина, а дальше было место не слишком крутое, и решился перешагнуть полуаршинную крутизну, прильнувши к ней и ухватившись левой рукой за выдававшийся острый камень. Едва я протянул ногу для перешагивания, как камень, за который я держался, отлетел от скалы, и я неминуемо должен был упасть в волновавшееся море на острые камни, но в это время я забылся; опомнившись, вижу себя целым и невредимым возле послушника... Во всю обратную дорогу мы разговаривали о разных предметах, но случившегося со мною на скале я не помнил. Уже после обеда начал вспоминать о том, особенно же когда возвращался с Кромницы

в монастырь; при виде скалы мне живо представилось, от какой великой беды избавлен я помощью святой великомученицы Варвары, и от всего сердца возблагодарил и доселе благодарю свою избавительницу. С того времени при келейном каноне всегда призываю на помощь святую, чтобы и впредь избавляла меня от нечаянной смерти и испросила мне христианскую кончину. Жалею, что не пришлось мне расспросить послушника, каким образом пришел я к нему со скалы; перед отправкой в обитель я боялся говорить об этом, чтобы не стали бранить меня за неосторожность, а после вскоре послушник выехал в Россию. Всегда носимый мною на шее благословенный образок святой Варвары я несколько раз терял (шнурок от долговременного ношения обрывался) и всякий раз скоро находил его к великой своей радости.

Были и еще подобные случаи сохранения моей жизни, но довольно для вас рассказа о вышеописанных четырех. В заключение

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

упомяну еще о двух исцелениях от болезней и тем закончу свое длинное письмо.

Раз поручили мне переписать полууставом службу Богоматери ради чудотворной иконы Ее «Скоропослушница». В начале переписывания схватила меня страшная зубная боль, которой по временам страдал я в продолжение пятнадцати лет. Промучился часа два, и приходит мне мысль помолиться скоропослушной Владычице об исцелении болезни. Так как перед переписыванием отец лжи внушал мне сомнение в чудесах и исцелениях «Скоропослушницы» и, по всей вероятности, боль попущена была в наказание за принятие таких внушений, то для удостоверения я понудил себя помолиться. Кстати, у меня в келье был тогда и образ «Скоропослушницы». При лютейшей боли, от коей не знал, куда деваться, я положил с большим усилием земной поклон перед иконой с прошением об исцелении и зараз почувствовал облегчение. Когда положил второй поклон, в зубах что-то затрещало, и они почти что

перестали болеть. После третьего поклона зубная боль совершенно исчезла и в продолжение десяти лет ни разу не возобновлялась, несмотря на холод и простуду.

Нынешним летом случилось мне кушать печеные зеленые стручки обыкновенного перца⁵. В молодости я очень любил употреблять перец в зеленых стручках и ел помногу без всяких последствий внутри. А теперь и малого количества не переварил желудок. Съевши несколько стручков, я вскоре почувствовал воспаление; час от часу оно усиливалось, так что стал подумывать, не конец ли пришел моему грешному житию на земле. (Три года тому один старец помер от воспаления, случившегося после довольной еды некрошеного салата.) Рассудок указывал принять рвотное, но доктор в то время куда-то отлучился; произвести искусственно рвоту я не мог. Когда воспаление дошло до крайней степени, тайный голос с упреком говорил мне: «А что же ты, живя в обители готового врача (святого Пантелеимона),

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

не обратишься к его помощи?» Я почувствовал стыд и удивление — как в самом деле, так жестоко страдая, не вспомнил целителя всяких недугов! — и, несмотря на крайнее изнеможение, со слезами припал к иконе святого Пантелеимона. Не успел я встать, как почувствовал позыв к рвоте и после оной сделался совершенно здоровым. Рвота была самая легкая, не чувствовалось ни напряжения, ни боли в желудке, как бывает при рвоте; едва слышно было, как разом вышло все жгучее вещество.

Памятное вразумление
за ропот на духовного отца
(Из записок инокa,
получившего вразумление)⁶

Поступив в Руссик с обилием язв греховных, я нашел в незабвенном духовнике отце Иерониме искусного сердобольного врача, с великим терпением

заботившегося об уврачевании ран моих. Врагам спасения нашего весьма противна преданность отцу духовному, и главное их старание — оную ослабить и нарушить. Такому опаснейшему в деле спасения состоянию подвергался и пишуший это, хотя молитвами отца духовного вражие наваждение разрушилось скорым вразумлением.

В первых годах иночества я послан был отцом Иеронимом на келлию вне монастыря, хозяин которой был вспыльчивого характера. Отец духовник дал мне два послушания, а третье назначил хозяин келлии. Недоумевая, за что взяться, я впал в уныние, а затем допустил и ропотливость на старца, которая час от часу возрастала. В таком положении я отправился в монастырь для личного объяснения о своем нетерпении и всю дорогу соображал, как бы сильнее выразить это пред отцом Иеронимом. Путь от келлии до обители был под гору, и я спускался бегом. Замечтавшись, я не смотрел на дорогу, усеянную

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

большими камнями, и вдруг вблизи монастыря запнулся и так сильно ударился всем корпусом, что и кости, полагал, сокрушатся. При этом тайный голос произнес: «Вот тебе за ропот!» Очнувшись, вижу себя совершенно невредимым. Ропотливость как дым исчезла, и я с великою радостью благодарил Бога за вразумление.

По входе моем в обитель отец Иероним был в параклисе преподобного Сергия с изменившимся лицом, выражавшим веселие и торжество, и походка была необычная. Не понимая причины изменения, я стал спрашивать об этом его келейника отца Никодима, расположенного ко мне, и он открыл, что такое изменение у старца бывает во время сильного действия умной молитвы, когда посещает его обильная благодать Божия. Поначалу отец Иероним, не будучи обременяем по малочисленности братства большими заботами, много и усердно упражнялся в умном делании; и келейник его, отец Никодим, и другие занимались

под руководством отца духовника. Моему окаянству, не очистившемуся от страстей, требовалось сокрушение сердца со слезами, и незабвенный старец дал мне такое умное занятие: во время здешних длинных служб размышлять о судьбах Ветхозаветной и Новозаветной Церкви и при всяком событии сокрушать себя, как в Великом каноне святого Андрея Критского.

Лет чрез пятнадцать после первого вразумления вторично овладела мною ропотливость, за которую едва не поплатился жизнью. Не могу теперь упомнить, ради чего я роптал, только, помнится, в самый разгар ропота меня просили половить рыбы для больных. Я поехал на лодке один и для стоянки бросил на дно камень на бечевке. Ропотливые мысли во мне не утихали и на море. Половивши не более часа, вдруг среди ночной тишины слышу громкий голос с берега, обличавший меня в неблагодарности к старцу своему: «И ты, столько благодетельствованный отцом твоим

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

духовным, дерзаешь роптать на него!» Чтоб избавиться от громкого обличения, я стал поднимать камень, но бечевка попала между камней и не вытаскивалась. После сильной натяжки она неожиданно отцепилась, меня повалило в море, но как-то удалось быстро натянуть бечевку и встать в лодке. Тогда неизвестный обличитель добавил: «Вот тебе легкая острастка за ропот; если не вразумишься, посмотришь, что будет завтра!» Боясь, чтоб чего худшего не случилось в море, я пристал к берегу, где никого не было. Кто был мой вразумитель, неизвестно.

Назавтра опять просили меня половить рыбы для больных. На лодке я не поехал, а пошел по берегу. Ропотливость, после вчерашней острастки, исчезла, но на беду мне встретился келлиот, крайне не расположенный к отцу Иерониму. Я, сколько мог, старался разубедить подобного мне ропотника, но, видя бесполезность слов, молча слушал. Когда мы разошлись — он

направо, я налево, — отец лжи подстрекнул меня мысленным вопросом: «Может быть, келлиот говорил правду?» Едва успел я принять это на веру, как вдруг запнулся о камень, головой ударился о другой острый камень и весь залился кровью от полученной большой раны. Между прочим, собеседник мой осуждал отца Иеронима за пищу (по очень болезненному состоянию ему готовили пищу на архондарике). За принятие таких осудительных слов рот мой весь наполнился песком (там был бугор песочный).

Вблизи падения моего находился небольшой водоем, где келлиот обмыл у меня кровь и платком перевязал голову. Болезни я не чувствовал и не жалел о поранении головы, но, как при первом вразумлении, радовался и благодарил Бога за то, что, подобно чешуе или проказе, с меня стряхнулось, что навеяно было отцом лжи. С тех пор до блаженной кончины отца моего духовного и старца я как огня боялся ропота на него.

Вечная ему память!

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

**Явления умерших
(Из письма афонского инок
к родственнику своему —
священнику)⁷**

В душеполезнейшем собеседовании своем между прочим вы упоминаете о нужде вашей в молитвенной помощи, в особенности по кончине. В подтверждение этой истины упомяну перед вами о следующем у нас случае.

Великий пост сего, 1881 года в обители нашей отличался особенной смертностью старших братий. В числе их два-три отца отошли, и такие, кои поступили и в монастырь в одно время со мною, и я серьезно подумывал: вот-вот дойдет очередь и до меня, — но по нерадивой моей жизни, видно, Господь оставил меня еще на покаяние. У нас не редкость явление умерших братий кому-либо из живущих в обители и возвешение о своей загробной участи. Так, последний из числа почивших в Великий пост

(жил в обители сорок с лишком лет) наяву вошел к одному из братьев, читавшему Святое Евангелие, и между ними произошел такой разговор:

Читавший:

— А, отец Авраамий! Откуда ты? Ведь ты помер?

Вошедший:

— Хотя и помер, но жив, как видишь. Я пришел поблагодарить старцев и братьев за их молитвы о всех нас, ныне отшедших. Хотя и трудновато было проходить мытарства, но за молитвами обители, наипаче же милосердием Богоматери и предстательством святого Пантелеимона, все мы благополучно прошли оные и упокоены Всеблагим Господом. Особенно мне, — присовокупил отец Авраамий, — много помогли молитвы отца Иеронима⁸, который во время отпевания моего усердно молился за меня, а когда выносили на могилу тело мое, он, несмотря на свои сильные недуги, положил за меня в келии своей несколько

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

земных поклонов, оказавших мне защиту от нападок вражиих.

В минувшем году являлся известный вам Святогорец⁹. Он известил о себе, что до того Господь и Богоматерь милостивы к нему, что дали ему свободный доступ приносить перед Их велелепием прошения о других и благосердно исполняют оные. Раз я задумал взяться в Великий пост за одно дело, казавшееся мне безвредным для души. Святогорец, явившись, укорял меня и повелительным тоном внушил мне оставить задуманное как бесполезное...

Святитель Христов
Николай, наказующий
и милующий¹⁰

Курской губернии Н-ского уезда
в м[естечке] М-ке существуют в соседстве два прихода: в одном из них храм посвящен Успению Пресвятой Богородицы,

а в другом — памяти святителя Христова Николая Чудотворца. В каждой церкви устроились из прихожан хоры певчих. И действительно, из пребывающих на Афоне для поступления в монашество русских все почти певцы и знатоки нот. Двое из них, отец К-н и отец В-р, певшие в николаевском хоре еще мальчиками, рассказывают из своих детских воспоминаний следующее.

В их время и до них еще управлял николаевским хором пребывающий и ныне в живых николаевский же прихожанин Евфимий Г-н, который в своем доме, вблизи самой церкви, имел школу, где и обучал грамоте и пению. При редкой опытности в пении, знании богослужебных напевов и нот, с верностью в слухе, он отличался умением руководить хором, оттого хор его далеко превосходил певцов успенских. Вследствие сего народ в большинстве начал стекаться к богослужению в Николаевскую церковь, так что, за теснотою, тут должны были устроить придел.

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

Но без козней врага спасения не обошлось богоугодное сие дело. Регент за какие-то пустяки повздорил с местным диаконом и затем в отмщение, начавши формально тяжбу с ним и со всем клиром церковным, он в 1863 или 1864 году с гордостью оставил николаевский хор и свою приходскую церковь и перешел для управления пением в успенский [хор]. За ним и народ потянулся в тот же храм, а Николаевский начал пустеть и беднеть. В таком положении дела проходит год, другой. Регент не хочет примиряться, но прежних певцов своих, особенно мальчиков, при обучении книжном обучал он и пению.

Раз дети, его ученики, играя в церковной ограде, вдруг слышат, что любимый ими регент страдальчески кричит не своим голосом. Они поспешили к нему в дом, бывший тут же, — и что же увидели? В страхе, как бы ожидая от кого-то удара, он то наклоняется, то выпрямляется и с жалостным выражением лица просит кого-то о помиловании. Но, кроме него, никого и ничего дети

не видят; спрашивают его и получают в ответ, что святитель Николай стоит против него и за оставление Николаевской церкви бьет его каким-то уязвляющим душу и тело орудием в виде плети. Наказание продолжалось и в их присутствии, но они по-прежнему никого не видели. И Бог ведает, за то ли одно был наказуем регент, что оставил приходскую свою церковь и хор, или же, кроме сего, святитель Николай своим грозным вмешательством склонял к спасительному примирению ожесточенно враждующего с клиром. Мало-помалу невидимое истязание, а вместе с тем и вопль и смятение наказуемого престали. Регент совершенно успокоился и заявил им, что святитель Николай, приказавши ему возвратиться в свою церковь к прежнему занятию, сделался невидим. После от сверстников своих, сыновей Евфимия Г-на, дети узнали, что отец их в присутствии своих семейных снимал с себя со слезами на глазах рубашку, и те видели синие полосы, как бы от ударов крепкой плетью по всему его телу.

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

После сего вразумленный Евфимий Г-н, проболевши без выхода из дома месяца два и примирившись со всеми, принялся по-прежнему за управление хором в Николаевской церкви. С его переходом и храм Божий, посвященный имени святителя Николая, начал вновь наполняться молящимися, а поющие с большим еще благоговением начали проникаться воодушевлением и усердием к чувствительной мелодии в песнопениях, славя Бога и Его великого угодника святителя Николая, присно творящего дивные чудеса.

При этом повествовании в собрании многих отцов-иноков находился один из пустынножительствовавших на Афоне, почтенный русский иеромонах отец Антоний, сорок с лишком уже лет пребывающий на Святой Горе и основательно изучивший здесь древнеэллинский и нынешний новогреческий языки. И он передал нам слышанное им от греков такое сказание. Как известно, в афонском Ставроникитском

греческом монастыре находится обретенный в море древний чудотворный образ святителя Николая, по которому и главный храм обители посвящен сему угоднику Божию. Монастырь сей едва не беднее всех на Афоне, а потому и братство в нем крайне малочисленно. На Святой Горе вообще в обычае к храмовым праздникам на всенощное бдение и литургию приглашать лучших в той местности певцов, с оставлением их и на другой день к богослужению, ради установленного на Афоне поминовения ктиторов храма и вообще обители. Лет тридцать тому назад, уже во время пребывания отца Антония на Афоне, в монастыре Ставроникитском был такой случай. Бедные ставроникитцы, по крайней скудости в средствах к жизни, не имея чем возблагодарить поющих, готовились сами отпраздновать престольный свой праздник святому Николаю (6 декабря)¹¹ как могли. Но вот когда уже наступило время бдения и началось обычное здесь прежде

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

всего клепание в току (висячая при колокольнях на веревках деревянная доска, которая от удара по ней молотком издает приятный звук), сверх ожидания — в сумерки уже — приходит из соседнего (расстоянием часа на полтора ходу) обильного и средствами, и братством Иверского монастыря лучший там певец, объявляя в Ставрониките настоятелю и всем там бывшим и к празднику пришедшим во всеуслышание, что сам святитель Николай, явившись в келии его, приказал немедленно идти к ним на бдение. Было уже поздно, но святитель, строго прибавив: «И сейчас же», сделался невидим. «Вот почему, — продолжал он, — и прибыл я к вам, отцы преподобные, на храмовой праздник». Выслушав это, благодаря угодника Божия и уверясь в промыслении его о них, все воодушевились воистину неземною радостью и с большей еще торжественностью отпраздновали в честь и славу священноначальника Николая как храмовой, так и ктиторийский дни.

Другое было происшествие, продолжал достойнейший отец иеромонах, тоже на Афоне. В одной из многочисленных здесь келлий устроена была домовая маленькая церквушка во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Проживавшие в сей келлии бедные пустынники жили в самой крайней нищете, при совершенной во всем недостаточности. Теснимые скудостью, они часто взывали от прискорбного своего сердца к святому Предтече об облегчении их тяжелой доли. Креститель Господень внял наконец усильным их мольбам. Явившись им, он сказал, что он сам, как и они знают, пустынником в свое время жил, *ядый только акриды и мед дивий* (Мк. 1:6), а посоветовал им об обеспечении себя обратиться с молитвой к святителю Николаю. Обрадовались бедные пустынножители. При искренних чувствах благодарения к святому Предтече за его о них попечение они с того же часа стали молить о своих нуждах угодника Божия Николая, и скорый во всем и для всех притекающих

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

к нему помощник и покровитель великий — чудотворец Николай не умедлил послать им через благотворителей все потребное для безбедного их на земле существования.

*Игумен Парфений
Афон, 15 октября 1886 года*

**Вразумление
к достодолжному
провождению храмовых
праздников¹²**

Вблизи славяно-сербского на Афоне монастыря Хиландар издревле выстроена келлия с малой в ней церквией во имя святого первомученика архидиакона Стефана. В этой келлии проживают и болгары, но больше русские, которые и на Афоне первые, можно сказать, радетели и любители храмов Божиих. Накануне дня памяти святого первомученика (27 декабря 1885 года) проживавший в сей келлии старец схимонах

Л. обратился в монастырь с просьбой при-
слать к нему для отправления всенощного
бдения и в самый день праздника литургии
иеромонаха с причтом. Просьба была ис-
полнена¹³. К вечеру прибыли приглашен-
ные из обители. Старец отец Л. предложил
им угощение к подкреплению на всенощное
бдение¹⁴. Но во время стола хозяин, по не-
вниманию к своим склонностям и характеру,
требующим охранения, по наущению обще-
го нашего душегубца дьявола слово по слову
неприметно допустил нанести всем смуще-
ние и дошел до того, что, к удивлению, пред-
ложил священно- и церковнослужителям,
готовящимся уже начать службу Божию,
уйти от него. Приглашенные, видя диаволь-
скую в сем сеть, снисходительно отнеслись
к немощи старца и оставили его и за невоз-
можностью уже по случаю позднего време-
ни возвратиться в обычно затворяющийся
на ночь монастырь удалились в находящуюся
невдалеке от Стефановской келлии ни-
кем не занимаемую избу, объявив и старцу,

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

куда они уходят. Там они, по кратком вечернем славословии, расположились на ночлег. По уходе служащих и сам старец, истомленный и ослабевший, готовился спать. Не успел он еще совсем сомкнуть глаза, вдруг видит, что подходит к нему в великом свете и славе юноша с жезлом в виде трости. Подняв трость вверх и грозя беззаботному старцу ударом, явившийся говорит ему: «Один всего раз в год совершаешь в сей церкви в память мою празднование, и то по невниманию к себе и нерадению своему не исправляешь как должно. Сейчас же поправь свою ошибку. А то я тебя этим жезлом жестоко накажу...» Нетрудно было угадать, кто [был] явившийся. В страхе и трепете вскочил с постели своей старец и, несмотря на ночное время, поспешил к высланным им служителям Божиим. Рассказывая об угрозе святого первомученика, кланялся им до земли, прося прощения за оскорбление. Преподав старцу от всего сердца прощение, иеромонах с церковниками отправились с любовью к нему.

Отслужив утреню и литургию, закончили торжество, при чувстве благодарения, молебным пением страстотерпцу Стефану, так знаменательно постоявшему за себя и свою церковь и своим вмешательством подвижному живущего под его кровом старца ко спасительному самоисправлению. Вместе с тем святой первомученик сим вразумляет и весь мир, что святые как о посвященных в честь их храмах, так и о служащих в них имеют свое небесное промышление.

Афонец П.

Неполная кошница костей
(Из письма афонского монаха
об открытии костей его друга
к матери умершего)¹⁵

Нет слов, чтобы изобразить трогательность, а вместе и поучительность отытия костей¹⁶, и притом костей друга. Картина поразительная!

*Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»*

Назидательно видеть и поучаться при открытии костей всякого, но отрывать кости того, кого знал много лет, с кем делил время в дружеских беседах, вместе пил и ел, вместе и прибыл на путь призвания¹⁷, с кем вместе поселился... и, видевши кончину его, отрывать его кости — поистине это превосходит всякое описание! Чего тут не вспомнишь, чего не перечувствуешь! Ибо что тут открывается?.. Вместо живого, деятельного, некогда говорливого друга видишь только череп и неполную кошницу костей!

Что может быть красноречивее этого, поучительнее для человека, дабы познать свое ничтожество, оценить свои поступки и содрогнуться?

Где тут красота тела? Где изысканность одежды? Где во множестве истребленные яства, утонченные и лакомые? Где слава и богатства? Где неутомимая деятельность? Где предположения и начертания, сбыточные и несбыточные затеи разные? Где удовлетворения своим пожеланиям,

часто с неистовством искомые? Где мечты, в которых человек обещает себе и многолетие жизни, и источники небывалых богатств и увеселений? Где все это? Неполная кошница костей и безмолвный череп отвечают молчанием. Видно, все умолкло, стихло, разрушилось вместе с прахом тела.

Видно, и наши затеи и предположения, искание большего и большего на земле тоже стихнут, умолкнут, как и сами мы, ложась в могилу и уступая место своей деятельности иному! И нам достанется в удел могила, тление и (не навсегда) остаток — неполная кошница костей!

Что же после сего все земные наши приобретения, почести, слава, богатство? Одно ничтожество, один прах. Зачем же к ним такая привязанность в мире? Неужели там не знают, что есть другая жизнь — за гробом, жизнь вечная, где живет одна правда и любовь? Неужели не убедились из окружающих постоянных опытов, что ничего нет прочного в мире, что все в нем зыбко,

Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»

непостоянно, коловратно, так что человеку не на что опереться, ибо все подлежит изменению; все — рано ли, поздно ли — рушится! Слава ли? Но она так мимолетна, что с первым дуновением ветерка улетает без вести. Богатство ли? Но оно (кто не знает?) изменчивее ветра! Удовольствия ли жизни? Но они поселяют одну пустоту в сердце и производят печаль духа, который ничем земным не удовлетворяется, будучи вечным и имея стремление к вечному Богу. Мир привык своих любителей и искателей земного счастья обманывать призраками, представлять в ничтожестве величие, в непостоянстве — твердость, в пустых наслаждениях и приобретениях — счастье, во мраке — свет, в жизни чувственной (недостойной не только христианина, но и человека) — блаженство. Сими призраками закрывая истину или, точнее, самого себя от Истины, сказавшей, что *мир во зле лежит* (1 Ин. 5:19), мир увлекает чувственного человека пресмыкаться в пожеланиях земных,

суетных, ничтожных, грязных, не давая нисколько свободы возникнуть¹⁸ жалкому своему последователю от сна душевного, чтобы тот увидел что-либо более, кроме временного, не допуская также, чтобы тот понял себя, свое назначение и потек к сродному ему бессмертию, возвышаясь над понятиями грубой темной плоти! Мир, под предлогом забот о безбедной или привольной жизни, оземляет у человека самый ум — владыку, заставляя его всецело служить себе и выполнять все его причудливые затеи и вычурные прихоти. И вот, таким образом возобладавши над высшей способностью человека, мир горько посмеивается над ним, как над преступным пленником, и приобучает человека к этой неволе, к этому плену. Иногда этот пленник видит и познает, что он мало уже отличается от бессловесных, также наполняющих землю <...> что он далеко уклонился с настоящей своей тропинки, что последствия такого подражания миру плачевны, злы, губительны,

Из публикаций
в журнале «Душеполезный собеседник»

но втянувшийся привычкой и дававший простор пожеланиям своего сердца, и видя это, не может восстать и опять идет тем же путем, исполняя те же требования условий *во зле лежащего мира!* Кто же после сего сей пленник? Неужели христианин, имеющий Богооткровенное познание о жизни иной, жизни вечной на небеси? Неужели даже и человек, разумною душою одаренный?

Житие человека кратко, так кратко, что при сравнении с вечностью нельзя назвать и жизнью, нельзя назвать и каплей, опущенной в безбрежный океан. Блага земные непостоянны, счастье непрочно. Да и какое счастье?! Одно только название, прикрывающее пустоту и грубость мишурным блеском... И что может доставить искателю счастья земля, когда она сама по мановению Творца обрушится, сгорит, не станет ее? Что принесут все преобладания земные, удовольствия чувственные, подражание суете тогда, когда солнце померкнет, луна не даст света, звезды спадут, небо, яко

Неполная кошница костей
(Из письма афонского монаха)

свиток, свиеется и побежит от лица Божия, а земля и яже на ней дела сгорят? Что тогда в удел достанется человеку, пристрастившемуся к земному и земным ум оземленившему, кроме рыдания, слез, плача, скрежета зубов, адского мучения?! Зачем же, зачем теперь такая ограниченность в понятиях наших? Зачем гоняемся за призраками, оставляя истинную жизнь в забвении? Зачем так свободно и легко меняем вечное на временное? Видно, недостает в нас живого представления о тленности человеческого состава.

Примечания

I. Из келейных записок иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)

- ¹ На Афоне паломников называли поклонниками.

II. Из рукописной книги «Афонский сборник замечательных происшествий и достопамятных событий»

- ¹ На Афоне слово «келлия» («келья», «келия») имеет не только общеупотребительное значение «комната монаха», так же называются жилые и хозяйственные постройки с церковью, где живет один или несколько монахов, которых именуют келлиотами. В первом случае говорят: «жить в келье», «келейный»; во втором: «жить на келлии», «келлиотский».
- ² Архондарик, или фондарики, — приемная комната для гостей в православном монастыре, также гостиница для паломников, как правило в Греции (на Афоне, в Метеорах).
- ³ Игуменьей Святой Горы на Афоне называют Пресвятую Богородицу.

- ⁴ Костамонит — греческий монастырь на Святой Горе Афон, освящен во имя Стефана Первомученика; основан в XI в.
- ⁵ Бизюля — каменная стена для укрепления земляных уступов на склоне горы.
- ⁶ Первое описано в письмах Святогорца. — *Примеч. в оригинале.*
- ⁷ В 1875–1889 гг. игуменом Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне был схииеромандрит Макарий (Сушкин).
- ⁸ Вероятно, имеются в виду вши.
- ⁹ То есть придут в состояние нестроения.
- ¹⁰ Речь здесь идет об утверждении иеросхимонаха Нифонта (в миру Николай Васильевич Четвериков; 1842–1905) в должности игумена. По уставу Свято-Пантелеимонова монастыря о. Нифонт как наместник игумена о. Андрея (Веревкина), избранный по жребию при жизни последнего, должен был наследовать о. Андрею по его смерти, которая последовала 30 октября (ст. ст.) 1903 г. Однако некоторые братия в нарушение устава, «забывши Бога и потеряв свою совесть, не хотели допустить» его до игуменства (см.: БРПМА. L033119. Л. 330–331), желая видеть во главе обители «своего» ставленника. Дело оказалось столь серьезным, что пришлось вмешаться российскому посольству в Константинополе, было даже прислано

Примечания

«военное судно с солдатами и офицерами» (там же). Волнения улеглись, и 8 ноября (ст. ст.), как раз в день Архангела Михаила, о. Нифонт в присутствии представителей всех монастырей Святого Афона и местной турецкой власти был возведен во игумены. См. подробно: *Монах Арсений со Святой Горы*. Подвижники Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. М.: Сибирская Благовонница, 2020. С. 276–293.

- ¹¹ Екклисиарх — церковнослужитель, наблюдающий за церковным зданием и порядком богослужения.
- ¹² О нем см. примеч. 10 на с. 371.
- ¹³ Священный Кинот, или Протат, — центральный исполнительный соборный орган управления Святой Горы Афон, в который входят представители (антипросопы) двадцати монастырей Афона, избираемые каждый год своими монастырями. Располагается в Карее — столице монашеской республики.
- ¹⁴ Архимандрит Мисаил (в миру Михаил Григорьевич Сапегин; 1852–1840) был игуменом Свято-Пантелеимонова монастыря в 1905–1940 гг.
- ¹⁵ Преображенская больница находилась в архондаричном корпусе Свято-Пантелеимонового монастыря, у моря.
- ¹⁶ Аргат — рабочий-грек, работающий по найму в Русской Пантелеимоновой обители.

- ¹⁷ См. примеч. 44 на с. 382.
- ¹⁸ Башибузуки (*тур.* başıbozuk — сорвиголо-ва) — название иррегулярных военных отрядов в Османской империи, вербовавшихся во всех частях империи, но преимущественно в Албании и Малой Азии.
- ¹⁹ Рассказ о монахе Иродионе содержится в «Афонском сборнике замечательных происшествий и достопамятных событий» под № 133, но в нашем издании мы приводим литературную обработку данного сюжета, сделанную о. Пантелеимоном (Сапожниковым).
- ²⁰ Ибо он и говорил жене кое-когда о сем, но она и слышать не хотела. — *Примеч. о. Пантелеимона.*
- ²¹ Записано о. Пантелеимоном (Сапожниковым). О нем в «Русском Афонском отечнике» сообщается следующее: «Архимандрит Пантелеимон (в миру Павел Иванович Сапожников) поступил в Руссик в 1857 году. Послушание проходил заведующим канцелярией, после жил на Ближней Георгиевской келлии. По приглашению Священного Синода и по благословению старцев обители в 1876 году выехал в Россию. Преставился в сане архимандрита в Киренском Тобольском монастыре. Автор книг: “Сказание о посещении Богоматерью Святой Афонской Горы и в русском монастыре”; “Об открытии и освящении Афонской часовни в Москве”; “Посещение Афона русским архипастырем Александром, бывшим

Примечания

епископом Полтавским”; “Письма с Афона о современных подвижниках Афонских”. Оставил также дневник (АРПМА. Док. № 450). Сохранились копии его записей о разных чудесных явлениях (АРПМА. Док. № 524 (оригинальная рукопись); № 518. Л. 648–728)» (Русский Афонский отечник XIX–XX веков. Т. 1. Святая Гора Афон, 2012. С. 623).

- ²² Штатными называли особножительные монастыри. При особножитии, или идиоритме, монах может владеть личной собственностью и, за исключением участия в уставных церковных богослужениях, следовать своему собственному распорядку. Необходимые для функционирования обители должности насельники исполняют за определенную плату. При таком образе жизни инок имеет больше соблазна впасть в своеволие. До недавнего времени многие афонские монастыри были особножительными, ныне все двадцать обителей Святой Горы являются киновиями, общежительными монастырями. Нужно сказать, что Русская Свято-Пантелеимонова обитель на протяжении почти всей своей истории (кроме второй половины XVIII в.) оставалась киновией.

- ²³ Так в оригинале.

- ²⁴ По древнему афонскому обычаю погребают монахов без гробов, завернув только в мантию. Хоронят почивших в могилу сравнительно

неглубокую (около метра). Через три года ее откапывают и по цвету костей судят о загробной участи усопшего. Кости белого цвета свидетельствуют о помиловании, прощении грехов и спасении; желтого цвета — о том, что усопший удостоился большей славы. На еще большую славу указывают благоухание и истечение мира. На черепе делают надпись — имя, год кончины — и кладут на стеллаже в братской гробнице. Остальные кости складывают в братское хранилище. Если тело за три года не разложилось, это считается дурным знаком, значит, на то есть причины, требующие усиленных молитв. Тела черные и смрадные свидетельствуют о великих грехах покойника.

- ²⁵ Будущий игумен Свято-Пантелеимонова монастыря; в 1869 г. — архимандрит.
- ²⁶ Каденция, или каданс, — типовой гармонический оборот, завершающий музыкальное построение любого уровня (фразу, период, раздел формы, всю композицию).
- ²⁷ Схиигумен Парфений (в миру Петр Александрович Заблоцкий) собирал и записывал все чудесные события, которые происходили на Афоне в прошлом и настоящем времени. Поводом к этому деланию послужило чудесное видение ему в 1863 г. Божией Матери во время праздника Покрова Пресвятой Богородицы, которое он подробно описал (см. с. 179–183 наст. изд.).

Примечания

На Афон он приехал в 1860 г. и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Вскоре серьезно заболел и был пострижен в схиму с именем Парфений. Однако после пострижения полностью выздоровел. Некоторое время выполнял послушание певчего при посольской церкви в Константинополе. В 1870 г. возвратился в обитель и по благословлению старцев поселился в монастырском метохе Крумица, в пустынной каливе. В 1876 г. был послан на Новый Афон в качестве законоучителя школы, но по случаю Русско-турецкой войны отправился в Россию, там был рукоположен в иеродиакона и в иеромонаха и назначен настоятелем Макарьевского монастыря, с возведением в сан игумена. В 1883 г. вернулся на Афон, жил на каливе на Капсале, а последние годы жизни провел на Трехсвятительской келлии монастыря. Преставился 13 мая 1895 г. Оставил переписку, поучения и разные записки о духовных событиях.

- ²⁸ Схиигумен Парфений говорит о себе в третьем лице.
- ²⁹ По многим описаниям Святой Горы Афонской, вероятно, каждому известно, что всю Святую Гору населяют одни православные и что кроме известного общежительного Руссика, с его многочисленным русским братством, существуют еще девятнадцать хотя разноплеменных, но единовременных монастырей, с ликом иночествующих

в них. Независимо от сего подвизаются пустынным житием в значительном числе в скитах, в келлиях (жилищах с церковью) по два, по три и более при старцах человека и в келлиях (жилищах без церкви) по одному, по два, иногда и по три человека. При брани с дьяволом и с напоминаемыми им, оставленными уже в мире прихотями и с разными греховными привычками, при борьбе со своими душевными и телесными страстями очень часто смущают, особенно подвигающихся добре, разные душевные вредные помыслы, приводящие их в уныние, с тревогами за свою душу, за свое спасение.

Бывают, конечно, мысли и от благодати, но из опасения подсады человекоубийцы дьявола, принимающего, по слову Божию и как изведено святыми, вид и *Ангела светла* (2 Кор. 11:14), маломощные и вообще новоначальные ищут опоры себе в обсуждениях с более опытными старцами. Ради этого и ради соутешения духовного во взаимной друг другу откровенности приходили иногда и к и[гумену] Парфению. В числе таких посетителей был у него и упоминаемый здесь безмолвник с описываемым теперь свышеоткровенным ему видением. — *Примеч в оригинале.*

³⁰ На Святой сей Горе издревле святые отцы, особенно подвигающиеся уединенно в пустынях, совершают свое неперменное каждодневное церковное правило больше по четкам. На это есть

Примечания

свои уважительные причины: неудобство, до невозможности, вычитать одному или двум продолжительные здесь службы и бдения, чрез всю ночь, доходящие иногда до двенадцати или четырнадцати часов и более, по самому роду избранной жизни, где требуется, как в выполнении правила, так и вообще в житии при уединении, тишина, безмолвие и с молитвою Иисусовою внимание к движениям страстного своего сердца. Трудно оно; нелегка и сосредоточенность. Особенная забота сатаны, чтобы отдалить немощного человека от всемогущего Человеколюбца, и потому-то на сих умно-сердечных молитвенников они всеми силами ада и вооружаются. За это сим труженикам бывают и высокоблагодатные посещения. — *Примеч. в оригинале.*

³¹ По житиям и сказаниям святых отцов и по некоторым указаниям в Святом Писании, видения и откровения давались достойным этого большею частию в полночное время. — *Примеч. в оригинале.*

³² Так в оригинале.

³³ Может быть, в забывчивости или во рассеянности хотели без молитвенного благословения пить чай. На Афоне такое чиноположение: перед какой-либо закуской и перед чаем, где почти всегда гостям или вообще посетителям

предлагается если не хлеб, то сухари, читают: «Пресвятая Троице...», «Слава и ныне...», «Господи, помилуй (трижды), благослови». И старейший из присутствующих, если есть иерей, благословляет священническим благословением, а простой говорит: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». А перед обедом обязательно обычное всюду: «Отче наш...», и тоже с благословением по такому чину. Так и при одиночном ядении и питии. — *Примеч. в оригинале.*

³⁴ Афонская гора, как полуостров, с трех сторон окружена морем. По гористой на ней местности, с ущелиями, климат на ней разнообразный. На вершине горы, например, снег, а внизу, к морю, в то же время дождь с громом и молнией. Поэтому и монастыри, и уединенно живущие здесь иноки ради тепла и ради удобства к получению морем жизненных продуктов поселяются большей частью при берегу морском. Иноки посему нередко запасаются удочками и в свободное от хозяйственных занятий или послушаний и молитвы время закидывают в море удочки, и случается, что вылавливают в утешение себе какую-либо рыбку. — *Примеч. в оригинале.*

³⁵ Пьют чай внакладку, когда сахарный песок кладут в стакан и размешивают; вприкуску — когда сахар откусывают или откалывают специальными щипцами.

Примечания

- ³⁶ Первым местом поселения русских на Афоне был монастырь Ксилургу. В 1169 г., при игумене Лаврентии, братия перешли в обитель, посвященную св. великомученику и целителю Пантелеимону. К последней трети XVIII в. она пришла в упадок, и после страшного пожара 1773 г. монахи, не имея средств восстановить разрушенный храм и другие обветшавшие постройки, спустились к морю, где находилась небольшая келлия с церковью Вознесения Господня, своего рода маленький монастырек, и стали житьельствовать там. Нужно сказать, что к этому времени среди насельников Пантелеимоновой обители уже не осталось русских, последний русский монах умер в 1739 г. На месте этой келлии в XIX в. будет построен новый, прибрежный монастырь, которому усвоят наименование Прибрежный Руссик, а прежний станут называть Старый Нагорный Руссик. Именно с Прибрежным Руссиком связано возрождение русского монашества на Святой Горе Афонской.
- ³⁷ Свт. Савва, архиепископ Сербский (в миру Растко Неманич; ок. 1169–1236), — основатель Сербской Православной Церкви. Младший сын великого князя Стефана Немани, родоначальника сербской правящей династии Неманичей, он избрал путь монаха вопреки воле отца, бежал на Афон и сначала поселился в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. По преданию,

когда к монастырю подошло войско, посланное отцом, чтобы вернуть непокорного сына домой, он принял монашеский постриг и сбросил свою мирскую одежду и остриженные волосы из окна башни, дабы их передали его родителям.

- ³⁸ Пирг — заимствование из греческого: πύργος («пиргос») — башня. В греческом это слово мужского рода, но в русском «пирг» (по аналогии с «башня») иногда употребляется в женском роде.
- ³⁹ Киновия — монастырь общежительного устава.
- ⁴⁰ Рассказ взят из: АРПМА. Оп. 20. Д. 11. Док. 1791.
- ⁴¹ Ватопедский монастырь, или Ватопед, — один из самых древних, богатых и обширных монастырей на Святой Горе Афон; основан в конце VIII в.
- ⁴² Притвор в афонских соборах (кафоликонах) отделяется от храма с алтарем толстою стеною, которая, подобно иконостасу, украшается иконами и наверху имеет особый купол с главами. В притворе по древнему уставу читаются часы, повечерие и полунощница, поются литии, отпеваются усопшие и прочее. По окончании полунощницы и часов из притвора переходят в настоящий храм, некоторые же тесноты ради в храме всю службу слушают в притворе. — *Примеч. в оригинале.*
- ⁴³ У греков все каноны выпеваются с канонархом не только на утрени, но и на молебнах. Состав

Примечания

тропарей каждой песни канона размером у них совершенно подобен ирмосу, как и многие стихиры, седальны и кондаки составляются на известные подобны. Через это всякий канон греками легко и скоро выпевается. — *Примеч. в оригинале.*

- 44 Во святых храмах Востока, и особенно на Афоне, устроены так называемые русскими святогорцами формы, по-гречески стасидии; в них можно и стоя, и сидя опираться руками и класть оные, как в креслах; можно и присесть полустоя, и совсем сесть как на стул. При длинных афонских службах, и наипаче во время бдения, продолжающегося всю ночь, формы-стасидии служат немалым облегчением для молящихся. Садятся во время чтения жития святых или поучений; присесть дозволяется во время паремий или когда кто изнеможет. — *Примеч. в оригинале.*
- 45 Глава великомученика и целителя Пантелеимона хранится в Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне.
- 46 Когда было в Руссике греческое управление, русские занимали только северную сторону монастыря. Корпус келий на оной стороне стоит на горной возвышенности, и потому в трапезу нужно идти оттуда вниз под гору. — *Примеч. в оригинале.*
- 47 Повар, магер, по-гречески магирой, со своими помощниками при исполнении послушания

в кухне ходят в холстяных фартуках; надеваются оные братией и на других послушаниях, где подрясник без фартука может мараться. При мытье, чтоб не замочиться много, употребляют кожаные фартуки. — *Примеч. в оригинале.*

- ⁴⁸ Пред пением: «Величить, душа моя...», «Честнейшую Херувим» (на 9-й песни утренних канонов на Афоне) — соборный еkkлисиарх ударяет в металлическую доску, согнутую полукругом, вешаемую снаружи паперти, выбивая железным молотком разные звуковые переливы. В это же било делается повестка к повечерию, к молебнам, к акафисту, к последованию к причащению, на освящение воды, к Евангелию на утрени и литургии и прочее. В иллюстрированном журнале «Воскресный день» (№ 11 за 1894 год) в статье «Происхождение церковных колоколов» упомянуто о бывших прежде билах, или клепалах: двух деревянных, большом и малом, и железном или медном. Все три била на Афоне в употреблении до сих пор. В простые дни заменяют они перезвон в колокола; в праздничные дни ударяют в них пред звоном «во вся тяжкая»: сначала в малые ручные, потом в большое висячее и, наконец, в третье металлическое.

В Великий пост к часам и к великому повечерию ударяют только в большое деревянное било. Часто случается, во всю седмицу не бывает к церковным службам трезвона, кроме воскресенья,

Примечания

и только делают пред ударением в било несколько ударов в средний колокол, чтобы могли слышать живущие вне обители. — *Примеч. в оригинале.*

- 49 Возможно, автор дополнения — схимонах Аркадий (в миру Алексей Алексеевич Любиков; 1830–1908), основным послушанием которого был перевод богослужебных текстов с греческого.
- 50 Схиархимандрит Герасим был игуменом Пантелеимонова монастыря в 1832–1875 гг.
- 51 Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.
- 52 Чтения на Святой Горе бывают преимущественно на утрени; читают жития святых, творения святых отцов и слова современных проповедников. В простые дни полагается по одному или по два чтения: по 1-й кафизме [читают] жития и по 6-й песни канонов — пролог или поучение святого Феодора Студита; на всенощных бдениях в средние праздники чтение бывает еще пред шестопсалмием, а в большие праздники и по 2-й кафизме; в двенадесятые праздники русскими читаются слова, кроме древних и Филарета, Иннокентия и других русских проповедников. В воскресные дни первое чтение состоит всегда из беседы по Евангелию Никифора Феоतोки. В Великий пост на первой седмице, чтения полагаются сверх утрени и на 3-м, 6-м и 9-м часах из «Лествицы» святого Иоанна, а в Великую Пятницу на Царских часах чтутся слова

по Евангелии на 1-м часе, 3-м, 6-м и 9-м. — *Примеч. в оригинале.*

⁵³ Когда монах ни с кем не советуется, доверяя только своему разуму, — это и называют бессоветием.

⁵⁴ Надмевать — надувать, раздувать.

⁵⁵ Речь в этом рассказе идет о схиархимандрите Михаиле (в миру Макарий Кузьмич Козлов; 1826–1884). Сведения о нем содержатся в «Русском Афонском отечнике XIX–XX веков» (Святая Гора Афон, 2012. С. 160–166). Родился он в семье старообрядцев, но в 1846 г. перешел в Православие. В 1857 г. будущий схиархимандрит прибыл на Афон и поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь; через год был пострижен в мантию с именем Милетий. В 1860 г. о. Милетия посылают в Россию за сбором милостыни, а по его возвращении в Руссик и произошла эта знаменательная история, послужившая ему уроком на всю жизнь.

Шесть лет после сего о. Михаил (таково было его имя в схиме) выполнял послушание благочинного в монастыре. В 1872 г. его направили к русским раскольникам-некрасовцам, жившим на Дунае, для «религиозных собеседований с ними, вразумления и обращения их к Святой Православной Церкви». Затем, в 1874 г., его приглашают в Россию, в Казанскую епархию, и с позволения

Примечания

старцев Руссика он покидает Афон. На родине о. Михаил продолжает свою миссионерскую деятельность. Здесь его рукополагают сначала в иеродиакона, затем в иеромонаха (1874 г.). В 1879 г. он становится настоятелем Селенгинского Троицкого монастыря и начальником Забайкальской противораскольнической миссии с возведением в сан архимандрита. Он неустанно трудился на этом поприще, успел многое сделать для старообрядческого мира, для убеждения раскольников в неправоте их действий.

Как человек, обладавший литературным талантом, о. Михаил оставил после себя записки, письма, сочинения. Так, его воспоминания о пребывании в расколе и о своем обращении были изданы под названием «Письма моим друзьям из Афона» (М., 1864). Есть мнение, что именно о. Михаилу принадлежат «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», автор которых долгое время считался неизвестным, и эта точка зрения находит все больше и больше подтверждений.

- ⁵⁶ Первый игумен Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии схиархимандрит Иерон (в миру Иван Васильевич Носов, он же Васильев; 1829–1912).
- ⁵⁷ Речь, вероятно, идет об иеромонахе Арсении (в миру Александр Иванович Минин;

1823–1879), миссионере, духовном писателе, одном из выдающихся деятелей Свято-Пантелеимонова монастыря.

- ⁵⁸ Монах Азарий (в миру Александр Иванович Попцов; 1822–1878) сыграл важную роль в истории Свято-Пантелеимонова монастыря; писатель, ученый, церковный дипломат.
- ⁵⁹ Скит Новая Фиваида был основан на землях Свято-Пантелеимонова монастыря в 1882 г. по благословению старца-духовника Иеронима (Соломенцова).
- ⁶⁰ То есть противоречить.
- ⁶¹ Монастырь Ставроникита — один из афонских монастырей, основан в X в.
- ⁶² Здесь: сборщик — монах, посланный собирать пожертвования.
- ⁶³ Купание в море запрещается обычаями Святой Горы, в особых случаях нужно благословение.
- ⁶⁴ Рухальная — склад, где хранится одежда монахов.
- ⁶⁵ Схиархимандрит Андрей (в миру Алексей Иванович Веревкин; 1834–1903) был игуменом Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в 1889–1903 гг.
- ⁶⁶ Имеюся в виду материалы религиозно-нравственного характера, которые выпускал Свято-Пантелеимонов монастырь (см. об этом в «К читателю»).

Примечания

- ⁶⁷ Сажень — старорусская единица измерения расстояния, равная 213,36 см.
- ⁶⁸ Аршин — старорусская единица измерения длины, равная 71,12 см.
- ⁶⁹ Здесь в рассказе нарушена хронология событий: вначале рассказывается о той встрече с Марией, которая была три года назад, а потом уже о той, которая происходит в настоящем сновидении.
- ⁷⁰ Порта — ворота, вход.
- ⁷¹ Македоний (ум. после 360), архиепископ Константинопольский, учил, что Святой Дух есть творение и потому не имеет участия в Божестве и славе Отца и Сына. Учение осуждено как ересь на Втором Вселенском Соборе (381 г.).
- ⁷² Вершок — старорусская единица длины, равная 4,445 см.
- ⁷³ Речь идет об иконостасах Покровского и смежного с ним Александро-Невского храмов.
- ⁷⁴ Возможно, непонятное «полтарейка» — вариант диалектного слова «галдарея» («галдарейка»), которое обозначает узкую галерею, опоясывающую стены жилой части дома на уровне пола второго этажа и снабженную перилами из выпиленных досок. Такие конструкции встречаются на больших домах старинной архитектуры в Зонежье в Архангельской области.
- ⁷⁵ Чтобы сподобиться видения Горнего Иерусалима, нужны особые качества — крайняя

простота и полное доверие Богу. И такие качества были у о. Вивиана. Насельник Пантелеимонова монастыря о. Флегонт (Лебедев) так характеризовал его: «Был в словах весьма прост; мудрствований внешних и внутренних мира сего в нем не обретается, поистине младенец».

- ⁷⁶ Похилить (*диал.*) — наклонить, нагнуть.

III. Из записок иеросхимонаха Агафодора (Буданова)

- ¹ Арсана — пристань.
² Ср. рассказ на с. 215–217 наст. изд.

IV. Из публикаций в журнале «Душеполезный собеседник»

- ¹ Рассказы публикуются по: Душеполезные размышления. 1884. М., 1901.
В журнале текст предваряет такое примечание: «Рассказ о себе одного из иноков Русской на Афоне обители святого Пантелеимона (из письма к родным)».
- ² Вариант написания названия метоха Крумица.
- ³ Критмум морской (морской фенхель или морской укроп) богат витаминами С, Р и К, имеет

Примечания

эфирные масла, омега-3, также содержит много минералов, таких как йод.

- ⁴ В подобном положении бывают иногда собиратели наверху Афона неувядаемых цветков (иммортелей) и, случается, платятся жизнью, о чем упоминает [иеросхимонах Сергей] Святогорец в своих письмах. — *Примеч. в журнале.*
- ⁵ Стручкового перца сажают здесь помногу в огородах, и зеленый, когда еще не очень горек, кушают вареным или печеным с уксусом и маслом (елем). Стручки потверже маринуют, подобно морскому укропу, и подают в постные дни на трапезу. — *Примеч. в журнале.*
- ⁶ Публикуется по: Душеполезные размышления. 1886. М., 1901. С. 141.
- ⁷ Публикуется по: Душеполезные размышления. 1886. М., 1901. С. 232.
- ⁸ Речь идет о старце-духовнике Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря — иеросхимонахе Иерониме.
- ⁹ Иеромонах Серафим (в схиме Сергей), автор «Писем о святой горе Афонской», скончавшийся 17 декабря 1853 года. — *Примеч. в журнале.*
- ¹⁰ Публикуется по: Душеполезные размышления. 1887. М., 1901. С. 12.
- ¹¹ Память свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, 6 декабря / 19 декабря.

- ¹² Публикуется по: Душеполезный собеседник. 1891. М., 1892. С. 125.
- ¹³ Передается рассказ от лица проживавшего в то время в Хиландаре русского м[онаха] Исихия как соучастника в сем торжестве, очевидца, а следовательно, и непосредственного достоверного свидетеля. — *Примеч. в журнале.*
- ¹⁴ На Афоне, особенно в храмовые дни, продолжают и на келлиях почти до рассвета служение — с водосвятием по утрене, у греко-болгар и с литургией — неисходно. — *Примеч. в журнале.*
- ¹⁵ Публикуется по: Душеполезный собеседник. 1890. М., 1891. С. 372.
- ¹⁶ О том, зачем открывают кости, см. примеч. 24 на с. 374.
- ¹⁷ На Афонскую Гору в монашество. — *Примеч. в журнале.*
- ¹⁸ Здесь: возникнуть — воспрянуть.

Содержание

К читателю	5
I. ИЗ КЕЛЕЙНЫХ ЗАПИСОК ИЕРОСХИМОНАХА ИЕРОНИМА (СОЛОМЕНЦОВА)	
Безценный бисер	13
Чаша с огнем.....	15
Благодатное прикосновение	17
Вразумление нетерпеливому	19
Дух противления.....	20
Огненное имя	22
Матерь утешения	23
Помыслы хульные не от человека, а от бесов	27
29	
II. ИЗ РУКОПИСНОЙ КНИГИ «АФОНСКИЙ СБОРНИК ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ДОСТОПАМЯТНЫХ СОБЫТИЙ»	
Афонские пустынные беседы	35
Дивный келлиот	37
44	

Повествование иеросхимонаха Фомы.....	46
Событие на Георгиевской постной келлии.....	50
О видении святителя и чудотворца Митрофана.....	52
О святителе Григории	54
Насекомые вразумили	56
Искушение бесовское.....	58
Видение бесов	59
Землетрясение	60
Откровение афонскому пустыннику на вершине Святой Горы.....	62
О чуде Божией Матери.....	64
Вознагражденное милосердие	68
Видение змия	70
Подсады сатаны.....	71
Видение Богомладенца Иисуса	72
Дивное вразумление	75
О курении табака	76
Казанская Богоматерь.....	84
Жизнь монаха Иродиона	99

Содержание

О монахе Геласии-болгарине, за неисполнение обещания получившем вразумление	113
Видение инока	118
Что такое тартар	121
Откровение о постройке храма Зосимы и Савватия на Крумице	124
Об иконе святого Николая Чудотворца (в Фиваиде — пустыни Русского Пантелеимонова монастыря)	129
Святой Григорий Палама монаха во время сна исцелил	133
Из рассказа «Божие вразумление»	137
Всеведение Божие	139
[Богопромышление о нас]	146
Об Афоне кое-что (Из письма отца Пантелеимона (Сапожникова) от 1860 года, июля 14-го дня)	150
Из письма монаха отца Пантелеимона (Сапожникова) к монахине Анастасии от 18 июня 1859 года	151

Святые пустынники.....	164
Смерть пустынника	169
О чуде иконы Божией Матери «Тихвинская» в Ильинском скиту	170
Замечательное сновидение (Из греческой рукописи, хранящейся в библиотеке Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Афонской Горе)	173
Чудо на Покрове Пресвятыя Богородицы 1 октября 1863 года	179
Знамение милостивого благоволения Царицы Небесной в получаемых с Афона Ее святых иконах	183
Повесть о старце Мефодии, пострадавшем от верования своему сердцу.....	188
Сон о самоубийцах	191
О сборщике, утаившем часть жертвы	193
Небесное явление	198
Небесное явление	199
Заметка из письма	200

Содержание

Фиваидские келейные записки	201
Видение райского сада	209
Событие	210
Пожар на Крумице (Письмо отца Афанасия, живущего на Крумице)	215
Чудо с утопавшим	217
Монах на том свете	218
Возвращение от смерти	225
Благодатное откровение (Рассказ монаха отца Вивиана)	233
«Вот это твое и место»	275
III. Из записок иеросхимонаха АГАФОДОРА (БУДАНОВА).....	
293	
IV. Из публикаций в журнале «ДУШЕПОЛЕЗНЫЙ СОБЕСЕДНИК»	
327	
Помощь свыше в минуты опасности	329
Памятное вразумление за ропот на духовного отца (Из записок инока, получившего вразумление)	344

Явления умерших (Из письма афонского инокa к родственнику своему — священнику).....	350
Святитель Христов Николай, наказующий и милующий	352
Вразумление к достойному провождению храмовых праздников	360
Неполная кошница костей (Из письма афонского монаха об открытии костей его друга к матери умершего)	363
Примечания	370

ПРАВОСЛАВНЫЙ ТЕЛЕКАНАЛ

В современном мире каждого человека окружает огромное море информации. И только от нас, христиан, зависит, будет ли в этой какофонии разнообразных голосов звучать голос Божий — слово Божие, хранимое Церковью.

Наша Православная Церковь называется Апостольской, а значит, все православные христиане призваны нести свет Христов в мир. И сегодня у каждого из нас есть такая возможность.

Телеканал «Союз» существует исключительно на ваши пожертвования. Это по-настоящему народный телеканал. Помните, что в наших силах сделать так, чтобы нас услышали!

*Рассказать о Боге тем, кто о Нем не знает, —
поистине доброе дело.
Давайте делать его вместе!*

Помочь телеканалу можно через отделения Сбербанка (или любых других банков, принимающих платежи от населения, или систему «Сбербанк Онлайн») по следующим реквизитам.

Получатель: Свято-Симеоновское архиерейское подворье
ИНН: 66 58 10 99 60. КПП: 66 58 01 00 1. Р/сч: 407 038 108 160 900 96 706.
К/сч: 301 018 105 000 000 00 674. Банк: Уральский банк ПАО Сбербанк
г. Екатеринбург. БИК: 0 465 77 674.

Если Вы пользуетесь «Сбербанк-онлайн», лучше всего на первой странице, в окошке «Оплата покупок и услуг» ввести 665 810 99 60 (или просто: Свято-Симеоновское), нажать «Найти», появится зеленое название «Свято-Симеоновское архиерейское подворье. Услуга: пожертвование на телеканал Союз». Нажимаете на него и далее делаете перевод.

Актуальные номера банковских карт:

Сбербанк 5332 0580 7164 1423,
Альфа-банк 5559 4928 1631 6205,
ВТБ 5225 9800 3038 3591

Чудесные и достопамятные события на Святой Горе Афонской

*Рассказы братии Русского на Афоне
Свято-Пантелеимонова
монастыря*

Составитель
Монах Арсений со Святой Горы

Редактор
Е.Л. Чеканова

Корректор
И.В. Леонтьева

Художественное оформление
С.Ю. Губин

Верстка
Г.Н. Шафигуллина

Техническое сопровождение
Ю.В. Мосягин

**Интернет-магазин
«Благозвонница»**

<http://magazin.blagozvon.ru>

тел.: 8-(495)-363-45-10

Электронная почта:

blagozvonsib@gmail.com

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 13.09.2021. Формат 70х100/32

Бумага офсетная. Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз.

Заказ № .

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,

E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:

111141, г. Москва, ул. Плеханова, дом 11, склад 28.

Телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:

ПАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Телефон: +7(495) 745-84-28, +7 (49638) 20-685,

www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф

